

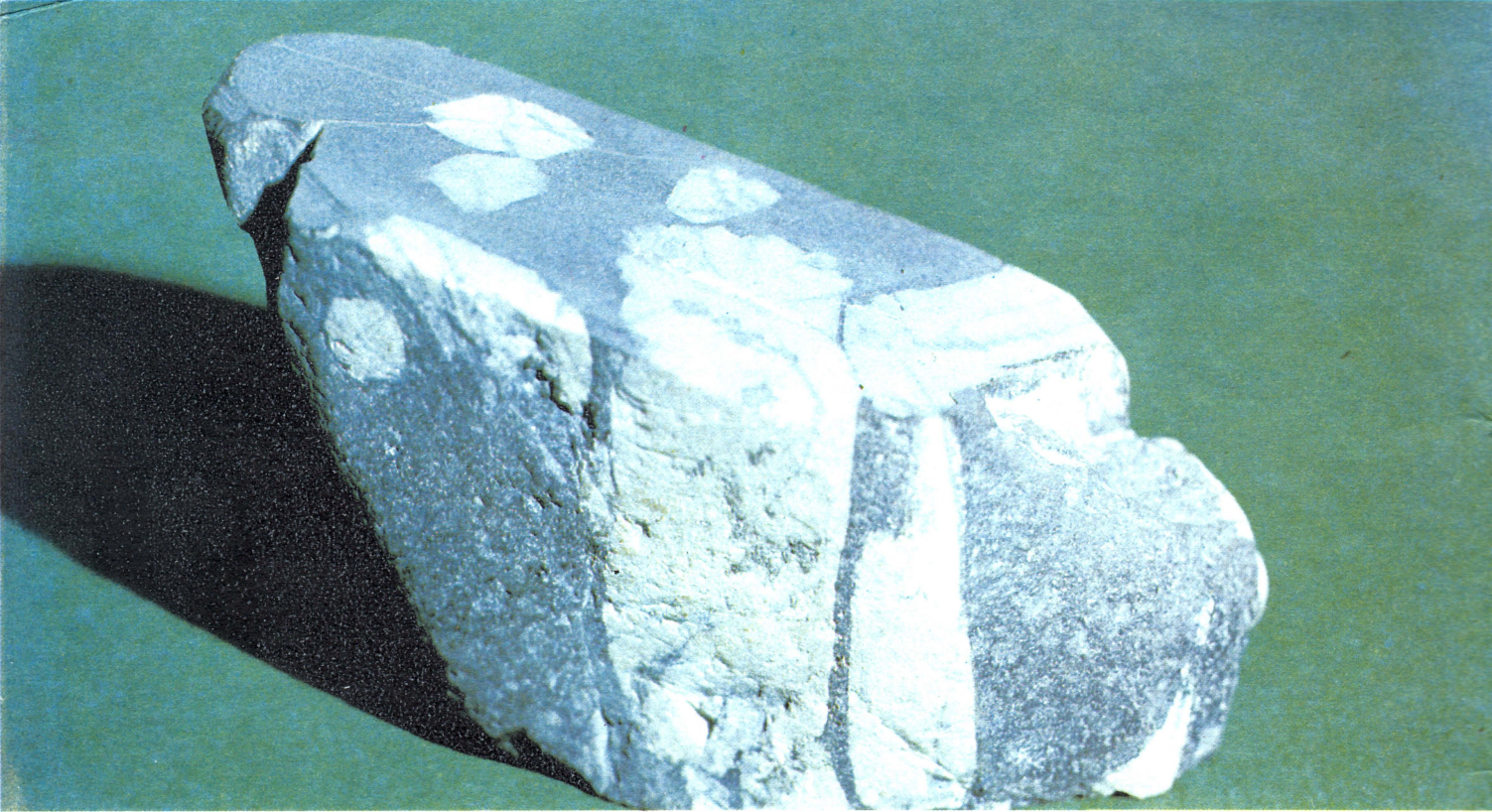
СЪ РОЖДЕСТВОМЪ
ХРИСТОВЫМЪ!

*018 80
Puzoska*

ISSN 0134—241X

уральский 12
1992
С Л Е Д О П Ы Т

*„А если это так, то что
есть красота...“*

Учредители —
Союз писателей России,
Ассоциация советских
книгоиздателей,
трудова коллектив журнала
Издатель —
Средне-Уральское
книжное издательство

Редакционная коллегия:

Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Виктор АСТАФЬЕВ,
Виталий БУГРОВ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ
(заместитель главного редактора),
Сергей КАЗАНЦЕВ
(ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ,
Юрий ШИНКАРЕНКО,
Марат ШИШИГИН

Художественный редактор
Дмитрий ЛИТВИНОВ
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Ольга НАГИБИНА

Адрес редакции:
620219, г. Екатеринбург,
ГСП-353, ул. Декабристов, 67
Телефоны отделов:
22-36-62 (фантастики),
22-45-01 (краеведения, секретариат),
22-10-74 (писем, науки и техники),
22-04-81 (прозы и поэзии, публицистики,
молодежных проблем)

Рукописи принимаются перепечатанными
на машинке через 2 интервала,
60 знаков в строке,
28—30 строк на странице.

По вопросам подписки и доставки
обращаться в районные отделения
«Союзпечати».
Бракованные экземпляры
отправлять в типографию издательства
«Уральский рабочий».

Сдано в набор 09.10.92.
Подписано к печати 25.11.92.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Бумага газетная.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 6,72.
Уч.-изд. л. 11,30.
Усл. кр.-отг. 8,40.
Тираж 107 900 экз.
С-047.
Заказ 443.

Типография издательско-полиграфического
предприятия «Уральский рабочий»
620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

2

ЦЕРКОВЬ В РАЙОНЕ КЛЮЧЕЙ
Продолжаем рубрику «Ждет защиты».
В. Креницын

3

БЕРИНГ — КАПИТАН-КОМАНДОР
ИЛИ ПОЭТ?
В. Прытков

4

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА
НАШЕГО СЕРГИЯ ИГУМЕНА
РАДОНЕЖСКОГО (извлечения)

5

ЛЕСТНИЦА В НЕБО. Стихи
А. Конечный

6

ПУГАЧЕВСКАЯ «МЕТЛА»
А. Татаринцев

8

ВЕЧЕРНИЙ МОНОЛОГ
Очерк из архивов редакции о Тимофееве-
Ресовском.
Ю. Алан

13

РОБИНЗОН В РУССКОМ ЛЕСУ.
Повесть. Окончание
О. Качулкова

29

ИДЕАЛЬНЫЙ ТАЙНИК
Фантастический рассказ
Г. Каттнер

37

ЗАОЧНЫЙ КЛФ
Итоги викторины-92.

41

«КАК В ПЕСНЯХ ЭЛЬФИЙСКИХ
ПОЕТСЯ...» Стихи
Дж. Р. Р. Толкиен

43

«А ЕСЛИ ЭТО ТАК, ТО ЧТО ЕСТЬ
КРАСОТА...» Очерк
Минералы в творчестве И. А. Ефремова
Т. Буруковская

47

СТИХИ
Н. Жеребцов

48

ДУБОВЫЕ ДОЩЕЧКИ
Продолжение серии очерков о подростках.
Ю. Шинкаренко

54

ОСЕЧКА РОБЕРТА ЛЬЮИСТОНА
Рассказ
Герман Ф. Дробиз

59

НЕБО БЕЗ ДИРИЖАБЛЕЙ
1937 год — золотой век дирижаблей.
В. Самсонов

60

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»-92
Годовое содержание журнала.

62

ЧЕСТЬ МУНДИРА
История русского мундира. И не только
история...
А. Левченко

уральский 1992 12
СЛЕДОПЫТ

Церковь в районе

Когда жители Нижнего Тагила едут в сторону нового жилого Гальяно-Горбуновского массива, их взгляд из окна автобуса невольно находит высокую колокольню полуразрушенной церкви. Хотя она и в плачевном состоянии, но по-прежнему красива и величава.

Это Свято-Троицкая церковь.

Два с лишним года назад в газете «Тагильский рабочий» было напечатано письмо М. Токаревой, жительницы района, где расположена Свято-Троицкая церковь:

«Я — человек неверующий и пишу о церкви не потому, что здесь в старые времена молились, а просто потому, что больно и неприятно изо дня в день смотреть на это ободранное грязное строение.

Когда-то его называли Троицкой единоверческой церковью. В 30-х годах сняли с нее крест, колокола и устроили продовольственный склад, а потом отдали под гараж Высокогорскому руднику, а в последние 10—15 лет здесь обосновалась какая-то база стройматериалов. Так что, сработавшее на совесть нашими предками, это старое здание и по сей день служит. Но горько видеть, как нехозяйский относятся к нему...

Это — с позиции хозяйственной. Но стоило бы подойти и с точки зрения отношения к историко-культурным ценностям. Троицкая церковь — единственная в Тагиле (если не считать собора Александра Невского на Гальянке), которую не разрушили до основания ретивые городские деятели послереволюционных лет. Так почему и сегодня это красивое архитектурное сооружение, некогда украшавшее район Ключей, находится в небрежении, словно падчерица у злой мачехи?»

В дополнение к этому письму расскажу то, что знаю о Свято-Троицкой церкви.

В первой половине XVIII века здесь размещалась старообрядческая часовня Иова. Сведения об этом священнике очень скудны. Известно, что жил он здесь со времени основания Нижнетагильского завода, вел жизнь подвижника и совершал в устроенной им часовне богослужения по старым книгам.

После смерти Иова старообрядцы поклонялись его могиле.

В 1745 году старообрядец Рябов значительно перестроил и расширил часовню. Но случившийся пожар полностью уничтожил здание. Тогда на пепелище в 1781 году выстроили более обширное здание с несколькими тайниками.

С развитием горнозаводского поселка усиливалась борьба администрации и духовенства с раскольниками. Когда в Нижний Тагил назначили первого единоверческого священника Пырьева, борьба приняла острый характер. 12 мая 1840 года в поселок приехал пермский губернатор Огарев.

И. Я. Кривошеков в «Словаре Верхотурского уезда...» описывает эпизод отставания старообрядцами Свято-Троицкой церкви. «По случаю приезда губернатора в здание часовни собралась довольно большая толпа. Все попытки полиции выгнать их из помещения оказались безрезультатными. «Умрем в часовне! Не выйдем и не отдадим попу!» — кричал возмущенный народ. И тогда полиция приняла решительные меры. К зданию часовни подъехали несколько пожарных повозок, и в открытые окна на собравшихся обрушились потоки холодной воды. Вода через пожарные рукава лилась несколько часов. Помещение стало заполняться. Грозил потопом. Не выдержав натиска льющей воды, некоторые бросились бежать, но самые стойкие продолжали сопротивляться и не ухо-

дили из помещения. Полиция предприняла штурм часовни и стала вытаскивать людей. Люди ожесточенно сопротивлялись. Женщины царапали полицейских медными шейными крестами. После продолжительной и упорной борьбы помещение было очищено от людей, а 18 мая 1840 года на Свято-Троицкой церкви водрузили православный крест».

В 1842 году на месте Свято-Троицкой часовни, обращенной в единоверческую, воздвигается каменное здание, строительство которого закончилось в 1860 году.

Как и все нижнетагильские церкви, Свято-Троицкая блистала своим богатейшим убранством. В музее-заповеднике хранятся старые фотографии как внешнего, так и внутреннего вида церкви. Центральной ее частью являлись царские врата. В искусную позолоченную резьбу были вкраплены небольшие иконы. Иван Абрамович Орлов, известный в Нижнем Тагиле краевед, вспоминал: «Правый и левый клиросы со стороны амвона были огорожены простыми стенками, а от центральной части — большими иконами евангельского содержания, перед которыми стояли многочисленные и многосвечные серебряные подсвечники с большой свечой в середине. Врата притвора сплошные, деревянные с врезанными в них иконами святых этого престола и сценами из Евангелия. Судя по богатству иконостаса и царских врат, у этой церкви, видимо, были богатые прихожане, делавшие больше пожертвования».

Ключей

Рядом с церковью расположены два двухэтажных дома. В одном жили священник и дьякон, а в другом была церковно-приходская школа.

Как и все церкви, Свято-Троицкая была окружена оградой. Здесь захоронены священники и знатные люди поселка. Здесь же была и могила прапорщика Колесникова, жившего на улице Новой (ныне Семенова). Он погиб при первой же атаке в начале империалистической войны. Прах война привезли с фронта и торжественно похоронили на территории Свято-Троицкой церкви. И. А. Орлов подарил музею-заповеднику редкую фотографию этих похорон.

В начале 30-х годов Свято-Троицкую церковь закрыли. Сбросили кресты и колокол, сбили и уничтожили настенные росписи, сломали резные царские врата. Все убранство церкви погрузили на подводы и увезли... неизвестно куда.

Ныне здесь разместился домостроительный комбинат. А в здании церковно-приходской школы нашло приют Нижнетагильское предприятие коммунальных энергетических сетей.

Василий КРИНИЦЫН

Фото из архива И. Т. Коверды

Беринг — капитан-командор или поэт?

Вячеслав Прытков

В прошлом году исполнилось 250 лет со дня смерти организатора двух Камчатских экспедиций капитана-командора В. Беринга. Последним пристанищем для него и членов команды пакетбота «Святой Петр» стал безымянный остров, впоследствии названный в честь мореплавателя островом Беринга. Самому командору и тринадцати членам экипажа не довелось возвратиться домой, их могилы остались на острове.

Прошедшие столетия наложили свой безжалостный отпечаток на места беринговой стоянки и погребения мореплавателей (состояние поверхности берега в бухте острова таково, что она ежегодно на 90 мм погружается в море. Не трудно представить, какой серьезной опасности подвергается это памятное для нашей истории место).

Совместная советско-датская экспедиция «Беринг-91» под руководством А. К. Станюковича провела летом 1991 года новое комплексное научное исследование стоянки и захоронения капитана-командора на острове Беринга. Работа основывалась на программе «Колумбы Русской Америки» международного общества «Подводный мир» (в него входят почти 200 организаций бывшего Советского Союза и их партнеры из других стран). Кроме упомянутого общества, экспедицию подготовили Институт археологии АН России, ленинградское общество «Память Балтики», московский клуб «Приключение», а поддержали спонсоры — творческо-производственное объединение «Тамп» и московский кооператив «Форт».

Для отыскания могил мореплавателей исследователи применили оригинальный геохимический метод, разработанный научно-исследовательской лабораторией археометрии кооператива «Форт». Его особенность — фосфатный анализ грунта, позволяющий с предельной точностью выйти на костные останки, не нарушая уязвимого почвенного слоя. Была обнаружена могила самого В. Беринга и еще пять погребений из тринадцати известных.

Геофизическая разведка помогла отыскать сохранившиеся пушки с пакетбота «Святой Петр», остатки кузины, сооруженной из обломков корабля самими мореплавателями, и другие ценные объекты Второй Камчатской экспедиции Беринга.

Археологические раскопки позволили установить факт посещения острова задолго до Беринга.

Интересно утверждение камчатских ученых и их коллег из Дании о несоответствии облика В. Беринга тем изображениям, что даются в книгах и учебниках: на них, считают ученые, изображен его двоюродный дед-тезка, датский поэт. Найденные экспедицией «Беринг-91» останки командора сейчас исследуются профессором НИИ судебной медицины В. Звягиным по знаменитому методу пластической реконструкции академика М. Герасимова.

Все находки экспедиции «Беринг-91» после исследований и консервации будут возвращены Командорам. Вернутся на остров и будут торжественно захоронены и останки мореплавателей.

В рамках программы «Колумбы Русской Америки» общество «Подводный мир» ведет подготовку новой экспедиции на Командорские острова в 1992 году.

Если кто-то из читателей журнала заинтересуется деятельностью общества «Подводный мир», сообщаем телефоны в Москве: 143-31-76, 311-95-30.

г. Каунас

*Пришел, чтобы увидеть
великого пророка...*

Однажды поселянин, земледелец из дальней стороны, услышав о святом Сергии, пожелал увидеть его. И пришел в обитель преподобного и расспрашивал, как увидеть его. Случилось же тогда преподобному копать землю на огороде.

Сказали об этом поселянину. Пошел поселянин к огороду и, увидев святого в худой одежде, разодранной и много раз заплатанной, копающего землю, решил, что посланные решили над ним помяться. Он надеялся увидеть святого в великой славе. И, возвратившись в монастырь, снова начал расспрашивать: «Где святой Сергий? Покажите мне его, ведь я издалека пришел, чтобы повидать его». Они же отвечали: «Воистину тот самый, кого ты хотел увидеть». Вскоре подошел святой, но увидел его поселянин и возгнул, отвернулся и не хотел даже взглянуть на блаженного. Сам же в себе поносил его: «Сколько трудов предпринял я вступить! Пришел, чтобы увидеть великого пророка, о котором столько слышал. Надеюсь увидеть его в великой чести и славе, и вот вижу какого-то нищего и нечестного старца».

Святой же, уразумев эти помышления, стал благодарить его, ибо как гордый о похвалах и почитании, так смиренномудрый о бесчестии и унижении своем радуется. И, пригласив поселянина с собою, поставил перед ним еду и стал угощать его. И сказал ему: «Не скорби, а того, кого хочешь, вскоре увидишь». Только он эти слова произнес, как примчался вестник, возвещая о прибытии в монастырь великого князя. И встав, святой отправился навстречу князю, который приехал со множеством своих слуг. Увидев же святого, князь поспешил к нему и, поклонившись до земли, попросил благословения у преподобного. Он же благословил его и ввел в обитель с подобающей честью. И сев, оба, и князь и старец, беседовали, остальные же все стояли. А этот поселянин слугами был отогнан подальше, и старца, которым гнушался, старался издалека, прикинув, увидеть и не мог. Спросил же шепотом одного из предстоящих: «Господи, кто этот старец, который сидит с князем?» И ответил ему тот: «Святой Сергий».

Начал же поселянин поносить и укорять сам себя: «Как это я ослеп и не поверил тем, кто указывал мне отца святого? Как не воздал ему достойных почестей? Заслуженно называют нас поселянами и невеждами! Как явлюсь теперь стыдом одержимый перед лицом святого?» Когда

же покинул князь обитель, поселянин прибежал к преподобному и, стыдясь взглянуть на него, припал к ногам, прося прощения, поскольку от неразумия согрешил. Святой же любезно утешал его, говоря: «Не скорби, чадо, только ты один истинно познал меня, не найдя ничего особенного. Прочие же все соблазнились, называя меня великим». Из этого случая явно, насколько смиренным был преподобный отец Сергий, поскольку гнушающегося им земледельца больше возлюбил, нежели ту честь, которая оказана была ему князем.

да пребывает с тобою». Братья же чрезвычайно удивились и решили некоторые, что преподобный увидел видение. По окончании же трапезы спросили его, а он рассказал им: «В тот час епископ Стефан, идущий ко граду Москве, стал напротив нашего монастыря и поклонился Святой Троице и нас грешных благословил». Позже некоторым из его учеников стало известно, что именно так и было. И дивились дару прозорливости их отца, данному ему от Бога.

*«Врагов победишь и
здоровым в свое Отечество
возвратишься...»*

ЖИТИЕ

преподобного
отца нашего

Сергия
Игумена

Радонежского

(извлечения)

*И дивились дару
прозорливости их отца...*

Епископ Пермский, святой Стефан, великую любовь испытывал к преподобному. Как-то шел он из своей епископии в Москву по дороге, которая отстоит от Сергиева монастыря на пять поприщ или чуть больше. Поскольку он спешил попасть в город, то решил не заходить в обитель святого, но зайти к нему на обратном пути. Находясь же напротив монастыря, встал на колени и прочел молитвы: «Достойно есть» и обычную молитву. Поклонился преподобному Сергию и сказал: «Мир тебе, духовный брат». В этот момент преподобный Сергий находился на общей трапезе. Уразумев духом поклонение епископа, тотчас же встал из-за стола и, немного постояв и молитву сотворив, поклонился также епископу, вдалеке от обители отстоявшему, и сказал: «Радуйся и ты, пасть Христова стада, и мир Божий

В тот год попушением Божиим за грехи наши случилось нашествие нечестивого царя татарского Мамаю на Российскую землю. И поэтом великого князя Дмитрия, скорбящего, святой Сергий молитвою вооружил и о победе пророчествовал, сказав: «Иди против варваров, великое отвергни сомнение, и Бог поможет тебе. Врагов победишь и здоровым в свое Отечество возвратишься». Великий же князь, на помощь Божию и на молитвы святого надеясь, пошел и, вступив в битву с татарами, победил их. Так что Мамай с малою дружиной едва убежал. Преподобный же, будучи прозорлив, видел то, что совершалось вдали. И, стоя с братиею на молитве в обители своей в то время, когда битва разразилась между христианами и татарами, возвестил, что в этот самый момент великий князь Дмитрий татар победил, и тех христиан, которые во время битвы убиты были, по имени называл, и приношение о них Богу приносил: все ему Богом открыто было. Князь же, с торжеством с поля боя возвратившись, пришел в обитель к преподобному и благодарил святого, ибо он помог ему своими прилежными молитвами к Богу.

лестница в

Хорал

Когда стечет в траву
воск утреннего града
И разматает гром
свой огненный клубок.
Из-за свинцовых врат
возвышенного града
Нисходит вдоль луча
мой кареглазый Бог.

Сквозь затхлый и сквозной
мрак метрополитена
Я восхожу к Нему
по лестнице пустой.
И радостный хорал
из ветра и Шопена
Торжественно звучит
молитвою простой.

На срезе подвижных
подземных минаретов
Ветхозаветных дней
мерцают письма,
Когда не ведал мир
ни Мекк, ни Назаретов
И не придумывал
для Бога имена.

Мой кареглазый Бог
нисходит в мир без злобы
И в смерти не страшит
пылающей смолой,
Мой кареглазый Бог
ко мне приходит, чтобы
Я стал молитвенным огнем,
а не золой.

Я не ищу судьбы
скитальца и пророка,
Но в пыльный луч впелась
янтарная лоза,
И я иду один,
без имени, без срока,
Чтобы с улыбочкой взглянуть
Ему в глаза...

Бездна

Придорожно влюбленный в удачу,
Как в расцветшее солнце в росе,
Я свидание наше назначу
В стороне от зеркальных шоссе.

Скоростной амальгамой асфальта
Искажается облик и жест,
Только рокот шмелиного альта
Приглушает ревушую жесть.

В сонном княжестве дикого мака
Никогда не визжат тормоза:
Безо всякого вздорного знака
Заглядимся друг другу в глаза.

Оттого и влюблен я в удачу,
В острогрудую летнюю мглу.
Оттого и в бессилии плачу,
Заклоченный в медвеьем углу.

Нет! Не блеском дороги зеркальной
И не злою острожной судьбой —
Вечной одурью континентальной
Осужден на разлуку с тобой...

Но, минуя пространство, вплотную
Ты мерцаешь в дыхании моем,
И не раз еще в бездну глазную
Мы сорвемся вдвоем.

Бархатный

сезон

Качалось море на весу
В ладонях сумрака прохладного.
И ты шагнула в полосу
Луча медового, закатного.

Тень разграфила пополам
Сырые доски узкой лавочки.
Крапива жалась по углам.
Вдоль берега сновали ласточки.

Легко ступая на песок,
Косым шагком дробя молчание,
Была ты — с пятки на носок —
Сплошное стройное качание.

И я сквозь марево ресниц
С остановившимся дыханием
Следил за колыханьем птиц.
За волн и бедер колыханием.

За этой влажной наготой,
Что близким солнцем коронована
И недоступной чистотой
Для вечности предуготована...

Сомнение

Очертанья твои
в затемненном вагоне
Проявляются влажно
в оконной иконе.
Где на встречную ткань
подвижного состава
Налагаются краски иного состава:

В них не ляпис-лазурь,
не глазурь, не олифа —
В них сосновый угар
молодого побега,
И острожная удаль ночного побега,
И святая наивность великого мифа.

Только что до того мне,
что полночь бездонна,
И двоятся в очах твоих сонных,
Мадонна,
Азиатские скулы российского хама,
Забухавшего вхлам
по дороге из храма?

Только что?.. Но в правдивости
пьяного взгляда,
Как в преступной учтивости
трупного яда,
Есть искомая доза чего-то такого,
Без чего потускнеют и краски,
и слово!

Разве кисти доступно
содружество истин,
Для которых — ничто! —
все условности страсти,
Для которых и Дьявол, и Бог —
ненавистен,
Светотенью разъяв человека
на части?

Александр ТАТАРИНЦЕВ

Пугачевская «метла»

Двести восемнадцать лет назад, 21 февраля 1774 года, одним из атаманов Пугачева, осадившим со своим отрядом Далматовский монастырь, было составлено «Увещательное письмо» весьма любопытного содержания. Оно было найдено и опубликовано 130 лет назад историком А. Зыряновым и с того времени ни разу не воспроизводилось. Сложилось убеждение, что оно и не сохранилось. Однако «Увещательное письмо» и ряд других документов, использованных А. Зыряновым, обнаружались в Пермском облархиве. Приведу его полностью. Но сначала два слова об осаде.

Монастырь был осажден 11 февраля 1774 года отрядами есаулов Пестерева и Тараканова, к которым прикнула беднота из окрестных сел. За его стенами укрылись чиновники, священнослужители, купцы «первостатейные» и «торгующие» крестьяне, а также воинская команда числом более трехсот человек. Как сообщает Г. Плотников, использовавший монастырские архивы, «почти все, засевшие в стенах монастыря, колебались мыслями и приложились бы скоро на сторону измены». Этому в немалой степени способствовали как устные, так и письменные «увещания» пугачевцев, обращенные к осажденным. Среди них неоднократно начинался внутренний мятеж, но монахам, чиновникам и солдатам удавалось подавить его, тем более, что до них уже дошел слух о приближении правительственных войск.

Пугачев решил послать на помощь Пестереву атаману Василия Митрофанова, который в день прибытия и передал в монастырь «Увещательное письмо» следующего содержания:

«В Далматове Пресвятей пречистой Преподобноу Владычине нашей Успении Богородице, всем верноподданым рабам господа нашего Иисуса Христа монастырь: из армии его императорского величества великаго государя третьяго императора Петра Федоровича от походнаго вновь прибывшаго ящкаго атамана Василья Митрофанова с товарищи: всенижайшей, всеподданейшим рабом увещательное письмо.

Сего февраля 21 дня 1774 года я всенижайший означенный раб Митрофанов с товарищи имея по указу его императорского величества следовать во означенной Успении пресвятыя богородицы Далматов монастырь с нема-

лою командою в дополнение к полутысячам ящкими и прочими казаками и с полною походною артиллериею, о чем вам всем верноподданым рабом сие увещательное письмо посылается: как все государственные царственные иные настоящие и прочие российские от перваго даже и до последнего окроме половины Тобольской губернии города склонились его императорскому величеству и в подданство благополучное пришли так и вам всем означенным сидящим сумнительным рабом во уничижении и во всеподданнической рабской ко исполнению сего увещания посылается. Если вы придете в означенную подданническую его императорского величества должность усердно и нелицемерно имеете покориться и повиниться без всякой суровости и напраснаго себе истязания и кровопролития то не о чем не имеете никакого о себе сомнения и во всем сугубаго препятствия как честные добрые и нелицемерные государственные слуги от его величества получить себе в награждение и всеподданническое исполнение. Если же сего себе доброе не имеете и в чувство не навечете его величества праведный и неизбежный гнев как выше сего прописано чего ради на посланное сие на нас верноподданных гневу никакого не иметь толко в довод доводить не приходших в склонность всем вам сие дается знать 22 числа февраля 1774 года»¹.

В ответном письме от 23 февраля 1774 года, переданном Митрофанову через «малоумного» немого Ивана Битюгова, было выражено официально-правительственное отношение к вождю восставших. Им предлагалось «признав свой проступок, обратив в полное повинновение законной самим богом оправданной монархиней...»

Получив этот ответ, пугачевцы снова возобновили штурм монастыря, овладение которым обеспечило бы их орудиями, столь необходимыми для взятия Шадринска. У осажденных же запасы подходили к концу: из 30 пудов пороха оставалось всего 24 фунта. Но к 1 марта пришло известие о поражении «скопища при селе Уксянском». Осада была снята, и крестьяне из окрестных сел разошлись по домам.

Но они все еще волновались, «скрывая в мыслях злостные в отношении к властям монастыря замыслы». Для «искоренения» 14 марта в монастырь прибыла тысяча солдат и драгун из войска генерала Деколлонга. Началась расправа. «По отобрании допросов в военном суде, тотчас... секили кнутом, и кого бездыханнаго, кого едва дышавшего сбрасывали со стены монастыря в рывтину, промытую вблизи током весенних и дождейских вод: кто оставался живым под ударом кнута, тот умирал на снегу...» Протоиерей Г. Плотников приводит образец «остроумия» из монастырского документа того времени, сообщающего, что крестьянин Василий Перин «для поимания рыбы послан под мельницу (брошен в поляню живый)», да только еще с рыбой не возвратился. За три дня в монастыре было казнено 30 человек.

Скорый суд и расправа вершились и в других местах. Известно, что из 1400 захваченных «бунтовщиков» большинство погибло под кнутом и на виселице. Оставшиеся в живых должны были возместить помещикам и монастырям понесенные убытки.

10 января 1775 года на Болотной площади в Москве был казнен Емельян Пугачев. Лилась рекой повсюду и крестьянская кровь. По Волге плыли виселицы с повешенными. Стремясь предотвратить новые волнения и привлечь на свою сторону колеблющихся, правительство действовало не только устрашениями, но и «поощрениями». Указом от 3 февраля 1775 года Ирбитская слобода в награду за стойкость перед пугачевцами была переименована в город.

Привилегии, связанные с переименованием, на крестьян не распространялись. Архивные документы свиде-

¹ Государственный архив Пермской области, ф. 321, оп. 1, д. 16, лл. 28-29 (об).

тельствуют, что верноподданические чувства проявляли в первую очередь чиновники и воевода Ирбита, используя в качестве шпионов и доносчиков некоторых крестьян из зажиточных слоев. Общеизвестно, что Пугачев был предан представителями зажиточного казачества. Та же судьба постигла и одного из его последователей, вест о котором очень скоро дошла до Тобольска и Ирбита.

1 февраля 1775 года усмиритель пугачевцев граф П. И. Панин писал Казанскому и Вятскому губернатору П. С. Мещерскому: «Сперва доходил до меня приватной слух, что будто между народом Нижегородской губернии отзывалось об имени какого-то Заметайлы, намеревающегося появиться к возмущению народному последователем, злодею Пугачеву; а на сих днях и оказался уже в Пензенском уезде один крестьянин, который вышел из кабака на базар, дерзал произносить между народом возмущение именем покойного императора Петра Третьяго, со уверением скорого последователя с войсками именем Заметайлы, тот произноситель пойман и производится о том следствие...»

В огромной литературе о крестьянском восстании Пугачева никаких конкретных сведений об этом Заметайле не сообщается. Поэтому проще всего было бы предположить, что «заметайло» — не собственное, а нарицательное имя, подразумевающее всякого, кто выдавал себя за императора Петра III после казни Пугачева: тот начал «выметать», а кто-то должен «заметать». Отсюда — Заметайло.

Архивные документы убеждают, однако, что имелся в виду действительно существовавший и неуловимый Заметайлов, который не выдавал себя за императора, а выступал под своим именем, действуя в районе Царицына. Об этом Ирбитская воеводская канцелярия доносила тобольскому губернатору Чичерину, который 10 сентября 1775 года направил ирбитскому воеводе Еленеву ордер: «Назад тому седьмой месяц, как показывался около Царицына к новому возмущению подлово народа один мошенник разбойник Заметаев, который прибрал себе небольшую шайку подобных разбойников и приняв на себя звание атамана... преходил с место наместо для грабежа...» Он был, как сообщал Чичерин, схвачен своими же казаками. Губернатора беспокоило, не распространяются ли здесь слухи об атамане, получившем в народе конспиративное прозвище «метлы».

Ирбитский воевода принялся за дело. В Белослущую слободу был послан для «разведования» шпион Яков Демин. Он выяснил, что между крестьянами «великое есть вредное согласие».

Ввиду важности сообщения Демин был вызван на допрос в секретную экспедицию Тобольского губернского правления, и 13 сентября 1775 года показал: «В прошедшем августе месяце пришел к нему той же слободы (Белослущкой.— А. Т.) крестьянин Иван Володимеров для взятая взаимы хлеба, и между другими разговорами сказывал ему Демину о «великом вредном согласии», но «какое именно то было» — не объяснил. Самому Демину крестьяне, разгадавшие в нем доносителя, сказали: «Ныне есть еще метла, и он тебя заметет».

Сведениями об окончании этого дела мы не располагаем, но вряд ли можно сомневаться в том, что названных Деминим крестьян постигла жестокая расправа. Тобольский губернатор Чичерин был не из тех, кто мог оставить без последствий подобное «вредное согласие».

А волнения крестьян все продолжались в разных краях Российской империи. В 1778—1780 годах «взбунтовались» соотечественники Екатерины II — немецкие колонисты в саратовском Заволжье. Священник Г. А. Скопин зафиксировал в своем дневнике 14 августа 1780 года: «По секретной комиссии содержащихся колодников наказывали кнутом, самозванца и разстригу наклеямили, прочим уши обрезали, а иных плетями». Что это за самозванец, остается пока не выясненным.

С 5 сентября 1782 по 26 августа 1783 года в Пермском наместническом правлении рассматривалось «Дело об аресте и наказании палками крестьянина Ярославской губернии С. К. Матвеева за произнесение речей, оскорбительных для Екатерины II». В том же правлении с 11 мая 1786 по 13 мая 1787 года разбиралось сообщение капитан-исправника Шадринского округа о распространении среди крестьян Каменского уезда слухов об императоре Петре III...

Стихийно, но непрерывно пугачевская «метла» продолжала будоражить народ, захватывая порой и армию. Так, 7 июля 1785 года комендант Омской крепости полковник Ханин направил генерал-губернатору Пермского и Тобольского наместничества Е. П. Кашкину рапорт о чрезвычайном происшествии во вверенном ему драгунском полку. Драгун Илья Скворцов произнесил дерзновенные речи, которые «до высочайшей царской особы касаются». Он же сочинил письмо антиправительственного и антицерковного содержания, вручив его дьякону Омской соборной церкви. Дьякон не замедлил доложить о письме в духовную консисторию.

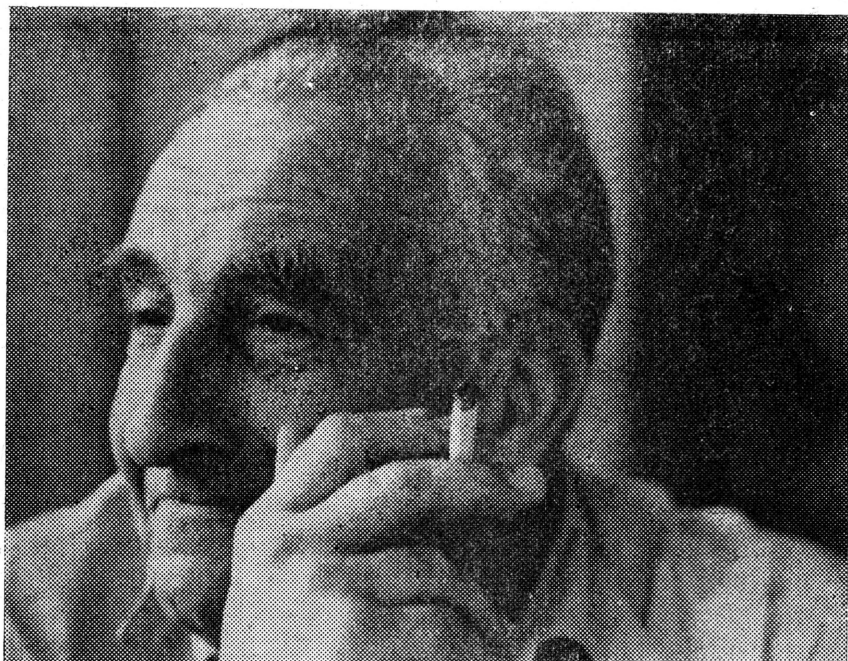
При расследовании дела выяснилось, что Скворцов, ранее служивший в Казани, уже был в бегах вместе с четырьмя своими товарищами, держа путь к Янку, «где такового свойства людей находится довольно». Духовная консистория доносила, что Скворцов не только не раскаялся в своем преступлении, но «показывал... богопротивное в своих мнениях и словах», называл себя пророком и посланником Бога. Будучи сам неграмотным, он изложил свои мысли в особом письме, составленном под его диктовку «солдатским сыном малолетним Иваном Кучумовым». Копия этого письма хранится в делах Пермского облархива.

Скворцов, в частности, обвинял Петра I в том, что тот способствовал распространению на Руси «не священных книг», а исторических, философских сочинений и разных других «басен и песней». Его преемники еще более усугубили положение, не радея о сохранении исконно русских начал жизни. Все это, убеждал Скворцов, идет от немцев и во вред истинному русскому благочестию. В письме выражена мысль о безусловном превосходстве духовной власти над светской и глубокая вера в непреложность христианского учения.

Можно подумать, что автор письма — один из фанатиков старообрядческого толка. Но Скворцов нигде прямо не называет себя ни старообрядцем, ни противником реформы патриарха Никона, и даже не упоминает вождя старообрядчества Аввакума. Скорее всего, обличительный пафос Скворцова объясняется решительным отрицанием каких бы то ни было авторитетов, кроме Бога, «пророком и посланником» которого он себя объявил. Но главная крамола заключалась, конечно, в пренебрежительном отношении к Екатерине II, о которой сказано: «...Женскому полу не подобает царствовать».

О результатах расследования документы ничего не сообщают, но они ставят выступление Скворцова в прямую связь с его попыткой прорваться на Янк, где и спустя десять лет после казни Пугачева все еще жива была память об этом народном заступнике.

г. Глазов

На снимке: Н. В. Тимофеев-Ресовский (фото 1973 года).

ВЕЧЕРНИЙ МОНОЛОГ

Юрий
АЛАН

О моем собеседнике, старейшем ученом, в последнем издании Большой советской энциклопедии написано следующее.

Советский биолог Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский родился 7 сентября 1900 года. Ученик С. С. Четверикова и Н. Н. Кольцова. В начале двадцатых годов пришел в Институт экспериментальной биологии. Затем двадцать лет работал в Германии. По возвращении в СССР Тимофеев-Ресовский руководил отделами Института биологии нынешнего Уральского научного центра и Института медицинской радиологии в Обнинске. Теперь он — консультант Института медико-биологических проблем Министерства здравоохранения СССР.

Тимофеев-Ресовский — один из основоположников количественной радиационной генетики и радиационной биогеоценологии, автор многих исследований по генетическому действию излучений, позволивших сформулировать основные представления современной радиобиологии — принцип попадания и теорию мишени. Он создал (совместно с М. Дельбрюком) первую биофизическую модель структуры гена и предложил возможные пути его изменения.

Тимофеев-Ресовский — член президиума Всесоюзного общества генетиков и селекционеров имени Н. И. Вавилова и Академии искусств и наук США и Академии «Леопольдина» (ГДР). Он награжден Менделеевской и Дарвиновской медалями, Кимберовской премией и золотой медалью «За выдающийся научный вклад в генетику» (США).

«Среди генетиков Советского Союза старше меня разве только Ян Янисович Лусис из Риги, ученик Филиппенко и Петроградского», — говорит с веселой самоиронией Ресовский.

А вот как просто-таки пламенно написал о Ресовском, о его вкладе в науку другой наш известный генетик, покойный ныне академик Б. Л. Астауров. «Характеристика «генетического вклада» Н. В. Тимофеева-Ресовского лишь перечнем его исследований дала бы, однако, очень бледное представление о его роли в генетике, если забыть о других сторонах его необычайно яркой индивидуальности. Широкая русская натура, неумная кипучая энергия, заражающий оптимизм и научный энтузиазм, искрометное веселье и острословие и вместе с тем строжайшая логичность и лаконизм мышления, последовательность, чеканная ясность и убедительность речи природного педагога в соединении с незаурядным ораторским талантом... до конца идущая бескомпромиссная смелость и прямота научных суждений и позиций, энциклопедическая эрудиция и все запоминающая память, любовь, если не страсть, к устным выступлениям, докладам, лекциям, дискуссиям, шумным спорам на научные темы, к «крику и гаму» (шуточные характеристики генетических дискуссий, расшифровывающиеся как намек на споры о молекулярно-генетических представлениях Ф. Крика и Г. Гамова) сделали Тимофеева-Ресовского громогласным трубадуром генетики, подлинным учителем для многих и многих советских биологов, особенно же для юных умов».

— Вот какой страстный панегирик! Но удивительно, что добрейшей академик Б. Л. Астауров вовсе не переклестнул, а перечислил действительно существующие, действительно сверхающие грани личности Ресовского.

Восьмидесятилетний старик неслабеющим басом сотрясает тесную от книг комнату, энергично жестикулирует. Весь день он проводит в кресле, и телефон поставлен так, чтобы был под рукой, и необходимые книги рядышком, и все нужное для чая перед ним, на столе, чтобы лишку не трудить большие ноги, не ходить с кухни да на кухню. Смотрю на него, сидящего в кресле, одинокого в этой квартире, и он мне кажется космонавтом, который дежурит в станции, летящей по высокой орбите, и ждет с Земли звонка...

Думаю с грустью, старик весело рассказывает о своем детстве...

— По-видимому, в пределах нашего обширного отечества я совершенно особенный человек... Вас изумляет моя нескромность? Не спешите осуждать. Моя особенность в том, что я был немисливо обкакан пеликаном. Это неповторимое событие случилось накануне первой мировой войны в окрестностях замечательного озера Тенгиз. Там есть безымянное малосоленое озерко, на нем меня и пометила птица. Я был тогда всего-то гимназистом, но в тех краях путешествовал вполне самостоятельно. Мне нужна была шкурка пеликана, я обещал ее прислать одному музею. И вот я вижу, как плавает стая курчавых пеликанов, как хитро загоняет на мелководье рыбешку, чтобы там заглотить ее. Конь подо мной был казацкий, из таких, что не убегает от седока, если тот, скажем, сверзился с седла на землю. Поэтому я стрелял, сидя в седле, и не боялся потерять коня, случись шмякнуться в камыши в минуту азартной стрельбы. И вот я палю и попадаю в пеликана, а прочие птицы, естественно, взлетели и понеслись прямо надо мной. Я поднял к небу лицо и смотрел на стаю. Птицы, разумеется, были перепуганы, и с некоторыми из них приключилась медвежья болезнь. Посыпался помет, и одна какашка шлепнулась мне на лоб. Она была абсолютно омерзительная, потому что непобедимо воняла рыбой. От страшной вони я просто упал с лошади, тотчас вскочил и в одежде бросился в озеро отмываться...

Хвалюсь не без оснований, что я совершенно особенный человек. И в Америке, и в Европе, и в нашей стране много, много лет спрашивал у десятков зоологов. Пеликаны никого так весомо не обделали, никого — только меня!

В гимназические лета я дважды бывал в Карелии. В четырнадцатом и пятнадцатом годах. Плыл один на лодке по Онежскому озеру. Добирался до Кандалакши. Пешком пересекал Кольский полуостров, и считаю, что тоже он назван моим мальчишеским именем — Коля.

Мальчишкой я был знаком со знаменитым знатоком искусства Игорем Грабарем. Он попросил меня на Севере, во время моих скитаний там по всяем, собирать для него «бублики». Вы знаете, что это такое? Нет, помилуйте, это не баранки. Так назывались в начале нашего века иконы. Я бродил по заповедным местам староверов, у которых уже тьму лет опы отбирали донионовские иконы. И хранили отнятое так. В верхнем уголку икон проделывали дырки, продевали в эти отверстия веревочки, а в позднее время и проволоку, и так нанизывали иконы, как бублики, и получались связки. Их и сдавали в ризницы церквей. Повсюду были «бублики». Я ходил по селам, непременно жалуя своим гостеванием и беседой батюшек. Подолгу чаевничал с ними, но и о деле помнил. Полученные связки икон я отправлял Грабарю по почте. Кое в каких деревнях батюшки подолгу отсутствовали, уезжали с народом на сенокос. Тогда я катал на лодках скачущих поповен — светловолосых северных девушек — и намекал им, что меня интересуют «бубли-

ки». Бывало, мне подавали девичьи руки очень старые иконы...

Многое меня увлекало в тех походах. Разбирался уже в юные годы в церковной архитектуре. Знал толк и в церковном пении. Профессор по гистологии Иван Фролович Огнев, да художник Нестеров, да моя милость, гимназист, по средам и воскресеньям ходили по столице и смотрели всякую церковность, и слушали певчих. Я, например, любил басов и потому коллекционировал басовитых дьяконов Москвы.

Так что в северных походах я любовался памятниками деревянного зодчества, как теперь говорят, да слушал поющих батюшек как любитель и даже знаток. А поповнам во время прогулок пел я, конечно, не надоевшие им псалмы, а романсы Вертинского. Он тогда появился в Москве и был в большой моде. Я пел «Сероглазого короля» или тягуче выводил: «Куда ушел Ваш китайчонок Ли, где Вы теперь...» Это — про Веру Холодную, необозримо тогда популярную актрису. Пел хмельное есенинское. Так что, как видите, растревоженные поповны не могли не удивляться моему интересу к «бубликам».

Я полюбил Карелию. За всю жизнь был в этих краях семь раз. Только с женой, с Лелей, четырежды плывал на Север. Теперь по Мариинской системе плывешь в комфортабельном теплоходе. И русская старина все менее жива в тех землях.

Лучше всего на свете плыть по реке! Плавал я и по соленой воде, но в море скучновато. Вообще мы с Лелей хаживали почти по всем рекам — по Днепру, по Каме, по Белой, по Оби, по Иртышу. Дважды по Енисею до Диксона. По Амуру до Татарского пролива. Не успели сплавлять по Северной Двине... Любил я реки, их покой. Наглядишься на берега вдосталь, можешь плыть, читая детектив, ведь детективы — это самые стоящие книги в дни отпуска.

По причине разумности моих родителей и отчасти моего раннего развития я рос не маменьким сыночком, а самостоятельным мальчишкой. Несколько лет мои родители имели дачу на реке Ирпень, это правый приток Днепра. Я пропадал там дни и ночи в очерети — в зарослях камыша и тростника. Отец купил мне челнок, и на нем я пробирался сквозь эти джунгли. В первое же лето подружился со стариком-рыбаком. И учился у него ориентироваться в опасной очерети. Вскоре старик умер и завещал мне там, в глубине камышей, островок с шалашом, который я сильно улучшил, и у меня появился свой летний дом. После смерти старика я продолжал дружить с его внучкой, одноногой девчонкой Галей, которой громадное колесо фуры отдало ногу. Она стыдился ходить на виду у людей, а в челноке чувствовала себя превосходно и ловко им управляла. Галя навещала меня на дедушкином острове, и мы ловили рыбу.

Однажды мама и тетки потеряли терпение и подняли шум. Мол, я когда-нибудь утону в этих камышах и мне пора, наконец, прекратить всякие плаванья по Ирпени. Доложили отцу. Он без лишних слов приказал следовать за ним и пошел к реке. На берегу он молча взял меня одной рукой за штаны, а другой за ворот рубашки, поднял, раскачал и бросил в омут. И потом стоял, скрестив руки на груди, как Наполеон, и наблюдал за мной. Я все понял... Нырнул и долго плыл под водой. Затем маханул к противоположному берегу. Потом вернулся. И опять отплыл от берега и показал, что умею плавать и кролем, и брассом, и как хочешь.

Вышел на берег. Отец молча зашагал домой, я — за ним. Дома он сказал женщинам: «Когда кто-то будет тонуть, позовите Колюшу». Больше мне никто не мешал исчезать на весь день в «жуткой» очерети.

Тринадцатилетним я уже вступил в общество по спасению на водах. Это было в Киеве. Станция располагалась около цепного моста. Особенно тяжело было в ледоход. Мы надевали специально промасленные комби-

незоны и шерстяное белье, и десять минут в этом одеянии можно было плавать среди льдин. Только бы не раздавило. Потому в частные дела больших льдин вмешиваться не рекомендовалось. На правой моей руке была полуперчатка с тяжелыми медяшками на пальцах. Это чтобы оглушать утопающих, которые мертвой хваткой цепляются за спасателя. Такое случится, тогда надо было поджать ноги и потом резко оттолкнуться ими от тонущего, оторвать себя от него, и оглушить боксерским ударом в челюсть, и отбуксировать к берегу... За несколько лет я выудил девятнадцать душ. Кроме того, наверное, десяток душ не на дежурстве...

Я ведь и в науке начинал как мокрый зоолог. Воду люблю. Занимался смолоду гидробиологией. Собирал рыб. С. Н. Скадовский и я (это уже на Звенигородской биостанции) два лета ездили по всей Европейской части нашей страны. Это было в начале двадцатых годов. От отца у меня сохранился подарок — толстые, из вороненой стали часы «Омега». А у Скадовского были золотые часы. И вот мы закладывали свои хронометры и на вырванные денежки готовились в летние экспедиции. Мы со Скадовским для Главрыбы определяли продуктивность озер. До сих пор помнится, как дивный сон, увиденное тогда Перейславское озеро. Плывут и плывут неостановимо в памяти рыбацкие лодки с рыжими парусами... Осенью, когда Главрыба выплачивала нам гонорар за полевую работу, мы со Скадовским шли в ломбард, выкупали часы, заводили их и слушали веселое тиканье.

Всегда помню также и нехороший эпизод своего детства... Сие случилось в Пинских болотах. Я, гимназист средних классов, ушел на несколько дней в природу. Со мной было ружье, я неплохо стрелял. Однажды прямо на меня дуром вышел лось. И я его с ходу убил! Мясом покормился несколько дней. Шкуру снял, засолил и позднее отправил в Зоологический институт. И все же до сих пор раскаиваюсь, что сделал те выстрелы. Никакой нужды в еде не было. Никакой научной необходимости убивать зверя не было. Сработал инстинкт: увидел зверя — застрели его. До сих пор стыдно!

Почему-то вспомнилось, как научился читать... Отец мой был силен. Пятилетнего, однажды он подкидывал меня к потолку и с кем-то одновременно страстно беседовал. Подбрасывал он меня крепко, потолки, напоминая вам, тогда были отменно высоки, и — отвлекся отец, и забыл на секундочку о том, что я в воздухе... Я потом долго с гордостью носил сломанную руку на перевязи, как раненый солдат, изображал также участие в демонстрации, держа в здоровой руке вместо флага женский платок. И в эти-то тяжелые дни «ранения», когда меня не выпускали из дому, я и выучился читать. Отец мой был по образованию гибридный фрукт. Закончил физико-математический факультет Московского университета. Стал астрофизиком. Вскоре во Вселенной случилось такое: кто-то стал против кого-то, какая-то планета выстроилась против какой-то, и мой батюшка ринулся в Среднюю Азию, чтобы вести там звездные наблюдения. Однако удивился он больше всего не тому, что происходило тогда в небе, а тому, что вершилось на земле. В небесах был стройный порядок, а на земле царил хаос. Дороги, дороги были невообразимо плохими! Под этим сильным впечатлением от российского бездорожья отец поступил учиться в институт инженеров путей сообщения. Впрочем, астрофизическую диссертацию в те годы он тоже успел сделать. Мои родители поженились немолдыми, но детей у них было шестеро, а я самый старший и потому выдавал самые отчаянные номера. Учиться я начал в Киеве, в Александровской гимназии, где озорников наказывали карцером, чего я тоже вкусил. Помню такую проделку. В любой булочной изволят жить в сытости тараканы. Мы покупали там за пятак пакет усаых пруссаков. Почему-то французенка преподавала у нас русский язык, и вот ей-то мы устраивали... Самый долговязый мальчик приклеивал к потолку тараканов.

Начинался урок. Насекомые высвобождались и пикировали на Ольгу Владимировну, а она, естественно, визжала. Притепывал сторож, но виду не подавал, старый, что понимает, откуда сыплются тараканы. Разве это не настоящее было приключение — дождь тараканов? Разве не риск — за это и исключить могли из гимназии.

Нет, хоть учиться тогда начинали с шести лет, чтобы подготовиться к гимназии, а иностранные языки усваивали и того ранее, но как-то я не засушился, а был непоседлив...

Вокруг хутора Стоинка, где мы жилали каждое лето, когда мне было немного годов, стоял дубовый лес с ореховым подсеedom и примесью сосен. Среди этого леса тайлось кладбище. Оно почиталось самым романтичным местом округи. Там молодые назначали свидания и, чтобы испытать свою любовь, являлись на встречу после наступления сумерек. А мы, мелкота, шанка, придумали героический вид спорта. Днем на кладбище уносился какой-нибудь предмет и клался на какую-либо могилу. Ночью надо было пройти через лес, на кладбище, взять с могилы предмет и принести приятелям. Таким образом и доказать, что ты смелый. В лесу высился знаменитый дуб, подле которого, как рассказывала легенда, похоронен был добрый богач Липоман. В дубе зняло большое дупло, в нем по вечерам горели свечи, там какие-то люди оставляли крестики и привязывали ленточки. Видимо, таким манером они счастья и богатства просили у Бога. К дубу ходили вечерами и влюбленные парочки. Мы, мелкая шанка, брали пустую тыкву и вырезали в ней дырки — глаза и рот. Внутри тыквы зажигали свечку и брали все это в руки, заворачивались в простынь. И вот такая фигура с тыквенной головой вдруг возникала у древнего дуба перед влюбленными. И, бывало, кавалер улепетывал, а невеста в обморок падала... Забыл сказать: темечко у тыквенной головы мы тоже прорезывали и в эту щель пробивался свет, это было похоже на светящийся нимб. У религиозно настроенных молодых людей из-за этого душа совсем приходила в полное смятение...

Украину, страну моего детства, мы покинули после смерти отца. Мать решила переехать в Москву, где были ее друзья, например, семейство Реформатских...

В старших классах гимназии я решил, что не буду более спать восемь часов в сутки, не совершу глупость — проспять треть жизни. На Арбате я обегал в начале ночи четыре раза квартал и потом сидел за книгами до трех часов. Вставал в половине восьмого. В гимназию не уходил, а убежал. Первые три месяца было весьма тяжело. Но такой режим навсегда утвердился в моей жизни. Когда встречались с Николаем Ивановичем Вавиловым, могли две ночи подряд разговаривать, я прожил жизнь без снов. Спал глубоко. Это теперь ем сонные лепешки. Ночи напролет не могу спать. И сны в старости стал, видимо, видеть. Ибо, случается, проснусь — и собственная комната кажется чужой не чужой, но странной. Значит, во сне меня где-то носило...

В 1910 году открылся московский свободный городской университет Шанявского. Там были естественный и гуманитарный факультеты. Там известные профессора читали научно-популярные лекции. Еще гимназистом я уже слушал эти лекции. В свободный университет мог поступить любой человек не моложе шестнадцати лет. Даже неграмотный мог стать студентом. Там я впервые слышал великого Кольцова, который организовал в этом университете кафедру экспериментальной биологии. Здесь же я слушал лекции по искусствоведению Грабаря. В этом учебном заведении после окончания гимназии училась и моя будущая жена. В 1919 году я был у Кольцова старостой большого зоологического практикума, где и повстречался с Лелей...

Волосы его белы, но не такие редкие, еще чувствуется, что недавно это была львиная грива. Он большенос,

У него крылатые брови. Нижняя губа ягодкой. В поло- сатом таджикском халате и серых брюках, в шлепанцах встретил меня в прихожей. Я начал объяснять, что, дес- кать, пришел ненадолго, что постараюсь не обременить беседой... Он обрубил:

— Будем говорить, сколько надо! — Привычно пошу- тил: — Одно обещаю: при вас не умру, не бойтесь! Хотя и старик. Недавно стал стариком. После смерти жены. После смерти Лели...

В гостиной во всю стену, за коей кухня, стеллаж, а на нем папки с сорока тысячами оттисков научных статей. Ресовский знакомит с гостиной, не вставая с кресла.

— На этой стене рисунки Олега Цингера, художника- прикладника. Он живет в Париже. Слышали о «Занима- тельной ботанике» Цингера, о книге, которая впервые была издана в начале века, и одобрена Лениным позже, а потом много раз переиздаваемой? Эту книгу написал отец Олега. Я с Цингером знаком давно, а теперь пере- писываюсь с Олегом, точнее, он мне пишет. Мне, воору- жившись лупой, писать трудно, а только так я и могу, да и вообще я не люблю это занятие. А Олег пишет письма на старинном русском языке, забываемом ныне, забытом. Был у меня в гостях писатель Даниил Гранин и читал письма Олега. Он также считает: это изящные миниатюры на чудесном русском языке, он полагает, их надо сохранить для потомков... Не правда ли, вот этот рисунок Олега — хорошо? Тот, где матрос в белой форме стоит на тротуаре, где ослик тянет повозку, а в ней — возница. Увидели? Мой брат, один из спасителей Баргу- зинского заповедника, купил эту книгу, на которую вы смотрите, в Иркутске. Она издана на немецком языке и рассказывает о путешествии одного европейца в Сибирь. Да, а мой брат пришел купить тогда омулей, а не книгу. Он попросил у тетки на базаре омулей, она взяла в руки эту книгу и стала тянуть за листы... Брат увидел сие и закричал, как от боли, остановил злодеяние и купил книгу.

Николай Владимирович махнул рукой в сторону спаль- ни: «А там, там беллетристика», — и взгляд его был устре- млен в себя. Очевидно, он все еще видел своего брата...

В кабинете тоже книги, книги, книги. За письмен- ный стол сестра невозможно. Между тумбами понатолка- ны стопки реферативного журнала.

Заговорили о поэзии... Ресовский сказал:

— Маяковского я так и не принял. Есенин не был мастером версификации, как Валерий Брюсов, но у него есть гениальные стихи, одна десятая его стихов — гени- альные... Если же сначала идти, то часто вспоминаю Ломоносова, Державина. — Пауза волнения. Затем доба- вил: — И, конечно, Пушкин... А Лермонтов? Молод, а как успел! Дураки мы были: ругали Тютчева и Фета. Нет, они не сюсюкали, не воспевали обленившихся мужиков, а занимались настоящей поэзией. У них не было реализ- ма?! Кто же такое сказал? А что такое реализм? Это художественная убедительность! Она у них была, была — убедительность.

И снова голос дрогнул.

— Запомните это, запомните... Анна Ахматова — да, это поэтесса, но Марина Цветаева — это поэт! Я знал Цветаевых, знал Марину...

И еще я люблю одного поэта, о существовании кото- рого никто не знает. Он ученый и стихов своих не печат- ал. Но это сейчас самый умный поэт Москвы, может быть, и самый умный в России... Разумеется, я так считаю, потому что это мой друг.

А проза? Мне нравятся Даниилы — Данин и Гранин. Иногда они бывают у меня. Вы читали «Неизбежность странного мира» Данина? Один мой приятель, профессор, опирается на эту, в общем-то, популярную, а не строго научную книгу даже на лекциях. Данин — литературно одаренный физик и потому лучше всех пишет о физиках, уж конечно, лучше тех писателей, у коих нет склонно- сти к естественным наукам. Данин не сразу узнал, что он

писатель. Сначала закончил университет. Тут — война. И он служит в газетах. Сначала в дивизионной, потом в корпусной, потом в армейской. Так он в физику после войны вернулся журналистом. Но подумал, подумал и опять ушел в писательство.

Из современных писателей мне нравится Гранин. Чудная у него книжка об Австралии! Хороший человек и за границей находит хорошее. Хотя его книжка назы- вается «Месяц вверх ногами», но чуждальную страну он не перевернул вверх ногами, а показал ее такой, какая она есть.

Когда меня спрашивают, в каких странах Европы я был, отвечаю: «Не был только в Португалии». Однако и туда меня не один раз приглашали почтить лекции — в Коимбрском университете. Да все было некогда. В Европе я бывал везде. В Копенгаген приезжал десятки раз, много раз гостил у великого Бора. Больше всего люблю Италию, Норвегию и Англию. Там, и там, и там есть интеллигенция. Будете во Флоренции, помните, что там нищий за десять лир покажет вам город так, как это не делает искусствовед. Так знают Москву старые таксисты. И слушать их всякий раз особое волнение и радость. Приедете во Флоренцию, будет вам нищий предлагать свои услуги — не отказывайтесь, доверьтесь ему, не пожалейте...

Ресовский в который раз предлагает мне что-нибудь съесть.

— Вам сделать творог с кефиром или со сливками? Это приятная и полезная вещь! Я обычно пускаю туда энное количество капель коньяку — получается совсем замечательно.

Налили чаю. Помолчали.

Наверху — шум. То ли бузит телевизор, то ли соседи выясняют отношения. На дворе уже темно. Оказывается, разгулялся ветер. Прислушались. И будто что-то у нас ветер выхватил и унес, а что-то принес — вдруг тема нашего разговора обновилась.

Ресовскому вспомнилась его тревожная молодость, годы гражданской войны:

— Был с детства непоседлив. Штанцы не протирал на стуле. И презирал болезни и даже — о, как жестока молодость! — презирал больных людей. Ибо считал, что болеют только плохие люди, а хорошие чувствуют во всем меру и до старости здоровы. Жизнь моя была, общем-то, запретительная. Умирал я на разные мане- ры. Замерзал — оттерли снегом. Топ, когда был спасате- лем, еще в гимназические годы. Умирал от голода, но выкарабкался с помощью врачей. Последствия этого: погиб центральный зрительный нерв, и осталось мне в подарок от судьбы лишь боковое зрение. В гражданскую войну был тяжело контужен и легко ранен. Умирал от тифа в «ссыпном» пункте. Так прозвали места, куда сво- зили людей с фронта, куда «ссыпали» больных тифом...

Читал я тогда до пятидесяти часов в неделю — и на рабфаке, и в институте. Тем не менее жалование было на несколько трамвайных билетов. Спасал красноармей- ский паек, его я получал за пение в хоре Московского военного округа. Пел басом казацкие, солдатские песни. Солдатушки, бравы ребятушки,

Где же наши матки?

Наши матки — белые палатки...

— Или вот маршевая песня: «Выйду ль я на ре- ченьку».

И уже запел Ресовский новую песню, крепким, гроз- ным басом:

Во субботу в день ненастный
нельзя в поле работать...

— А вот эту песню солдаты певали на привалах:

Прощай, девичьи, прощай!

Угоняют, угоняют нас от вас.

В чуждальную да во сторонку

На погибель, эх, да на погибельный Кавказ!

И вспомнил Николай Владимирович еще одну песню, и запел ее, и разволновал себя...

Спите, орлы боевые,
Спите со спокойной душой,
Много вы горя видали,
Спите со спокойной душой...

— Страсть к пению, музыке, надеюсь, унаследовал от бабушки. Она умерла девяностолетней. Родилась в 1824 году, при Александре I, а умерла во втором году Октябрьской революции. И пожила бы еще старушка, но и в холодной и голодной Москве она тогда не пропускала театральных премьер, а такие случались. И пошла она однажды на оперу в Большой театр, пешком, разумеется, и простудилась. Шла с Никольского переулка, от Смоленского рынка до Большого театра. Намерзлась, и спектакль не понравился. Через три дня моя бабушка тихо скончалась. Перед смертью пришел ее причастить батюшка — тоже древний старик, и стал всюю путать молитвы. Бабушка тихонько поправляла его.

Девичья фамилия моей бабушки — Невельская, была она из роду того знаменитого адмирала, присоединившего к России Дальний Восток. Вообще среди моих предков было много военных моряков...

Жизнестойкостью, силушкой и самого-то Ресовского природа не обделила, под стать он своей бабушке. Средь ночи я уходил от него в гостиницу и в прихожей пытался отнять у старика свое пальто, потому что он непременно хотел помочь.

Иногда кажется, когда беседеешь с Николаем Владимировичем, что ученый с мировым именем, старый человек тратит себя попусту, гневаясь на дурновкусие в искусстве, на недостатки школьного образования, на грубость работников прилавка и на прочая, прочая.

— После войны в вузах началась невероятной силы специализация. Однажды в мою лабораторию прислали трех специалистов по вакуумным насосам. Это было примерно то же, если бы в какую-то столовую привезли бы ткацкий станок. А почему направили вакуумщиков? Их был тогда переизбыток. Тот начальник из министерства высшего образования уже, возможно, давно был на пенсии, а его приказ о всемерном увеличении выпуска физиков-вакуумщиков все продолжал действовать. Только один из присланных нам вакуумщиков сумел преодолеть свою узкую специализацию и стать полезным там, куда его направили трудиться. Нет, не уговорите меня, что я рассказываю о преодоленном прошлом и что теперь не бывает «переизлишек» тех или иных спецов!

Стоило нам заговорить о молодежи, как он вспыхнул от соприкосновения и с этой темой.

— Кого мы выпускаем на молодое человечество?! Честное слово, кажется, педагогические вузы ведут отрицательный отбор — отбор на недотеп. Так выпускники педвузов беспомощны потом в роли наставников! В Свердловске одно время я много читал лекций для населения по генетике. И помню, как школьные педагоги на одной из таких лекций то и дело спрашивали меня: «Скажите, пожалуйста, как быть, ведь то, о чем вы рассказываете, в школьные учебники не входит». Да почему я знаю, что там у вас в учебниках написано! Меня пригласили говорить о современной генетике, и я говорю то, что считаю важным. А уж вы сами решайте — нужно это вашей голове или не нужно. Они меня замучили этим нытьем: «То, что вы говорите, не входит в школьную программу...» Клянусь, на кондитерской фабрике я чувствовал себя лучше. Рабочие задавали различные вопросы. И вот таких начетников, таких запрограммированных педагогов мы выпускаем на молодое человечество!

Я даже был растерян: уже много часов говорим с Ресовским, а о науке — почти ни слова. Ученый не рассказывает о науке — такое не часто встретишь! И я сказал Николаю Владимировичу, что вот, мол, в первый же день в Обнинске я узнал новость — открыто второе

сердце у человека. Это мне рассказали коллеги: один обнинский радиобиолог якобы утверждает, что в клеточном организме существует сосуд, сокращающийся, как сердце.

Слушая меня, Ресовский стал раскачиваться в кресле, с боку на бок, как в лодке, и не утерпел, не дослушал меня, обрушился:

— Это журналистский тык на ударность информации, на модность! Второе сердце! А пульс в руке бьется — это тоже сердце? А в ногах бьется пульс — это третье сердце? Завиральные идеи, когда они приходят к простым людям — это только плохо. Если они у таких людей, как Любичев, — это хорошо, потому что Любичев будоражил мыслящих биологов. А если завиральные идеи посещают головы таких деятелей, как Лысенко, то это уже беда...

Прошу Ресовского, после некоторой паузы, назвать свою самую любимую научную работу. Ответил без раздумий:

— «О статистичности и принципе усилителя в биологии». Из трехсот моих работ наберется с десяток хороших. Эта — хорошая. Статью писал с Шальновым и Савичевым, думаю ввести ее главкой в новую книгу. Она сейчас уже пишется, эта книга. Вчера мы работали и развели тут изрядный крик по поводу одного абзаца, я даже несколько устал... Прочитайте «О статистичности...» Там излагается, что такое биология. Правда, вместо статистичности надо было сказать «неопределенность», было бы понятнее. Это не блажь ученых, а новейшая аксиома: чем неопределеннее представление о сложностях живой природы, тем оно истиннее. Старое мышление можно назвать жестким, мышление это, которое обещает вывести мировую формулу. Но если мир будет объяснен одной формулой, то зачем тогда все разговоры о проявлении свободной воли? Если все заформулировано, предопределено, то не нужна никакая борьба. Да, современные физические представления сложны, а события на атомном уровне иногда ненаблюдаемы и непредсказуемы. Но не только физики могут «гордиться» непомерной сложностью изучаемых объектов, биологи тоже «горды» тем, что, к примеру, мутации предсказать немислимо. Какой процент мутаций ожидается в том или ином случае, можно вычислить по правилам Аррениуса и Ван-Гофа, а какая это будет мутация — сие непредсказуемое событие. Непредсказуемо, когда атом излучит такой-то квант, непредсказуемо чих ни мой, ни ваш, хотя догадаться не трудно, что, скажем, я простуженнее, чем вы...

Впрочем, напрасно я разговаривал о статье. Ее надо либо читать, либо не читать. Только хотелось сказать, что она рассчитана не только на биологов, а на любой философски настроенный ум. Не люблю, когда нынешние биологи стремятся математикой заменить логику. Посмотрите-ка историю науки, действительно крупные математики никогда не любили засилье формул. В нашей статье нет формул. А принцип усилителя может понять любой, представив нашу планету, на коей вершится чудо размножения зверей, птиц, растений, людей; размножение — это и есть принцип усилителя, усилителя жизни!

Жизнь исследователя Ресовского началась на Звенигородской гидрофизиологической станции у С. Н. Скадовского. Эта станция была идейно и организационно связана с Кольцовским институтом. Ресовский начал как гидробиолог, однако довольно скоро стал интересоваться генетикой популяций дрозофил...

Особая глава научной биографии Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского — радиобиологические исследования, начатые сразу после войны. Во всем мире тогда искали способы защиты от атомных излучений. И то, что делал в те годы на Урале Ресовский, делалось впервые в мировой науке...

Рисунки
Николая Мооса

РОБИНЗОН В РУССКОМ ЛЕСУ

Повесть

Ольга
КАЧУЛКОВА

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Мы находим способ делать веревки.

По вечерам мы усердно плели корзины, а с тех пор, как нашли покос, я стал делать грабли.

Однажды я взял ручную пилу, чтобы отпилить сухой сосновый брусок и наделать зубьев для грабель. Вася перестал работать и внимательно следил за мной.

— Вот я несколько раз ломал себе голову, из чего бы нам сделать косу, и никак не мог ничего выдумать. Теперь смотрел, как вы пилите, и мне вдруг вздумалось, что из этой пилы можно сделать отличную косу. Нужно только очень остро наточить ее тупое ребро, а ручкой крепко прикрутить к палке, как насаживают косы. Пила от этого нисколько не испортится, только трудно будет наточить ее так, чтобы она могла косить траву. Возьмите большую пилу, а эту дайте мне: я сейчас попробую точить.

Он достал с полки большой напильник и точило и принялся за работу. Но пила была хорошая, английская, — крестный отец мой не пожалел денег на инструменты. Она плохо поддавалась напильнику, и Вася решил действовать одним точилом. Два вечера провел он над этим, но когда подал мне свое произведение, я удивился его остроте. Длинные палки были давно уже заготовлены для грабель: Вася выбрал самую прочную и приколотил к ней свою импровизированную косу.

На другой день мы отправились на луг. Вася объявил, что, пока он косит, я должен расчистить на сухой части берега пространство, достаточное для просушки сена. Он надел лыжи и осторожно спустился на луг. Ноги его, действительно, не вязли, но передвигать их было довольно трудно. Зато коса действовала превосходно, тем более, что Вася беспрестанно подтачивал ее оселком.

До полудня мы работали усердно и молча. Наконец Вася утомился и пришел на берег завтракать, я успел уже расчистить довольно большое пространство от молодого орешника и оттащить обрубленные ветви. Завтракая, мы стали рассуждать о том, как доставить сено с топи на сухое место, и решили, что сделаем волокушу из двух молодых березок. Признаюсь, не без страха ступил я на шаткую почву болота, но веселость Васи ободрила и успокоила меня. Мы сгребали сено к волокам, накладывали на них небольшие конны и отвозили на берег, где я раскидывал траву тонким слоем, чтобы она могла просохнуть на солнце.

Так работали мы три дня. Затем оставалось только приходить поворачивать сено граблями, чтобы оно хорошо просохло. Наконец мы поставили очень порядочный стог. Чтобы сено не испортило дождем, и не растрепало ветром, мы накрыли его толстым слоем ветвей и придавили камнями.

Рассказывая о покосе, я забегаю вперед: это было в июле, а с весны до этого времени случилось много интересного.

Пока не начались дожди, Вася предложил заняться крышей. Лубы у нас были заготовлены в достаточном количестве и сушились под гнетом досок и камней. Когда мы сняли гнет, я взял один из лубков и совершенно машинально стал отдирать его нижний слой. Полоска легко сошла со всей длины луба — и каковы же были мои удивление и радость, когда у меня оказалась длинная, крепкая пряжа мочалы.

— Вася, смотри! — сказал я дрожащим от радости голосом и повторил опыт.

— Вот счастье, так уж счастье! — в восторге крикнул он. — Если нам что недоставало, так это веревки, а теперь только знай — вей их какой захочешь толщины. Теперь мы можем и рыбу ловить, и лося впрячь, и через ров подъемный мост сделать. Даже чтобы вам не

Окончание. Начало см. в № 10-11, 1992.

было скучно, я устрою вам качели!

Это добродушное предложение Васи, с одной стороны, рассмешило меня, с другой, заставило невесело призадуматься. Я был уже не так мал, чтобы качели могли особенно радовать и занимать меня: мне было уже пятнадцать.

Мне вспомнилась моя семья, и казалось, что я готов отдать половину жизни, чтобы хоть один раз взглянуть на родные, милые лица. Я прислонился к дереву и стоял, грустно опустив голову. Между тем Вася проворно драг мочалу.

— Сергей Александрович! Что ж вы задумались, помогайте. Крыша наша тоже не пропадет, — там останется слой луба, как раз годный для нее.

Я очнулся, сел возле него и тоже принялся за работу, а веселый Вася не переставал говорить и скоро разогнал мою печаль.

— Теперь она отдирается, — видите, какая толстая, но мы навяжем ее в пучки и спрячем в сарае, а когда будет свободное время, расщиплем и наплетем рогож, навьем веревок. А сейчас нужно, пока сухо, спешить с крышей. Я хочу выстлать потолок из досок, положить на него моху, а сверху насыпать побольше песку. Как вы думаете?

— Это было бы очень хорошо, Вася, только досок нет, а на потолок их нужно немало. Работы очень много: рубить деревья, обчищать их, раскалывать, стругать.

Но если Вася что-нибудь задумал, то отговорить его было очень трудно, особенно пугая работой.

— Много работы? — горячо заговорил он. — Ведь что нам осталось-то? Перекрыть крышу, пристроить сени, закончить ров и догородить частокол! Оно как будто и много. Но мы зиму, благодаря Бога, не даром прожили: колья и лозы у нас на все хватит, ров тоже докопаем. Это мы дней за восемь сделаем. Из готового материала всякая постройка идет скоро. А для досок на потолок лес валить не нужно. Смотрите-ка, сколько белеет повсюду ободранных лип, расколоть их не долго. Пока они высыхают, будем собирать мох, чтобы он высох, вместе с ним ягод и грибов наберем. А стругать доски нужно с одной стороны. Липа дерево прямое, хорошее.

Мне очень не хотелось мерзнуть зимой, и потому я согласился на устройство потолка.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Окончательное устройство нашего дома. Подъемный мост. Рассказ Васи о пчелах. Мы собираем мед.

На другой же день мы принялись колоть липу и так как имели уже некоторый навык, дело шло довольно успешно. В день мы раскалывали четыре дерева трехсаженной длины. Разумеется, мы сделали бы больше, но мы не могли посвящать этому целый день: много времени отнимал огород и приготовление пищи. Тем не менее, за пять дней мы заготовили около шестидесяти досок. Но они были грубы и неровны, а потому часть дня шла на копанье рва, другая часть и вечер на обработку досок, а отдыхом считались обед и собиранье мха.

Когда доски были заготовлены, мы выбрали очень ясный и теплый день и раскрыли крышу. Доски были отмерены и отпилены заранее, так что потолок был наложен в один день. На настилку мха и на таскание песка ушли еще сутки.

— Ну вот, вы все боялись, что не поспеем, а потолок

уже и готов! — сказал Вася. — Теперь надо только пристроить сени; тогда и крышу выведем.

Сени мы сделали небольшие, поэтому окончили их быстро и потом принялись покрывать крышу лубьями. Этой работой я занимался почти один, потому что Вася спешил нагнать смолы и ею сплошь вымазать крышу, чтобы она успела просохнуть и отвердеть на летнем солнце. И действительно, едва успел я покрыть две трети крыши, как он залез ко мне с котлом смолы и объявил, что у него уже заложена вторая яма смольника. Пока я приколачивал лубы, он обмазывал готовую часть крыши смолою, приговаривая, что теперь нас не проймет ни дождь, ни мороз.

Наконец ремонт дома закончился. Теперь предстояло завершить ров. Мы не забывали его, несмотря на другие работы, так что во второй половине лета он был готов. Нетронутым оставалось только небольшое пространство напротив входа в дом. Мы оставили его для въезда во двор, пока не окончили забора. Вместо ворот мы изобрели механизм, с помощью которого несколько крепко сколоченных досок могли служить нам и воротами и подъемным мостом. Устройство это потребовало больших трудов и приготовлений. Прежде всего мы сколотили ряд длинных досок и сделали его такой ширины, чтобы он точно входил между двумя толстыми столбами, заганчивавшими забор по обеим сторонам ворот. Между ними укрепили крепкую жердь с большим и толстым блоковым колесом посредине. Мы свили по вечерам очень толстую и крепкую веревку из мочалы, привязали ее к середине верхнего края ворот, перекинули через блок и прикрепили к вороту, поставленному внутри двора. Таким образом, в спокойное и безопасное время доски перекидывались через ров, но, при первой тревоге, мы могли вбежать во двор и воротом поднять мост, который обращался в ворота, а от всякого врага нас отделял глубокий и широкий ров. Блоки, ворот и ось мы тщательно смазали дегтем. Наконец мы выкопали и последние два аршина, соединившие нас с лесом. Вася несколько раз пробовал механизм и каждый раз приходил от него в неопикуемый восторг, так что я должен был ему заметить, что он только понапрасну утомляет себя и перетирает осн и веревку.

Весь остаток лета мы проработали над вымосткой рва и вколачиванием в дно невысоких острых колышков, чтобы обезопасить себя от медведей. Когда он был готов, мы натаскали самого сухого хворосту, перекинули через ров несколько тонких хрупких жердей и так искусно скрыли свою ловушку, что даже человек мог принять ее за кучу сухих ветвей.

Пришла осень, и мы принялись за огород. Семена удались превосходные. На урожай картофеля и всего остального мы тоже не могли пожаловаться, так что зима не страшила нас. Кроме овощей, у нас были порядочные запасы сушеных ягод и грибов. Вася, напуганный моей болезнью, настоял на том, чтобы собрать и засушить побольше липового цвета.

Довольно далеко от нашего жилья, на берегу озера росла целая купа молодых лип. Уступая неременному желанию Васи, я однажды пошел туда, влез на одно из деревьев и стал собирать цветки. И здесь я обнаружил очень много обыкновенных ульевых пчел.

— Верно, здесь близко есть селение, — подумалось мне, — пчелы оттуда и перелетели сюда, чтобы собирать мед.

Я с какой-то нервной поспешностью стал обрывать липовый цвет и как только набрал небольшую корзинку,

спростеть побегал домой и рассказал Васе о своем открытии и предположении.

— Хорошо бы это было, — ответил он, — но только сдается мне, что вы ошибаетесь! Вряд ли кто ходил в этот лес дальше наших рабочих с кожевенного завода, а я ни от кого не слыхал про озеро. Да, наконец, ведь мы живем здесь второе лето. Если бы было здесь поблизости селение, то уж, наверно, к нам забрела бы какая-нибудь баба, охотница до грибов или ягод. А то, что нам следует подсмотреть, в которую сторону летят пчелы, когда наберут соку из цветов, так это верно. Если удастся разыскать улей, так мы заживем царями. Ведь у вашего папеньки за пчелами ходит огородник, мой дядя: у него и колоды поставлены в огороде. Теперь еще не поздно, пойдемте к липам.

Мы отправились, а Вася, на ходу, рассказывал мне о пчелах.

— На свете, кроме человека, кажется, нет животного умнее пчелы. Как порассказал мне о них дядя, так и сам не рад был! Я просто выйти из пасеки не мог, все за ними подсматривал. Пчелы, которые живут в улье, не все одинаковы. Одни собирают мед и воск — это работницы, другие, побольше ростом, ничего не делают и называются трутнями. Есть еще одна — особая пчелка. С виду она гораздо длиннее пчел-работниц, крылья у нее короче, и собирать мед она не умеет, но зато на ней лежит другая забота. У пчел-работниц детей не бывает, так вот детей-то и заводит эта длинная пчелка и поэтому называется маткой, а другие пчелы так любят и берегут ее, что она живет, точно царица. Кормят они ее самым лучшим медом, слушаются во всем, и если она умрет, то они разбредаются из улья куда попало и сами умирают. Понятное дело, что матка вечно жить не может: так чтобы не пропасть без своей царицы, они выбирают одного из детенышей ее, кормят царской пищей, дают большое помещение — и он вырастает совершенно похожим на матку, а все остальные ее детки едят похуже и делаются простыми пчелками-работницами. Если старая матка жива и здорова, когда вырастет молодой, то она никак не хочет уступать ей своего царства и всячески старается извести ее. Той тоже умирать не весело — и они начинают драться до тех пор, пока одна не умрет. Живая остается царствовать. Но иногда, если в улье пчел слишком много, то матки делают между собой пчел-работниц, и одна улетает с этим роем искать нового жилья, а другая остается на старом месте. Вот в это-то время тому, кто ходит за пчелами, звать уже нельзя! Надо перехватить новую матку и посадить в отдельный улей, — тогда и ее поданные поселятся там и станут собирать мед, устраивать восковые соты. Но если этого не сделать, то весь рой улетит в лес, выберет дупло в дереве и устроится в нем на жительство. Забираются пчелы иногда очень далеко от своей пасеки: бывает, что летят целый день, на ночь сядут переночевать на дерево, а с восходом солнца поднимаются опять. Вот поэтому я и предложил вам поискать задичавший рой. А хорошо бы его пайти: сколько меду! сколько воску!

Между тем мы подошли к липам. Пчел на цветках было действительно много. Чтобы узнать, где их улей, мы выбрали одну пчелу и не сводили с нее глаз, пока она, набрав меду и цветочной пыли, не полетела. Мы пошли вслед, но, к сожалению, довольно скоро потеряли ее из виду. Пришлось возвращаться к липам и начать сызнова. Повторилось то же самое, но мы заметили, что и эта пчелка полетела в том же направлении. Мы решили

искать улей наугад. Проходив по лесу довольно долго, мы, наконец, нашли очень старую и толстую березу с дуплом. Возле отверстия суеилось несколько пчел.

— Вот где! — сказал Вася. — Только не подходите близко. Они ведь могут изжалить. Нужно заметить место, а завтра возьмем с собой огня и разгоним их дымом. Кроме того, у нас нет ни посуды, куда положить мед, ни инструментов, чтобы вскрыть улей. Ведь сквозь эту дырку ничего не сделаешь.

Вечером мы тщательно вымыли несколько горшков, наточили пилу и ножи, а на другое утро, захватив их с собой, пошли к улью. У корня березы Вася поручил мне зажечь небольшой костер и позаботиться, чтобы он дымил как можно больше, а сам зашел с противоположной стороны и быстро стал пилить дерево. Сделав два пропила до дупла, он взял топор и между пропилами выколол четырехугольное отверстие. Выпавшую оттуда кору он осторожно положил на землю и ножом вырезал пять прекрасных белых сотов. Я заглянул в дупло и заметил, что там осталось еще, но Вася объяснил мне, что ниже ячеек не с медом, а с личками для выведения матки, трутней и пчел-работниц и часть меда, необходимая для питания пчел.

Дело, конечно, не обошлось без нескольких укусов, но мы прикладывали к больным местам сырую черную землю: боль и опухоль скоро прошли. Да и что значила такая незначительная неприятность при таком приобретении!

В течение лета мы еще раз достали соты через то же отверстие, которое Вася оба раза тщательно закрывал и по щелям замазывал глиной. К зиме, когда пчелы уже запечатали улей и больше не вылетали, мы обвязали дерево сосновой чашей, чтобы они не погибли от холода.

До самого наступления зимы мы занимались рубкою деревьев и раскалыванием их на доски. Нам хотелось воспользоваться зимним временем, чтобы обзавестись многими вещами, которые казались нам необходимыми.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Наступление зимы. Мы плетем невод. Ловля рыбы. Поимка лисицы. Лосиный двор. Мы ловим и приручаем лося.

Зима застала нас в положении несравненно лучше, чем год назад. Прежде всего, сидя дома, мы были в полнейшей безопасности. От всяких врагов нас защищали круговой вал, ров и частокол. Огородных припасов было гораздо больше, в особенности картофеля. Капуста уродилась особенно хорошо. Кроме того, мы запасли много ягод, грибов и горшок меду. Мясные припасы все истощились, но ящики продолжали нам оказывать прежнюю службу в ловле зайцев, так что каждый день обед наш состоял из двух блюд — щей и жаркого из зайца с картофелем.

Было у нас одно лишение, но мы постепенно привыкли к нему: кончилась соль. Но мы заранее решили постепенно приучать себя к этому лишению и, пока она еще сохранялась, день ото дня солили пищу все меньше и меньше, так что нам не пришлось переживать резкого и очень неприятного перехода к совершенно несоленому мясу.

Дом наш, благодаря перестройке, стал гораздо теплее и прочнее. Вдоль стен тянулись лавки, покрытые звериными шкурами, у каждого окна стояло по столу. На одном из них мы работали, на другом обедали. Светец стоял

днем в углу, а по вечерам выставлялся на середину или к одному из столов. Мы с Васей снова принялись за домашние работы, а их набралось немало. Я уже не говорю о поломанных ножах и вилках, о побитой глиняной посуде, порвавшихся полушубках, брюках, сапогах. Но теперь у нас была мочала, а если поработать над этим материалом, то для людей в нашем положении можно приобрести весьма многое. Поэтому мы не теряли времени.

Конечно, все наше имущество было грубо, просто и некрасиво, но для нас оно украшалось сознанием, что это плоды собственных неутомимых трудов!

Вася все еще мечтал так или иначе поймать и поработить лоса. Как я ни убеждал его в неисполнимости плана, он стоял на своем и, покоряясь его непременному желанию, мне пришлось помогать ему делать хомут, шлею для нашей будущей лошади. Сначала мы хотели было употребить на это мочалу, но потом сообразили, что лучше сделать всю сбрую из лосиной же кожи. Но чем было шивать нарезанные толстые и крепкие ремни? Да, наконец, разве мы могли знать размеры лоса, чтобы сделать на него сбрую. Этим доказательством мне удалось, наконец, убедить Васю отказаться от его фантазии. Он покорился, и мы стали вить тонкие веревки из мочалы, так как собирались сплести сети и попробовать ловить рыбу неводом. У нас не было лодки, следовательно, рыбная ловля была доступна только зимою, пока стоит лед. Дело это было для нас совершенно новое и кропотливое. Витые тонкие мочальные веревки не представляют особенной крепости, а потому мы стали сначала сучить шнурки, а потом сплести их по трое, как обыкновенно плетутся косы: таким образом веревка становилась гораздо прочнее. Заготовив их, мы принялись вязать сети, но при этом прибегали к самому примитивному способу. Длинную палку я прикрепил к стене, приколотил к ней концы веревки и стал связывать их попарно крепким узлом. Связав таким образом первый ряд узлов, я начал второй, связывая уже одну из веревки первой пары с одной из веревки второй. Уже второй ряд узлов дал мне ряд четырехугольных дырок, которые составляют сеть. Вася усердно помогал мне, так что дело понемногу двигалось вперед. Мы знали, что невод состоит обыкновенно из двух широких и длинных полос сети, называемых крыльями, между которыми вшивается остроконечный мешок из сети же, называемый мотней. К свободным концам крыльев прикрепляют веревки, за которые тянут невод. К верхнему краю невода привязывают деревянные либо берестяные поплавки, а к нижнему — обожженные глиняные шары с дырками, которые называют грузилами. Когда невод спускают в воду, то поплавки держат один край на поверхности, а грузила тянут другой в глубину. Таким образом в воде движется как бы стена из сети, заканчивающаяся мешковидной мотней.

Через месяц у нас был готов невод восьми саженей длины с четырехаршинной мотней. Мы хорошо понимали, что настоящие невода гораздо прочнее нашего, потому что мочало быстро гниет в воде, и решили тщательно сберегать его и просушивать перед огнем после каждой ловли.

С большой радостью и отчасти страхом за будущий успех сложили мы, наконец, наш невод на сани, захватили корзину, топоры, две длинные жерди и отправились на озеро. На самой середине мы расчистили снег и вырубili во льду большую прорубь, потом, отступив от нее аршин на десять, сделали второе отверстие, уже го-

раздо меньше (лунку) и так далее, располагая лунки по кругу. После этого, мы сложили невод возле лунки, которая находилась прямо против большой проруби, привязали веревки к жердям, просунули их под лед и сильным толчком прогнали от одной лунки до другой, к большой проруби. При этом веревки крыльев провели в разные стороны и в проруби они встретились. Затем мы постепенно спустили в воду невод и на некоторое время оставили его в покое, чтобы вернулась рыба, распуганная стуком топоров об лед и плеском жердей и веревки. Тащить его нам стоило невероятных усилий: сперва приходилось хвататься за одни веревки, затем показались крылья и, уже после долгих трудов, приблизилась мотня. Заметив это, мы стали подтягивать нижний край с грузилами, чтобы лишить рыбу возможности выбраться из сетей. Наконец мы вытащили на лед весь улов. Он был не особенно велик, но зато состоял в основном из крупных и жирных лещей. Мы ссыпали рыбу в корзину, сложили невод на сани, собрали топоры и жерди и потащили все это домой.

Начинало уже вечереть. Необходимо было спешить, а груз наш был так тяжел, что мы могли подняться в гору только самым медленным шагом. Хорошее расположение духа Васи после улова пропало.

— Вот вы все говорите, что рабочий лось возможен только в моей фантазии. Да как же не употребить всех усилий, чтобы поймать его и ухитриться свалить на него все эти воловьих работы? Ведь на это никаких сил человеческих не хватает!

Я предложил ему сбросить невод на снег и оставить до завтра, а с собой взять только корзину с рыбой, мы могли приехать за ним завтра.

— Разве он малых трудов нам стоил? — ответил он ворчливо. — Если оставить его на ночь на воздухе, то он замерзнет, и как станете брать его завтра, так веревки и будут ломаться, как сухие сучья, — ведь это мочала, а не пенька, да и та от этого прочнее не делается. Уж нечего делать, — потащимте все зараз.

Вечерняя заря совсем потухла, когда мы, наконец, въехали в свой двор и подняли за собой подъемный мост.

Как мы ни устали, однако нам крепко хотелось есть. Пришлось развести огонь и сварить щи с капустой, рыбой и грибами. Ужин этот нам очень понравился: жаль только, что у нас не было соли. Остальной улов мы внесли на двор, чтобы он замерз. В нашей крепости нечего было бояться воровства со стороны лисиц или волков. Невод мы внесли в избу и на спинках стульев и на нескольких кольях развесили перед печкой, которую оставили гореть всю ночь.

Мы легли спать очень довольные. Десяток хороших, крупных лещей, да около сотни плотиц, окуней и ершей отодвинули нужду и однообразие в пище дальше от нас.

До сих пор в наш ров не попадало еще ни одно животное. Мы были обеспечены пищей и слишком заняты домашней работой, поэтому и не клали приманок, хотя Вася опять припрятывал зайчьи внутренности и остатки от наших обедов, а я сохранил всю зелень от овощей.

Но в эту ночь в ров, на колья, попала лисица. Ее, должно быть, привлек запах рыбы, лежащей на дворе, и она хотела пробраться к нам, не подозревая опасности. Мы узнали о ее поимке по следам на снегу, покрывавшим вал, и по пролому в тонкой настилке, прикрывающей ров.

Вася слез в ров по лестнице; убил лисицу ножом и принес домой. Пока я заделывал новым хворостом дырку в настиле и закидывал ее снегом, чтобы не возбудить подозрения в зверях, он снял с лисы шкуру, разрубил мясо и, когда я вошел домой, уже жарил бифштекс. Но, севши завтракать, мы заметили, что мясо было очень невкусным, с каким-то странным запахом, так что решили не есть его.

— Ничего, — сказал Вася, — эта лисица все-таки не пропадет у нас даром. Я угощу ею своих любимчиков — волков. Теперь опять зима, и они голодают, так обрадуются всякой поживе.

Чтобы не попортить настилки над рвом, мы привязали мясо к середине жерди и перекинули ее через ров так, что оно лежало как раз над замаскированными кольями.

Хотя по ночам вблизи нашего жилища раздавался вой волков, звери, вероятно, были уже несколько напуганы то стуком топоров, то звуками выстрелов, а потому до сих пор не пробовали влезать даже на вал. Но лисье мясо было слишком заманчивой поживой для обезумевших от голода волков. В эту же ночь в ров попались два матерых волка. Должно быть, они наперегонки спешили к приманке и, увидя ее с высоты рва, прыгнули к ней, но в то же мгновение провалились и попали на колья. Утром мы добились их кольями, сняли шкуры, а мясо до ночи спрятали в сарай. Нам не хотелось приваживать волков к своему жилищу днем, потому что выход из него мог сделаться опасным, если бы они вздумали осаждать нас.

А между тем ходить по лесу нам было необходимо. Мы задумали сделать у себя в доме пол, потому что голая земля была постоянно сыра, холодна и недостаточно

опрытна, даже для таких лесных бедняков, как мы. Досок мы накололи еще осенью и теперь понемногу по вечерам остругивали их. Но настлать пол прямо на землю было нельзя, потому что он скоро сгнил бы, да и мало защищал бы наши ноги от холода. Поэтому мы решили настлать его на балки. Толстых деревьев, годных на балки, рядом уже не было.

Однажды день стоял морозный, ясный. В лесу было как-то торжественно светло и весело. Мы вышли из дому, надели лыжи и побежали по лесу. Стояла прекрасная погода: как-то даже не хотелось приниматься за топор, и мы, сами того не замечая, забрались очень далеко. Вася немного отстал от меня, а я несся вперед и вперед; но вдруг остановился, точно окаменелый, от смешанного чувства удивления, страха и радости...

Поперек моего пути, в глубоком снегу была протоптана довольно широкая дорожка: она, спускаясь по склону, вела к озеру.

«Неужели здесь близко жилище?» — мелькнуло у меня в голове.

— Вася, — крикнул я дрожащим голосом, — иди сюда, посмотри!

Он подбежал ко мне и, вероятно, первая мысль его была такой же, потому что он сильно покраснел.

— Ведет она к озеру, значит, надо искать жилище выше. Пойдемте! — сказал он наконец. — Идти по ней не стоит, по глубокому снегу лыжи идут бойчее. Побегим рядом с ней.

И мы быстро стали взбираться по отлогому склону. Вдруг, к величайшему нашему удивлению, дорога круто повернула почти в обратную сторону и, затем, извилины и повороты стали повторяться беспрестанно и в самых

разнообразных направлениях. Мы были в большом недоумении. Можно было предположить, что в лесу жил сумасшедший человек и занимался устройством этого сложного лабиринта, вокруг которого виднелось множество волчьих следов. Но вот в нескольких саженях от нас, за крутым поворотом дорожки, точно из снега выросла пара громадных лосиных рогов, за ними показалась другая и третья. Тогда мы поняли, в чем дело. Чтобы обезопасить себя от нападения волков, вроде того, которое мы видели прошлой зимой, лоси вытаптывают в снегу глубокие аллеи или дорожки, настолько твердые, что уже не проваливаются и не вязнут в снегу. А если передние ноги лоса свободны и могут раздавать пинки, то ему не страшен никакой враг. Впоследствии я узнал, что зимнее убежище лосей называется «лосиным двором». Волки на горьком опыте изучили силу лоса и его манеру защищаться на твердой почве.

Мне очень хотелось выстрелить в одного из этих великолепных животных, но Вася тихо позвал меня.

— Побежим скорее домой! — отрывисто сказал он и легко и ловко понесся по снегу. Он опять что-то задумал.

Придя домой, мы сели завтракать. Вася ел как-то особенно быстро. Это, впрочем, нисколько не мешало ему в это же время говорить со мной.

— Я слышал от старого охотника, Германа, об этих лосиных дворах. Лоси боятся выходить оттуда, чтобы не провалиться в снегу. Мы можем перестрелять их всех, и чем больше их будет убито, тем упрямее будут они держаться на своих аллеях. Но нам нужно заманить их сюда, в ров. Тогда можно голодом, как Робинзон коз, приручить одного из них, а потом объездить. А если бы мы и убили лоса, то как же доставить его домой. Ведь нам его не снести, а лось свезет на саях хоть десяток своих братьев. Приманить же их я думаю вот как: у нас есть еще зелень с овощей. Возьмем ее с собой и пойдем к лосиному двору, только уже без лыж, а по дороге постараемся оставлять самые глубокие следы, даже утаптывать снег. Дойдя до двора, на краю его набросаем немного зелени. Возвращаясь домой по той же дороге, станем опять утаптывать ее, а по краям раскладывать пучки зелени вплоть до рва, над которым положим ее побольше. Лоси приманятся зеленью и по протоптанной дорожке охотнее станут собирать ее и подвигаться к нам, а когда ступят на настилку рва, то провалятся и уж не уйдут. Только нужно выдергать острые колья из дна, чтобы, падая, лось не напоролся.

Мы так и сделали. Дня через три колья были выдерганы в значительной части рва, настилка опять заделана и закидана снегом, а сверху него положена порядочная куча зелени. Дорожка вышла довольно узкая и негладко утоптанная, но мы очень рассчитывали на приманку.

Устроив все это, мы никуда не выходили из-за частотола, старались как можно меньше шуметь, даже дома не стругали, а принялись вить веревки. Но работалось плохо, — мы беспрепятственно прислушивались. Наконец, на третий день утром, когда мы вышли посмотреть ров, в том месте, где лежала зелень, оказался пролом. Мы, не помня себя от радостного волнения, бросились туда и увидели двух лосей. Один был большой с огромными рогами, другой безрогий, меньше ростом, но шире первого. Видно было, что они чрезвычайно перепуганы своим положением. Безрогий стоял, понуро опустив голову, а рогатый, по-видимому, пытался выбраться на поверхность, потому что задние ноги его стояли в самой глубине, а передние упирались в стенку. Но гладко обтесанные колья, которыми

высланы были обе стороны рва, представляли слишком малый упор для его тяжелого тела.

Вася первый овладел собой, отвел меня в сторону и тихо, точно боясь, что его услышат и поймут лоси, сказал:

— Этот большой, рогатый, что-то очень страшный. Его нужно будет застрелить и вытащить нашим блоком, а того, что поменьше, оставим. У него вид такой смиренный. Сначала проморим хорошенько голодом, а потом станем отлично кормить его, поить и ласкать. Когда он к нам привыкнет, выведем из рва и поселим в леднике.

Я согласился с ним. Он пошел домой, зарядил двустволку пулями, возвратился ко рву, стал на колени, приставил дуло к самому лбу большого лоса и выстрелил. Великан зашатался и упал. Я взглянул на второго. Сначала он заметался в страшном испуге, но, поняв всю невозможность бегства, поднял на нас такие испуганные умоляющие глаза, что мне стало невыразимо жаль его. Я пошел домой, привязал к веревке горшок с водой и пучок зелени, спустил их к лосю, а вечером набросал туда веток, чтобы он мог лечь.

Убитого лоса мы со страшными усилиями вытащили с помощью блока. Это было очень трудно, потому что лось был втрое тяжелее корзины, наполненной землей. Оставить его по нашу сторону рва было совершенно опасно, но нам непременно хотелось отвлечь внимание волков и медведей от нашего пленника, поэтому пришлось везти тушу во двор. Мы проработали над добычей почти весь день. Но хотя уже и начинало вечереть, мы старательно заложили пролом над рвом новым хворостом, а приманки разложили в большом количестве с совершенно противоположной стороны, чтобы хищные звери, почуввав близость лоса, не ввалились к нашему пленнику в ров и не причинили ему вреда.

Хитрость наша удалась отлично. В ту же ночь мы поймали еще двух волков на приманку, а навес над лосем остался цел.

Три дня мы продержали пойманного лоса без пищи и впотьмах под наметом. Все это время мы занимались перевозкой сена во двор, вымосткой пола в леднике и пошивом крепкого хомута из лосиной кожи.

Наконец на утро четвертого дня мы раскрыли намет над лосем. Он очень похудел за это время и, видимо, обрадовался свету. Мы спустили в ров лестницу и слезли к нему с зеленью и сеном. Лось охотно и жадно стал есть, мы накормили его досыта и повторяли это раза четыре в день. Дней через пять мы достигли того, что он радовался нашему приходу, позволял ласкать себя и даже не оказал сопротивления, когда Вася расхотился до того, что сел на него верхом. Видя такое смирение, мы решились надеть на него заранее приготовленный ошейник-хомут, поглаживая лоса и ласково разговаривая с ним.

Вечером Вася сказал мне, что больше не надо кормить лоса, а завтра нам нужно будет подняться чуть свет, выдернуть в одном месте колья, выстилающие стенки рва, и сделать отлогий откос, чтобы лось мог выйти по нему. До вечера все это следовало поправить и снова покрыть хворостом. На другое утро мы закончили подготовительную работу, спустились в ров и к хомуту привязали веревки. Став по бокам и крепко ухватившись за их концы, мы осторожно, держа перед мордой лоса пучок зелени, провели его через мост во двор и ввели в ледник, пол которого заранее был выслан мхом и ветками, а в углу лежало сено.

Когда животное освоилось на новом месте, мы стали выпускать его прогуливаться по двору, но пить и есть давали только в леднике или из рук. Оно вскоре совершенно привыкло к нам, даже оглядывалось и приходило на свою кличку. Быстроте приручения способствовали, может быть, два обстоятельства, из которых одно впоследствии приобрело для нас чрезвычайно важное значение: животное оказалось самкой, лосицей, ожидавшей появления теленка. Она в смерти своего спутника увидела нашу силу, но не озлобилась против нас, потому что, после долгого и мучительного голода, мы накормили ее.

Между тем, мы исподволь приготовили большие сани с оглоблями и сшили шлею, по мерке нашей, теперь уже не воображаемой, лошади. Когда мы освоились с лосицей до того, что могли без страха садиться на нее верхом, брать ее за морду, за ноги, за хвост, снимать и надевать хомут, то решились, наконец, запрячь ее. Это, без сомнения, было дело рискованное. Очувтившись в родном лесу, она могла вспомнить все грелести свободы, разбить сани, перервать упряжь, уничтожить нас и убежать. Поэтому еще за несколько дней мы стали кормить ее все меньше и меньше, а в день испытания не дали ей ничего, так что она опять похудела и ослабела. Когда упряжка была готова, мы попробовали провести ее несколько шагов. Тяжесть и шелест саней о снег испугали было ее, но мы с Васей стали по бокам и пошли с нею рядом, и она успокоилась. Убедившись на дворе, что она повезет сани не упрямясь, мы поставили на них три котелка и поехали к озеру за водой. К великой нашей радости лосиха и по лесу шла спокойно и послушно. Пока Вася наливал воду, я стоял возле нее и поглаживал по морде. Новая тяжесть удивила ее, но она скоро с нею освоилась и благополучно довезла воду домой. После этого мы сытно накормили, напоили ее и поставили в ледник.

Вася просто торжествовал и беспрестанно шутиливо упрекал меня за то, что я считал прежде приручение лося делом для нас невозможным.

— Стоит только человеку захотеть что-нибудь, подумать, да потрудиться, и он может сделать все на свете! — повторял он свою обычную поговорку.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Мы делаем свечи. Наши предположения, как нам обездить лося.

Самые главные потребности наши были удовлетворены: у нас было теплое жилье и платье и вдоволь хорошей, здоровой пищи, за которой уже не нужно было ходить по лесу большую часть дня. Поэтому мы имели много времени, чтобы заняться устройством некоторого комфорта в своем жилище. Давно задуманный пол мы настлали довольно скоро. Глина была у нас запасена еще с осени, в сарае. Часть ее пошла на выделку грузил к неводу, а другою мы обмазали внутреннюю сторону стен. Очень огорчало нас, что от копоти и дыма лучины новый пол и стены быстро почернеют, как уже почернел потолок. Поэтому мы попробовали делать свечи из воску. Его было у нас немного, не больше двух фунтов, но мы решили беречь свечи и могли сохранить их довольно долго.

Сначала мы стали делать их самым простым способом: раскатывали воск в довольно толстые длинные пластинки, ссучивали фитиль из ниток, которые выщипывали из лоскутов старой ситцевой рубашки Васи, и, завернув его в воск, катали сделанную таким образом свечу под дощечкой. Она становилась совершенно прямой и круглой.

Но такие свечи сгорали очень быстро, оплывали и давали мало света.

— Нет, не хорошо мы это придумали, — сказал Вася. — Помните, ваш батюшка купил для рабочих на заводе пять большущих серых быков. Их велели убить и посолить, потому что рабочие любят солонину. А у нас в селе жил шорник, чинил в каретном сарае старые сани и хомуты. Как увидел он, что с быков пообрезали много сала, и стал приставать к барину: продайте его мне. Барин согласился. Я все тогда думал, что он станет делать с этим салом? Прихожу, а у него в котле растоплено сало, сам сидит над котлом и макает в него светильню. Сало к ней пристанет, он вытащит и даст остыть, а потом опять в котел обмакнет. Так он при мне сделал несколько свечей. Потом он продавал их нашим рабочим по три копейки свечку, а в городе они дороже. Теперь я так хочу попробовать. Ведь сала у нас много.

Мы, действительно, попробовали делать сальные свечи и сначала нам это нравилось, потому что они горели светлее восковых, но тоже оплывали, и, кроме того, я никак не мог примириться с их неаккуратной формой. Свечи выходили неровные, безобразные. Мне это очень не нравилось, и я придумал отливать их в форму: выбрал осиную, прямую и без веток, палку, длиной несколько более обыкновенной свечи, и распарил в теплой воде. Когда она остыла, с одного конца аккуратно срезал кору, до дерева, чтобы рука могла удобно схватиться за него, а по остальной коре стал легонько постукивать маленьким молотком. Когда на палке не осталось живого места, я взял ее в одну руку, а другой ухватился за обнаженный конец, стал осторожно поворачивать дерево и, наконец, вынул его из коры, как из футляра. Получилась пустая трубка с очень гладкой внутренней поверхностью. Теперь можно было наливать в нее сало и вдевать фитиль. Чтобы сало застывало скорее, мы выносили форму во двор и втыкали ее в снег, потом осторожно вытаскивали свечку. Васе очень понравилась моя выдумка, потому что свечи выходили очень правильные.

Обзаведясь некопящим освещением, мы выскоблили черный потолок, вымыли пол с песком и щелоком, сплели и разостлали перед дверью толстую рогожу, чтобы вытирать при входе грязные сапоги. Мочалы у нас было много, а потому мы сделали из нее тюфяки и обтянули их хорошо выскобленной лосиной шкурой, мехом вниз. Они стали мягче и гораздо опрятнее подстилки из моха, которая постоянно рассыпалась и валялась на полу клочками. Подушки у нас были уже из перьев. Наволочки на них порядочно выносились, но Вася надеялся, что летом выделает несколько заячьих шкурок и из мягкой кожи сошьет чехлы.

Дом наш стал гораздо теплее, и спать на лежанках было уже жарко. Потому мы, хоть и с грехом пополам, сделали две кровати, переложили на них тюфяки и подушки и застлали одеялами. Я даже теперь с удовольствием и любовью вспоминаю мою милую, хотя жесткую и далеко не удобную кровать!

Печка с ненужными лежанками стала занимать слишком много лишнего места, поэтому мы решили разломать ее летом и переложить иначе.

Не забыли мы также и о пчелах и, надеясь на роение, сделали новый улей, в виде маленького домика с внутренними перегородками, смазали их воском, а летом собирались выставить в огород и приманить пчел запахом кипящего меда.

Посуды у нас было теперь много, и мы так хорошо научились выделывать ее из глины, что она выходила довольно красивой. У нас был даже чайник с носиком, чашки и блюдечки. Если случалось долго работать на открытом воздухе в холодные дни, мы вываривали липовый цвет пополам с сушеной малиной и пили как чай. Он отлично согревал нас.

Между тем мысль о лосином дворе не выходила из наших голов. Очень хотелось нам запастись еще несколькими шкурами, копченым мясом и сухим бульоном. Да, наконец, и самая охота была большим удовольствием. Убить нескольких лосей, которые не решаются выйти из своей крепости, не представляло никакой трудности. Все дело было в том, как доставить их домой. Если оставить убитых лосей на ночь в лесу, то их съедят волки; они могли также напасть и на нас, пока мы повезем их, а главное, мы все-таки еще не могли вполне полагаться на кротость своей Машки. Увидев свободных родичей, она могла наделать много беды. Поэтому мы со дня на день откладывали свой поход, но почти ежедневно толковали о нем. Наконец Вася вспомнил, что лошадям завязывают глаза, когда хотят, чтобы они не испугались. Ничего не вида, они становятся кроткими и послушными.

Меня очень заинтересовало это соображение.

— Послушай, Вася, — заговорил я, — запрежем завтра Машку в большие сани, захватим ружья, пули, порох, топоры и пойдем к лосиному двору. На середине дороги завяжем ей глаза, так что она свободных лосей и не увидит. Пока стреляем, привяжем ее к дереву крепким ремнем, а чтобы к ней не пришли другие лоси, перекинем ей через спину большую рогожу — они побоятся.

— Правда ваша! Молодец вы, Сергей Александрович! Так, завтра на охоту, а теперь спать.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

На меня нападает медведь. Вася спасает меня. Борьба Васи с медведицей.

Утром мы поднялись очень рано, почистили ружья, запрежали Машку и отправились. На половине дороги мы завязали лосице глаза. Она, видно, очень удивилась, но послушно шла дальше между мной и Васей. Недалеко от лосиного двора мы накиннули на нее рогожу и привязали к дереву.

Дойдя до места, в запутанном лабиринте лосиных дорожек мы нашли шестерых лосей. Они заметили нас, но были так уверены в безопасности своего убежища, что спокойно рассматривали нас, не думая о бегстве.

Мы застрелили двух из них и постарались отогнать живых как можно дальше, потому что боялись, что они нападут на нас, потом протоптали в снегу откос, по которому могли спуститься сани с Машкой, привели ее и стали наваливать лосей на сани. Мы уже навалили одного лося и принялись за другого, как вдруг услыхали шорох шагов по снегу. К нам подбегал волк с низко опущенным хвостом, с глазами, полными кровью. Машка стала беспокоиться. Волк подходил все ближе. Мы с Васей выстрелили враз, и он скатился в глубокую аллею.

Это посещение заставило нас поспешить. Мы с немощным трудом завалили второго лося и повели Машку как можно скорее, боясь, что нас окружают волки. Хотя снег был глубокий и тяжело нагруженные сани сильно вязли в нем, но Машка шла очень бодро. Мы добрались почти до самого дома совершенно счастливо, но в нескольких шагах от рва к нам опять пристали два волка,

а за ними и целая стая. Положение становилось опасным. Волки, окружив воз, злобно и радостно скалили зубы и рычали. Машка испугалась и остановилась. В эту страшную минуту Вася вскочил на сани, схватил убитого волка, высоко поднял его над головой и сильно швырнул в стаю. Голодные, жадные звери не могли спокойно видеть, что товарищи их уже едят, а им предстояло еще бороться со мной и с Машкой, они оставили нас и бросились туда, а Вася тем временем сдернул повязку с глаз Машки. Все это произошло шагах в ста от ворот, уже на гладко утоптанной дороге. Увидя волков, Машка так быстро пробежала это пространство и втащила сани во двор, что я, несмотря на сильный страх, удивился ее резвости. Мы вбежали за ней и начали подымать мост. В это мгновение волки заметили, что упустили лучшую часть добычи, и устремились за нами. Передний успел вскочить на уже приподнятый мост и ввалился к нам во двор, некоторые попадали в ров на колья, а остальные вернулись съедать волка.

Свалившийся к нам зверь так перепугался, что сел на задние лапы, вытаращил глаза, оскалил зубы, высунул язык и сидел неподвижно. Машка сильно беспокоилась. Вася схватил топор и бросился к волку, но тот увернулся и побежал на меня, я выстрелил почти в упор, и он упал.

Мы поспешили распрячь Машку и отвести в ее спокойный ледник.

Вася предложил было влезть на забор и оттуда поугнать остальных волков выстрелами, но я сказал, что пороху у нас не так много, чтобы тратить его даром. Мы убрали сани и сбрую и стали обдирать шкуру с лосей, разбирать их по частям. В этот раз мы старательно обрезали сало и Вася даже не выбросил пузырь и кишки. Мы принялись варить сухой бульон и коптить окорока и все эти дни ели очень жирные щи и отличный бифштекс.

Однажды, придя кормить Машку, я был чрезвычайно поражен. Возле нее на подстилке лежал маленький совершенно желтый теленок, которого она очень нежно облизывала языком. Я побежал домой, чтобы позвать Васю.

— Это хорошо, — сказал он, — теперь у нас будет молоко, масло и творог.

Мы вместе пошли в ледник.

— А этого молодца мы будем беречь и воспитывать, — сказал Вася, поглаживая теленочка. — Какой он славный!

Машка очень недоверчиво поглядывала на нас каждый раз, когда мы приближались к теленку, но потом привыкла.

С тех пор, как она отелелась, мы стали ее кормить лучше прежнего. Кроме сена, воды и обедков с нашего стола мы стали специально варить для нее нечто вроде похлебки, в которую клали листья капусты, несколько вареных и протертых картофелин, брюкву или репу. Это поило очень нравилось ей. Зато молока она давала столько, что пока мы не научились бить масло, у нас его было слишком много, и мы забеливали им поило. О теленке нечего и говорить: он был совершенно сыт и рос отлично.

Молоко мы разливали в горшки. Свежее сохраняли в сенах, потому что там было холодно, а простоквашу делали дома, сняв с нее сметану, ставили горшки в печку и получали жирный творог.

Вообще, чем дольше мы жили в лесу, чем больше трудились, тем спокойнее и роскошнее становилась наша жизнь.

Когда появлялось у нас совершенно свободное от всяких работ время, я учил Васю читать по единственной

нашей книге, Робинзону, и не мог надивиться его памяти и понятливости. Вообще Вася был мальчик с редкими способностями и прекрасным сердцем. В эту зиму он еще раз спас мне жизнь.

Однажды Вася запряг Машку, чтобы съездить за водой, и попросил меня опустить мост, что я и сделал. Ничего не подозревая, я совершенно машинально взшел на мост и остановился. Меня поразило, что на противоположной стороне рва, на снегу виднелось множество громадных медвежьих следов. Я и не сообразил, что медведь провалился в ров прямо против ворот и теперь был подо мною. Прежде чем я успел опомниться, из-под моста показались две громадные косматые лапы, за ними голова и наконец окровавленный зад медведя. Когда я опустил мост, он ухватился за край его передними лапами, вырвал из себя колья, взобрался на мост и яростно пошел на меня. Увидя перед собой это страшилище, я громко закричал и попятился к воротам: медведь сделал шаг вперед, точно рассматривал меня, стоя на задних лапах, почти у края моста.

В эту минуту Вася с толстой дубиной в руках прыгнул между мною и медведем и так сильно ударил его по переносице, что тот с ревом полетел опять в ров и всей спиной напоролся на колья.

Я был так испуган, что опустился на снег и зарыдал, сам не знаю отчего. Вася подбежал ко мне, стал обнимать и успокаивать меня.

— Полно, не плачьте, Сергей Александрович, ведь он вас не съел, а сам вот лежит на кольях, да издыхает.

Я мог только обнять Васю и крепко прижаться к нему. Несколько минут он сидел молча и только ласково по-

глаживал меня по спине, потом встал, принес мне воды, и когда я напился, стал весело рассказывать, что он намерен сделать с медведем.

Я заслушался его и забыл о своем испуге.

Весь остальной день прошел в снимании шкуры с медведя и разделке его на части.

Пока не стаял снег, мы нарубили кольев и лозы, потому что за лето хотели выстроить для Машки и ее теленка отдельный хлев, а ледник набить льдом. Прошлогодний запас оказался недостаточным для нашего хозяйства, поэтому мы решили увеличить яму. На время этих работ Машку с теленком мы поселили в сарае.

В леднике мы разобрали пол. В глубине ямы земля не замерзла, поэтому увеличить ее нам не составило особенного труда. Набить ледник было также гораздо легче прошлогоднего. Машка легко возила с озера глыбы льда, бревна и лозу для хлева.

Снег еще не успел стаять, как мы принялись за постройку, вколотили колья и заплели плетни. Мы уже не боялись потоков талой воды с вершины, потому что канава стала еще глубже от промоин и хорошо отводила ее.

Мы решили увеличить свои огородные посевы, чтобы их хватало Машке на поило из вареных овощей. Для этого нужно было расширить плетень и навозить черной земли от озера. И то и другое нам удалось сделать вовремя, потому что самая тяжелая часть работы пала теперь на Машку. Впрочем, мы трудились от этого еще усерднее.

Как только пришло время, мы вспомнили про пчел, — развязали утешение, открыли улей и почистили его, а

новый, сделанный в виде хорошенького домика, поставили в огороде.

Вася каждый день бегал к липам посмотреть, не собираются ли его любимцы роиться. Однажды в июне он прибежал очень взволнованный и радостный. Оказалось, что он давно уже заманил в свой улей пчел-работниц, и тот, вероятно, очень понравился им, потому что они прилетали туда каждый день. Теперь они собираются роиться, и он был уверен, что они переселят свою матку именно к нему. Так действительно случилось, и восторг Васи поистине трудно описать.

Вообще это лето не было уже для нас временем, полным непрерывного и тяжелого труда. Мы могли уже бродить по лесу без всякой определенной цели, никуда не спеша. Во время таких прогулок я рассказывал Васе все, чему меня научили до нашего побега и что я вычитал из книг. Он слушал очень внимательно и хорошо запоминал рассказанное. К концу лета он очень основательно знал священную историю, заучил заповеди и понимал их значение. Я выучил его писать цифры на песке и безошибочно проводить над ними первые четыре действия.

И все-таки мы очень скучали по дому и часто разговаривали о том, как хорошо было бы отыскать жилье и свидеться со своими. Один раз мы даже решились отправиться очень далеко на розыски. Для Машки с теленком мы накосили свежего сена и набрали мха, захватили провиант и ружья, спустились в ров по лестнице, чтобы не открывать ворота, вылезли на поверхность, прикрыли ров хворостом и пошли.

Бродили мы опять три дня, чуть не заблудились и вернулись домой совершенно измученные. Машка очень обрадовалась нам.

— Нет, уж видно судьба наша такая здесь и погибнуть, — сказал Вася, бросаясь на свою кровать. — И поделом. Нечего было бежать от хорошего, да придумывать себе такую жизнь, которую должны вести только волки!

Мне было очень больно слышать это. Ведь моя дикая фантазия и мое безумное увлечение привели сюда бедного юношу.

Скрепя сердце, мы покорились своей участи и опять принялись за работы — драли липовые лубы на мочалу, собирали ягоды, грибы, липовый цвет, косили сено и делали глиняную посуду.

Но главную заботу нашу составлял огород.

Лето выдалось дождливое, пасмурное, беспрестанно поднимались бури. Сначала все возшло отлично, но потом на капусту напали червяки и страшно портили ее. Средства уничтожать их не знал даже Вася, а потому мы каждый день ходили собирать червей и потом уничтожали их.

Однажды, проходя по берегу озера, мы наткнулись на утиный выводок. Старая утка, должно быть, боялась за детей, потому что, пока я подбирал утят из гнезда, она очень смело вилась возле нас. У Васи была в руках палка. Он изловчился и так ударил ее по крылу что она с криком упала в тростник. Вася прыгнул и схватил ее.

— Не кричи, не кричи! — уговаривал он утку. — Это не со зла тебя ударил. Хочу, чтобы ты у нас великой родоначальницей была. Берите-ка уж заодно и гнездо, Сергей Александрович, — обратился он ко мне. — Я кое-что придумал. Чем мы не настоящие помещики? Надо и нам свой птичий двор завести.

— Ну что-то ты, Вася, нескладное задумал, — возразил я, укладывая утят обратно в гнездо и поднимая его целиком вместе с ними, — хочешь приручить диких уток! Такого я не слыхивал.

— Если сумели мы приручить лося, так не одолеть утки будет стыдно! — возразил он самодовольно.

Мы принесли гнездо и утку домой. Вася взял ножницы, подрезал старой утке крылья и пустил ее на пол. Я же сбегал, притащил травы и несколько битых лягушек. Поближе к гнезду мы поставили два котелка с водою.

— Поживи так только денька четыре, — приговаривал Вася, обращаясь к утке, — а тебе такой дворец строю, что сама благодарить будешь!

Оказалось, что Вася задумал сплести у озера колоссальную клетку, вернее беседку, так, чтобы один ее край стоял в воде на расстоянии, которое бы давало уткам возможность плавать, а другой выступал бы на берег настолько, чтобы они могли вить гнезда.

Я очень охотно взялся за это дело. Нам, привыкшим тяжело работать прямо на солнце, занятие в тени, на берегу озера казалось забавой. Мы притащили из дому штук десять жердей и вколотили их в дно озера почти на полторы сажени от берега. Потом нарубили длинных побегов лозы. Прыгая на заплетенный побег обеими ногами сразу, мы заставляли его опускаться до самого дна озера и так вывели всю подводную часть совершенно плотно, выше же стали заплетать лозу на вершок одна от другой, и дело пошло очень быстро. Выводить крышу было труднее, потому что работать приходилось стоя на лестницах, которые мы сняли с крыши дома. В береговой стене беседки мы проделали узенькую дверку, вместо петель прибавив куски толстой кожи. Клетка вышла чудесная. В одной половине тихо плескалась вода, в другой, лениво шелестя, темнел сочной зеленью тростник, который мы всячески старались не помять во время постройки, чтобы сохранить природные условия жизни свободной утки: над головой тихо шумело и благоухало целое море всякой зелени.

Когда мы принесли уток обратно к воде, да еще с родным гнездом, которое уютно установили в тростнике, они повеселели. Вася был очень доволен и говорил, что утки так же хорошо вынесут и зиму в теплом сарае.

Пока приходилось только ждать исполнения своих богатых надежд на птичий двор, а хлопот он прибавил нам немало. Едва ли есть на свете птица прожорливее утки. Их было у нас, считая с маткой, всего десять штук, и трудно представить, какое количество лягушек мы поставляли им ежедневно и все оно съедалось без остатка. Правда, птенцы росли поразительно быстро и обещали стать крупнее обыкновенной кряквы.

Однажды нам пришло в голову сделать плот, чтобы кататься по озеру. Мы заготовили три бревна, скрепили их между собой крепкими поперечинами, а сверху настлали досками. Садиться было нельзя, но имея под собою три аршина плота в длину и два в ширину, мы не рисковали опрокинуться. Привыкнув безопасно разъезжать вдоль берега, мы стали отплывать от него все дальше и дальше.

До сих пор помню, какое странное и сильное чувство охватило меня, когда я в первый раз очутился на середине зеркально-зыбкого и, может быть, бездонного озера. Было и жутко и как-то весело.

Мы расхрабрились до того, что переправились на один из островов озера. Там оказались целые заросли дико-

растущей малины и янтарное море морошки. Мы тотчас же наделали коробок из бересты и возвратились домой с большим грузом ягод.

Вечером мы их чистили и разбирали. Малину помельче положили в печку сушиться, а остальные ягоды на ночь, чтобы не прокисли, облили медом. На другой день Вася сварил варенье.

После нескольких посещений острова нам захотелось и еще дальше. Озеро было так велико, что обойти его кругом нам было очень трудно, потому что на это требовалось бы три дня. Мы решили съездить на противоположный берег на своем плоту. Обогнув небольшой мысок, который острым углом скрывал от нас половину противоположного берега, мы увидели там устье довольно широкого ручья. К нему-то мы и направились, нашли удобное место, причалили и высадились.

Местность этого берега вполне напоминала нашу. Такой же обрыв со слоями глины и песка, та же растительность. Поэтому нас больше всего заинтересовал ручей. Он бежал по глубокому, каменистому дну, местами загроможденному толстыми стволами упавших деревьев-великанов.

— Настоящее рачье место, — проворчал Вася вполголоса, пробираясь по берегу вверх по течению.

— А я уже видел рака и хотел предложить тебе половить их, — сказал я.

— Половить-то и я бы согласен, Сергей Александрович, — весело ответил мой насмешник Пятница, — да как и чем? Разве как сделал один дурак в сказке. Опустить им ногу. А вот сейчас. — Он сел на берег, снял сапог и опустил ногу в воду.

— Что ты делаешь? Ведь больно будет! — вскричал я.

— Ничего, не очень.

Мы некоторое время шутили и смеялись, но потом затихли.

— Вот! Ха, ха, ха! — вдруг расхохотался Вася и, быстро выдернув ногу, вышвырнул на берег огромного черно-зеленого рака.

— Значит, тот сказочный дурак не совсем глуп был! — продолжал он, обуваясь.

— А еще это значит, что мы на днях приедем сюда с сетками и корзинками и наловим раков, — добавил я, — пока ты чудил, я уже придумал, как это сделать.

Мы переправились на свой берег и переночевали дома, а на другой день я уже с восходом солнца мастерил рачьи ловушки, согнул два обруча и обтянул их сеткой, которую отпорол от крыла невода, так что все вместе представляло из себя нечто вроде решета с мягкими сетчатыми стенками. В местах, где раков водится много, в какие-нибудь пять-шесть минут их набирается на приманку из мяса штук десять-пятнадцать и даже больше. Ловцу же остается только достаточно быстро дернуть за веревку, чтобы верхний обруч поднялся и выпрямил сетчатые стенки решета раньше, чем раки это заметят, иначе они все убегут, потому что плавать и двигаться в воде могут очень быстро. Особенно удачна ловля ночью, при кострах, свет которых привлекает раков издалека.

Я сделал пять таких ловушек, и в ясный, тихий вечер мы переправились на противоположный берег, чтобы там ловить раков всю ночь. Пока было светло, мы бродили по лесу и ели ягоды, а когда смеркалось, зажгли на берегу два больших костра и начали ловить раков, вытаскивая то одно, то другое решето. Еще до полуночи мы наловили их с пол-ушата.

— Вася, бросим, — предложил я, — ведь нам некуда их девать!

— И очень ошибаетесь, Сергей Александрович, — возразил он, — есть куда девать! Обжорливее наших уток нет никого на свете. И чего мы не съедим сами, пойдет им на угощение.

Начало рассветать. Костры потухли. Сквозь пролом ущелья, по которому стремился ручей, угадывалась часть озера. Над ним непроницаемым покровом, неподвижной белой массой стоял туман. Местами заря окрашивала его розоватым отливом. Вдруг взошло солнце — туман заволновался, — его коснулось тепло живоносных лучей. Волна за волной стали исчезать седые клубы тумана, наконец, слетела и последняя дыминка, и перед нашими глазами открылось колоссальное зеркало, в которое смотрелось безоблачное небо и любовались собою прибрежные сосны и ели.

Я стоял и смотрел, как очарованный, забыв и раков и даже Васю, но тот скоро нарушил мое созерцательное настроение.

— Теперь и домой можно! Вишь, как тихо! — сказал он, затаптывая последние искры костра. — А не то все раки заснут. Когда их варят живыми, они гораздо вкуснее.

Я невольно вздохнул и стал помогать своему неугомонному и прозаическому Пятнице нагружать плот.

Едва мы добрались домой, Вася принялся в нескольких котлах варить раков, а я пошел кормить Машку и бить лягушек для утят.

Этим летом жизнь наша сложилась так, что мы могли уже доставлять себе некоторые удовольствия, но все они все-таки были чисто физические. Единственное нравственное удовлетворение приносило сознание того, что мы победили обстоятельства трудом. Мы оба заметно стали тосковать. Хотя и бессознательно, а сказывалась потребность в обществе себе подобных, в любви к ним, в их интересах и трудах.

Часто мы по целым дням бесцельно бродили по лесу, приискивая, чем бы занять дремлющие ум и чувство. Однажды мы пошли собирать ягоды и забрались далеко от дома. Вдруг, совершенно неожиданно, среди леса, перед нами открылась довольно большая лужайка, и через несколько минут из чащи на нее вышла медведица с двумя медвежатами и хотя взрослым, но еще небольшим медведем. Мы слышали их приближение раньше, чем увидели их. Медведицы чрезвычайно нежные матери и пока водят своих медвежат бывают ужасно свирепы, потому что всех подозревают в злых умыслах против своих детей. Точно не доверяя в этом деле одним своим силам, они постоянно держат при медвежатах еще взрослого медведя, который нянчит их и называется пестуном.

Мы бросили корзинки на землю и взобрались на дерево. Сначала медведи, казалось, не заметили нашего присутствия. Медвежата косолапо и неуклюже катались по земле, а мать и пестун забавляли их, тормоша зубами за животы. Но вдруг медведица увидела наши корзинки, подошла к ним, обнюхала их и подозвала детей и пестуна. В несколько минут от наших ягод не осталось и помину. Мы очень охотно простили бы ей эту шалость, но ей, кажется, захотелось еще полакомиться и нашими мозгами. Она обнюхала утоптанную траву и пошла прямо к дереву, на котором мы сидели.

— Ведь она ползет к нам! — сказал Вася громко. — Если у вас ружье заряжено пулями, стреляйте.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Мы встречаем в лесу людей. Свидание с отцом и матерью.

Я выстрелил два раза, но, вероятно, от страха, или от неловкого положения на суку, один раз промахнулся совершенно, а другой ранил ее в лапу пониже плеча.

— Плохо дело! — крикнул Вася. — Ну, полезайте выше. Я встречу и угощу ее топором.

Медведица поднялась на задние лапы со злобным рычанием. Должно быть, моя пуля пробила только мясо, не затронув кости, потому что она стала сначала трясти дерево, но видя, что мы сидим крепко, полезла к нам.

Я взобрался как можно выше, а Вася спустился на толстый сук и крепко сплел ноги, вынул из-за пояса топор и сжал его в руках. Как только медведица поднялась близко к Васе, он нагнулся и изо всех сил ударил ее топором промеж глаз. Она выпустила сук, за который держалась, и полетела на землю, ломая при падении сухие ветви. Пестун побежал было к нашему дереву, но Вася бросил в него топором и ранил в лапу, а потом выстрелил и добил окончательно. Опять я был обязан своим спасением Васе!

Мы очень сожалели, что не можем воспользоваться мясом обоих медведей, но тащить их с собой не было возможности, а поэтому мы сняли только шкуры и, поймав двух медвежат, пошли домой.

На другой день мы возвратились к этому месту, но, должно быть, ночью приходили волки, потому что мяса на обдранных медведях осталось совсем немного. Впрочем, мы все-таки отрубили им головы и лапы.

Вскоре пришла пора убирать огород. Машка помогала нам, перевозя овощи к сараю. Потом пошли дожди, похолодало и, наконец, повалил снег.

Третья зима застала нас далеко не такими счастливыми и довольными, как прошлогодняя. Правда, мы были достаточно обеспечены молоком Машки, овощами, большим запасом сухого бульона и мясом зайцев, которых опять стали ловить ящиками. Наконец, в крайности, мы могли убить медвежат и теленка Машки, мяса которых нам хватило бы очень надолго. В своей крепости мы могли вовсе не бояться хищных зверей. Но нас беспокоило то, что порох был совершенно на исходе, его осталось заряда на три, на четыре, не больше. Ходить по лесу без оружия было далеко не безопасно. Это доказывали наши частые встречи с волками и медведями. Как же теперь ездить за водой или за дровами? Каждую минуту могли собраться волки и растерзать нас, или мог прийти медведь и заломать нас в своих страшных объятиях.

Мы долго думали, чем заменить ружья. Я предложил Васе сделать пращи, — вырезать толстые палки, расщепить их с одного конца, закладывая в расщелину камень и бросать его, сильно взмахивая палкой. Но этим оружием, и то при большой сноровке, можно убить птицу, а медведя или волка удар камнем мог только еще больше разъярить.

Сказалась и другая нужда — белье наше совершенно износилось, несмотря на то, что на починку старого и пошив нового пошли все четыре простыни, которые я захватил из дому. Надевать прямо на тело плохо выделанные звериные шкуры было очень неприятно, особенно с непривычки. Ни прясть, ни ткать мы не умели, да было и не из чего.

С горя я вздумал сплести себе рубашку из мочалы,

Расщепал ее очень мелко, тщательно вымыл и принялся за работу. Сделал большую тонкую рогожку, выкроил из нее рубашку, сшил, а на швах для прочности и для того, чтобы они не так нестерпимо терли тело, нашил полоски из своего сюртука, который был мне уже мал и износился до тряпок. Ворот, проймы рукавов и обшлага я также подшил сукном.

Трудно себе представить то неприятное ощущение, которое охватило меня, когда я нарядился в эту рубашку. Повсюду терло, царапало, колело! Я хотел превозмочь себя, но выдержал только полдня, потом снял ее, положил в самую горячую воду и принялся тереть изо всех сил. Мне показалось этого еще мало, я сварил щелоку и в нем повторил стирку. После нее рубашка стала мягче, но далеко еще было ей до хорошего тонкого белья, которое я носил дома!

Вообще вся зима эта прошла для нас очень невесело. Все, что мы могли сделать для себя, было сделано, поэтому постоянно оживлявшие нас заботы и мысли были устранены. Прежде нас радовало каждое открытие, каждая выдумка — теперь ничего подобного не случилось. Прежде мы могли, хотя и не безопасно, ходить по лесу, и движение и свежий воздух благотворно действовали на наше здоровье и расположение духа; теперь у нас не было пороку, так что даже самые необходимые выходы из крепости стоили нам немалой опасности и страха. В каждую поездку за водой или за дровами нас могли растерзать голодные волки. Война Васи с ними посредством приманок у рва, впрочем, постоянно продолжалась, и смерть каждого волка он ставил себе в немалую заслугу.

Первое время, когда нас уже не так занимала работа, я очень усердно занялся обучением Васи. Я припоминал все, что знал, и рассказывал ему, но я был учитель очень мало сведущий, а он ученик очень способный, так что запас моих познаний скоро истощился, и скука все больше и больше охватывала нас.

Особенно сильно страдал от нее Вася. Он любил работу, ему она была необходима, а теперь приходилось сидеть сложа руки. Вследствие всего этого он стал очень грустен, угрюм, даже раздражителен.

— Нет, больше не стану жить в лесу! — сказал я однажды. — Как только придет весна, захвачу с собой провизию и пойду отыскивать людей.

— Да ведь мы уж это пробовали, — печально ответил Вася, — и ничего не вышло. Пожалуй, еще заблудимся опять и лишимся даже того, что теперь имеем.

— Боже мой! Так неужели же нам вечно оставаться здесь с волками! — сказал я почти со слезами.

Пришла, наконец, весна, и мы немного ожили. Веселее запели птицы, ярче и теплее засветило солнце. Опять можно было начать кое-какие работы.

Однажды утром я встал с каким-то чрезвычайно приятным и легким чувством на душе. Погода стояла ясная, теплая.

— Как мне сегодня весело, — сказал я Васе, — точно должно случиться что-нибудь очень радостное.

— Что с нами может случиться, — угрюмо ответил Вася, одеваясь. — Разве волк так ловко ухватит за горло, что умрешь сразу, не долго мучаясь, или удасться убежать от него — так этому радоваться еще нечего.

Я пошел в сени умываться и заметил, что воды осталось немного.

— Вася, — крикнул я, — сегодня придется ехать за

водой, а то нельзя и щей сварить, да и Машку и остальных зверье напоить нечем.

— Ну вот и прекрасный случай, чтобы исполнилось ваше предчувствие, а мое предсказание.

Мы позавтракали жареным зайцем, запрягли Машку в сани, поставили на них четыре котелка и, вооружившись копыями, отправились к озеру.

Обыкновенно при этих поездках я трусил еще больше Васи, — беспрестанно вздрагивая, осматривался, прислушивался. Но сегодня мне было как-то особенно весело, и сам не знаю, откуда нашли на меня необычайная бодрость и смелость. Я шел возле Машки, совершенно не думая о волках.

Когда мы спустились к озеру, то оба вскрикнули от радости. Машка испугалась крика и отпрянула в сторону, но мы, не обращая на нее внимания, бросились бежать на противоположный берег. Мы привыкли к лыжам и носились на них с поразительной быстротой, но в этот раз мне казалось, что я двигаюсь слишком медленно, и я все ускорял и ускорял свой бег. Вася не отставал от меня, он кричал во все горло и размахивал руками.

Дело в том, что на противоположном берегу мы увидели несколько простых крестьян и двух мужчин в военных шинелях и высоких сапогах. Все они шли на лыжах, некоторые из крестьян кроме ружей держали какие-то инструменты и большие бумаги.

Они заметили нас по крику Васи и остановились, с удивлением глядя на нас. Да и было чему удивляться. Наши огромные косматые шапки и шубы состояли из двух шкур — одна мехом вниз, другая мехом вверх, брюки и сапоги были сшиты точно так же. Мы были скорее похожи на каких-то особенных зверей, чем на людей.

— А я и не знал, что у меня в лесу водится такая дичина, — сказал один из офицеров другому, громко рассмеявшись.

— Ты кто такой? — строго крикнул он на меня.

— Я сын Александра Васильевича, — ответил я, несколько обидевшись таким резким приемом.

— Так значит вы тот самый Сережа, который убежал из дому года три назад. Наделали же вы мне хлопот! Ваш батюшка просто с ума сходил от горя и не давал мне покоя. Я тогда поставил на ноги всех лесничих, и они работали усердно, потому что тому, кто вас отыщет, батюшка ваш назначил большую награду. Но лес этот так велик, что они ничего не могли сделать. Да и теперь нас свел только случай: этот господин, — он указал на другого офицера, — инженер и поехал на изыскания. Здесь поведут железную дорогу.

Пока он говорил, инженер взял у одного из крестьян большой свиток бумаги, развернул его и пристально рассматривал. Свиток оказался картой.

— Это озеро даже не обозначено здесь, — заметил он.

— Да еще бы, — ответил другой по-прежнему громко. — Ведь я говорил вам, что это лес огромный, глухой, первобытный, можно сказать. Спасибо, что и окраины-то нанесли довольно точно, как вы и сами видели. Все говорят, что лесным офицерам рай, а не жизнь, а вот попробовал бы кто по этакой глуши почти всю жизнь пострадать!.. Ведь одних волков...

И он что-то много и долго кричал о своей службе, ее трудностях. Как ни рад я был, увидев людей, но крикливая многоречивость и какая-то грубость этого господина мне очень не нравились... Умное, скромное, молодое лицо инженера было гораздо симпатичнее.

— Скажите, пожалуйста, господа, — приветливо обратился он к нам, не дослушав лесничего, — как могли вы просуществовать в этом лесу целых три года? Когда я непременно хотел начать свои работы так рано, господин лесничий отговаривал меня, рассказывал мне вашу историю и говорил, что вы, вероятно, умерли, но лес так велик, что не могли найти даже ваших костей.

— Рассказывать слишком долго, — ответил я, — но если вам угодно и вы не побойтесь перебежать с нами озеро, потому что лед уже не очень прочен, то мы покажем вам, как мы устроились и жили. Не бойтесь, мы возьмем вас за руки и очень скоро проведем на тот берег. У нас вы можете обогреться и отдохнуть.

— Хорошо, я пойду с вами. А вы, господа, — обратился инженер к своим спутникам, — идите по берегу кругом.

Инженер осторожно и с некоторой недоверчивостью спустился на лед, но когда мы взяли его за руки и понесли к другому берегу, он успокоился и даже разговаривал с нами на ходу.

— С вами было какое-то животное, — сказал он, — лошадь или лось.

— Да это наша лосяца, Машка, — ответил Вася, — вот она! Она испугалась, когда мы закричали, и, верно, хотела бежать домой, да зацепила санями за дерево и не может тронуться с места.

Когда мы взойшли на берег, Вася отцепил Машку, налил в котелки воды и повел домой, а я шел с инженером.

Его очень удивило наше укрепление, наши звери, наш дом, наше богатство шкурами. Мы охотно рассказывали ему историю каждой вещи. Он слушал нас очень внимательно и, наконец, сказал:

— Конечно, господа, не может быть сомнения, что убежать из дому с вашей стороны было мальчишеством. Родственники были очень огорчены. Но, попавши в лес, вы поступили очень благоразумно и много работали.

Через час пришел лесничий с крестьянами. Его также очень удивило наше жилище, и он стал грубо шутить, что отдаст меня под суд за порубку казенного леса. Впрочем, я простил ему его шутки за то, что он рассказал мне, что вся семья моя жива и здорова. Отец очень занят делами, мать сильно тосковала и даже заболела после моего побега, но теперь поправилась, потому что лечилась у лучших докторов в Петербурге. Анатолий окончил курс и скоро рассчитывает быть профессором. Старшая сестра после института занималась обучением младших, которые были теперь почти совсем большие барышни. О Васином отце он ничего не знал.

Вася между тем хлопотал, чтобы накормить всех наших гостей. С ними оказалось довольно много провизии, чаю, сахару и соли. Все это (даже самовар) возил один из крестьян на маленьких санях. Из наших запасов с их приправами Вася состряпал превосходный обед. И Боже мой, как вкусны показались нам соленые кушанья.

Все, не исключая и лесничего, остались очень довольны нашим угощением.

Пообедали мы сытно и весело, потом напились чаю и рано легли спать, условившись рано встать, поесть, уложиться и чуть свет отправляться домой.

— Только вот в чем дело, — сказал Федор Федорович, — забрать с собой все ваши меха у нас нет возможности. Ваша ручная лосяца с теленком и медвежонок тоже не малые редкости. Бросить здесь все на произвол

судьбы было бы жаль. Да, наконец, может быть, ваш батюшка захочет посмотреть на ваше жилье. Я отметил озеро на карте и охотно проведу его сюда опять. Но лучше было бы оставить здесь сторожа до тех пор, пока батюшка ваш не решит, как со всем этим быть.

— Так ступайте домой, Сергей Александрович, — сказал Вася, — а я побуду пока здесь. Только скажите моему отцу и матери, что я жив и здоров и прошу у них прощения.

— Хорошо, Вася, только одному вам остаться здесь нельзя, — сказал Федор Федорович. — Ребята, — обратился он к рабочим, — не побудет ли кто из вас здесь с ним? Через неделю я приду сюда опять и хорошо заплачу сторожу.

— Я останусь, — сказал здоровый молодой парень.

— Ну вот и прекрасно. Мы оставим вам соли, пороха, чаю, сахару. Ложитесь спать, а я поищу самую ближнюю дорожку до какого-нибудь селения.

Он разложил на столе карту и стал заниматься, отмеряя что-то циркулем и ведя подсчеты на бумаге. Перед ним лежал компас. Наконец он с довольным лицом встал из-за стола.

— Вы еще не спите? — спросил он меня. — Напрасно. Можете спать спокойно и видеть прекрасные сны. Завтра до сумерек мы будем в ближайшей деревне, а утром после завтрака вы увидите вашу семью.

Но вместо того, чтобы выполнить его благоразумный совет, я до рассвета пролежал с открытыми глазами. Мне не спалось. В голове у меня так и роились самые разнообразные мысли. То думалось, что скажет отец, как примет меня мать, как удивятся сестры. То приходили на память слова Васи... «Правда, правда, — думал я, — здесь мы были ничем не лучше волков. Нужно много работать, много учиться, чтобы наверстать задаром прожитые три года. Надо выучиться, трудиться и для других — надо стать человеком».

Очень рано, еще до рассвета все встали, напились чаю, поели, разделили провизию, взяв с собой пищи только на один день, а остальное оставили Васе и его товарищу.

Когда все было готово, я подошел к своему другу проститься и не мог удержаться от слез. Я обнял его и заплакал. У Васи у самого были слезы на глазах и сильно дрожал голос, но он старался успокоить меня и даже подсмеивался над моей чувствительностью.

— Полноте, Сергей Александрович, — говорил он сквозь слезы, — ведь не на век мы прощаемся. Через неделю свидимся, а там что Бог даст.

Я взял с него слово быть очень осторожным, и мы отправились.

Федор Федорович шел впереди, часто поглядывая то на карту, то на компас. До начала сумерек мы действительно добрались до какой-то деревни.

Встретивших нас крестьян очень удивлял мой волчий наряд, а рассказ о моей жизни в лесу, видимо, внушал им участие и, право, не знаю, это ли чувство, или громкое покрякивание лесничего заставило их очень быстро снарядить для нас крытые сани, тройку бодрых лошадей и лихого кучера. Мы тотчас же отправились в путь, три раза ночью меняли лошадей и на рассвете въехали в наше село.

Оно во многом переменялось, но я точас узнал его, отчасти по сильному биению моего сердца.

Федор Федорович сказал, что мое внезапное появле-

ние, да еще в волчьем костюме, может слишком сильно взволновать моих родителей, а в особенности мать. Поэтому мы не подъехали к дому, а остановились у конторы и вошли туда.

Федор Федорович послал сказать отцу, что приехал инженер и желает видеть его по очень важному делу. Меня спрятали в большой шкаф с бумагами.

Вскоре вошел отец. Я смотрел на него сквозь замочную скважину. Он очень постарел, в черных волосах его блестело много седых волос.

— Что это вам вздумалось не ко мне в дом, а забраться сюда? — приветливо спросил он Федора Федоровича, пожимаю ему руку.

— Александр Васильевич, — просто сказал он, — что сказали бы вы, если бы кто-нибудь нашел вашего Сережу?

— Я этому не поверил бы, — спокойно ответил отец. — Он пропал очень давно, я употребил все средства разыскать его — и все напрасно.

— А если он здесь? — настойчиво и радостно допрашивал Федор Федорович.

— Это быть не может! Где он? — дрогнувшим голосом сказал отец.

Я не выдержал, забыв все, выскочил из шкафа, бросился к нему на шею. Он обхватил меня руками, поднял как ребенка, несмотря на мои семнадцать лет, только один раз глянул мне в лицо и, не говоря ни слова, понес в другую комнату, которая называлась «хозяйским кабинетом».

Там он посадил меня на диван, обнял, целовал и плакал.

— Ну, слава Богу, — прошептал он наконец. — Надо сказать матери. А чуть было ты не убил ее, бедную. Сергей, грех тебе. Ну, да Бог простит! Спасибо, что воротился. А вырос-то как! Да и каким медведем нарядился.

Теперь только я понял, как глубоко и нежно любил меня мой всегда суровый и занятой отец.

Несколько успокоившись, мы вышли в контору, Федор Федорович коротко рассказал отцу все, что узнал обо мне.

— Ну, а где же тот чудак, твой Вася? — спросил отец.

— Остался пока в лесу, — ответил я. — Он просил передать его отцу поклон и выпросить за него прощение.

— Нужно будет его оттуда достать поскорее. Иван без памяти обрадуется. Ну, да об этом после; теперь пойду к матери, а тебе пришлю сюда сестер, чаю и завтрак. Извините, господа, — раскланялся он с инженером и лесничим.

Прибежали сестры. Они действительно были теперь почти взрослые девушки. Старшую я даже не узнал. Несколько минут мы дичились друг друга, но вот принесли чай и завтрак, и при умном содействии Федора Федоровича завязался общий разговор. Они то угощали, то расспрашивали меня. Я, разумеется, отвечал очень охотно. Через полчаса добрые сестренки целовали и обнимали меня, слушая рассказ о моих трудах и лишениях, а младшая расходилась до того, что надела на голову мою грубую шапку, схватила линейку и стала представлять, как убила бы любого волка и медведя.

Наконец вошел отец. Глаза его покраснели от слез, но лицо было счастливое, светлое.

— Ну, Сергей, я предупредил мать, пойдем к ней. А вы, молодые хозяйки, останьтесь здесь, займите пока гостей.

Я не стану описывать своей встречи с матерью, потому что разве можно рассказать словами то, что чувствует человек, снова найдя лучшее украшение лучшей поры своей жизни? Я думал, что уже никогда не увижу ее, а вот она была возле меня, живая и здоровая, по-прежнему ласковая и нежная. Она плакала вместе со мной, она обнимала и целовала меня!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Возвращение к прежней жизни. Заключение.

Мой волчий костюм очень порадовал мать, и добрая няня разыскала платье брата Анатолия, который из него вырос. Меня подстригли, вымыли, переодели, и я опять принял вид цивилизованного человека. Впрочем, руки мои долго не могли освободиться от загрубевшей кожи и глубоких шрамов.

Переодеваясь, я признался няне, что захватил с собой ее рабочий ящик.

— Я так и подумала, — ответила она, — и хоть журила тебя за то, что ты сбежал, а сама подчас до слез жалела, что там не было чего-нибудь получше! Ну, да слава Богу, что он тебе пригодился. А Васька-то, Васька каков, а еще мой племянничек. Помогать ребенку такие дела делать!

Я рассказал ей, что причиной побега был я сам, что Вася умный, честный и добрый юноша, что он несколько раз спасал мне жизнь, не жалея своей собственной. Она слушала меня со слезами и заранее примирилась с Васей.

В этот же самый день я сказал отцу, что намерен много заниматься, чтобы наверстать упущенное время, и прошу его помочь мне.

— Это ты хорошо задумал, Сережа, — ответил он ласково. — Но самому мне учить тебя не приходится. И отстал я от науки, и некогда мне. Я напишу Анатолию, чтобы он тебе приискал в Петербурге учителя из студентов, и пошлю денег на книги. Ты ведь еще гимназический курс должен проходить.

На другой день отец вместе с Федором Федоровичем и лесничим уехал посмотреть на мою крепость и привезти оттуда Васю. Мать решительно объявила, что ни с кем и ни за что не отпустит меня в лес, и я остался с нею.

Отец возвратился через четыре дня и привез Васю. Я обрадовался ему, словно не видел несколько лет. Старый Иван простил его и радовался его возвращению так же сильно, как мои родители.

Недели через три приехал учитель, молодой студент Технологического Института. Он начал занятия со мной очень усердно, а мне так хотелось вознаградить задаром прожитое время, что я занимался целыми днями. Осенью родители решили отправить меня в Петербург, где бы я мог частным образом продолжать свои занятия. Отец сам отвез меня туда и поместил на житье в одном семействе. Окончив гимназический курс, я поступил в Технологический Институт. Родители давали мне средства посещать всевозможные заводы, фабрики и производства, так что, изучая дело по учебникам, я мог изучать его и на деле. Поэтому учение мое шло очень успешно.

Я проводил каждое лето дома, там виделся с сестрами, матерью, отцом и Васей, который попросил отца моего принять его на завод сначала простым рабочим, а потом повышать, смотря по тому, насколько он узнает кожевенное дело. При его природном уме, наблюдательности и любви к работе повышение его шло очень быстро.

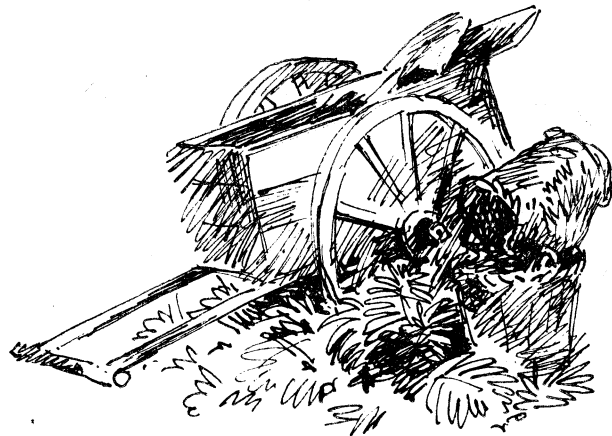
В первые же каникулы я с радостью узнал, что отец,

после нашего возвращения из лесу, поселил в нашей крепости сторожа, который стерег ее и кормил Машку, а потом обратился к казне с просьбой продать ему возле озера участок леса, на котором стояло наше жилище. На другой год я узнал, что лес остался за отцом, и что рядом с нашим жильем он начал уже строить большой кожевенный завод, потому что здесь была близко вода и все нужные условия, а главное, за озером проходила железная дорога.

Я отправился туда и удивился. Теперь не было и помину прежней глуши. Крепость наша стояла нетронутая, но вокруг нее выросло несколько деревянных домиков. В них жили рабочие. Одни из них рубили и расчищали лес, другие делали кирпичи, третьи сравнивали откос горы. Из-за озера тоже слышались песни и стук тоноров: там Федор Федорович проводил участок железной дороги.

Когда я кончил курс, отец передал управление новым заводом мне. Я сделал много перемен. У меня есть отдельная школа, а при ней большая мастерская для учеников; есть большой зал, в котором собираются рабочие в свободное время, пьют за дешевую плату чай и разговаривают о своих делах. Возле него есть комната, в которой хранятся хорошие, простые и понятные книги. Сначала все это мне стоило значительных издержек, но теперь все они вознаградились сторицею, потому что каждый из рабочих знает свое дело, понимает необходимость моих требований и охотно исполняет свои обязанности. На заводе у меня всегда порядок и чистота. Главный управляющий, помощник, друг — мой Вася. Я горжусь дружбой с этим умным, честным и добрым человеком. Мы почти не разлучались с ним всю жизнь. Теперь мы оба почти старики и надеемся прожить в дружбе до самого конца.

Брат Анатолий постоянно живет в Петербурге. Из него вышел хороший ученый. Опротечивость моей юности не допустила меня до этого счастья. Но тем с большим усердием тружусь я в своем маленьком муравейнике. Никто не должен стыдиться небольшого поля своей деятельности. Пусть всякий, не жалея труда и усилий, старается сделать как можно больше добра, не разбирая, где оно делается!

Генри
КАТТЕР

ИДЕАЛЬНЫЙ ТАЙНИК

Рассказ

Рисунки
Константина
Комардина

Гэллегер играл по слуху, что было бы совершенно естественно, будь он музыкантом, но Гэллегер был ученым. Пьяницей и сумасбродом, но ученым хорошим. Он хотел быть экспериментирующим техником и, вероятно, достиг бы в этом выдающихся успехов, поскольку моментами являлся проблески гения. К сожалению, ему не хватало средств на специальные исследования, поэтому Гэллегер, по профессии консерватор интеграторов, держал свою лабораторию как хобби. Это была самая кошмарная лаборатория во всех шести штатах. Десять месяцев он провел, создавая устройство, которое назвал алкогольным органом, и теперь мог, лежа на удобном, мягком диване и нажимая кнопки, вливать в свою луженую глотку напитки чудесного качества и в любом количестве. Однако, поскольку сделал он этот орган, пребывая в состоянии алкогольного опьянения, то, разумеется, не помнил принципа его действия. И очень жаль.

В лаборатории было всего понемногу, причем большинство вещей ни к селу, ни к городу. Реостаты стояли в маленьких юбочках, как балерины, и с пустыми улыбками на глиняных лицах. Большой генератор бросился в глаза названием «Чудовище», а на меньшем висела табличка с надписью «Тарахтелка». В стеклянной реторте сидел фарфоровый кролик, и только Гэллегер знал, как он там оказался. Сразу же каркнул железный пес, предназначавшийся поначалу для украшения викторианских газонов или, может быть, адских врат; сейчас его пустые глазницы служили подставками для пробирок.

— Но как ты это делаешь? — спросил Ваннинг.

Гэллегер, растянувшийся под алкогольным органом, впрыснул себе в рот двойное мартини.

— Что?

— Ты и так слышал. Я мог бы дать тебе отличную работу, умей ты пользоваться своим сумасшедшим мозгом или по крайней мере начни за собой следить.

— Пробовал, — вздохнул Гэллегер. — Не выходит. Я не могу работать, если сосредоточусь. Разве что-нибудь механическое. У моего подсознания очень высокий показатель интеллекта.

Ваннинг, невысокий коренастый мужчина со смуглым лицом в шрамах, постукивал каблукками по «Чудовищу», на котором сидел. Временами Гэллегер его беспокоил. Этот человек не отдавал себе отчета в своих возможностях и в том, как много могут они значить для Горация Ваннинга, торгового эксперта. Разумеется, «торговля» была совершенно легальной, но современные экономические условия оставляли множество лазеек, в которые вполне мог протиснуться умный человек. Честно говоря, Ваннинг занимался незаконными консультациями, что хорошо оплачивалось. Отличное знание законов было в их времена редкостью. Инструкции и правила образовывали такую чащу, что изучение законов требовало многолетней подготовки. Но Ваннинг имел великолепный персонал, огромную справочную библиотеку и за приличный гонорар мог сообщить, например, доктору Криппену, как уклониться от уплаты налогов. Более подозрительные дела он улаживал в полной тайне, безо всяких помощников. К примеру, вопрос о нейроружье...

Гэллегер изобрел это исключительное оружие, понятия не имея о его значении. Однажды вечером, когда у него испортился сварочный аппарат, он собрал новый, соединив отдельные части пластырем. Гэллегер дал это устройство Ваннингу, но тот недолго держал ружье у себя. Он уже заработал тысячи кредитов, одалживая его потенциальным убийцам и причинив этим немало хлопот полиции.

Например, к нему приходил человек и говорил:

— Я слышал, вы можете помочь, даже если кому-то грозит приговор за убийство. Если бы, к примеру...

— Задний ход, приятель! Я не могу заниматься такими делами.

— Гмм. Но...

— Теоретически, я думаю, что идеальное убийство возможно. Допустим, изобрели новый вид оружия, и, скажем, образец находится в камере хранения на Пасажирском Ракетодроме в Ньюарке.

— Гмм?

— Это всего лишь теория. Сейф номер 79, шифр тридцать-ну-скажем-восемь. Такие мелкие детали хорошо помогают воображению, правда?

— Вы хотите сказать...

— Разумеется, если бы наш убийца добрался до этого теоретического оружия, он мог бы быть достаточно хитер, чтобы иметь наготове почтовый ящик по адресу... например: Сейф 40, Бруклин Порт. Он мог бы бросить оружие в этот ящик, запечатать его и избавиться от улики в ближайшем почтовом отделении. Но все это, конечно, теория. Мне очень жаль, но я ничем не могу вам помочь. Гонорар за разговор — три тысячи кредитов. Секретарша примет от вас чек.

Обвинительный приговор был бы в таком случае невозможен. Прецедент: вердикт суда 875-М, Полиция штата Иллинойс, дело Добсона. Необходимо установить причину смерти, не исключая возможность несчастного случая. Как отметил судья высшего суда Дуккет во время процесса Сандерсона против Сандерсон, где речь шла о смерти свекрови обвиняемой...

Безусловно, прокурор со своим штабом экспертов-токсикологов должен согласиться, что...

Короче говоря, ваша честь, я ходатайствую о прекращении дела ввиду недостатка улики и невозможности выяснения причин смерти.

Гэллегер так никогда и не узнал, что его нейроружье является столь опасным оружием, а Ваннинг тем временем навещал его запущенную лабораторию, внимательно следя за результатами научных забав приятеля. Не раз он получал таким образом весьма полезные приспособления. Однако все дело в том, что Гэллегер не хотел работать!

Вот он еще раз глотнул мартини, потрянул головой и поднял свое худое тело. Лениво подошел к заваленному всевозможным хламом столу и принялся перебирать обрывки проводов.

— Что ты делаешь?

— Не знаю. Играю, наверно. Я просто складываю вместе различные вещи, и иногда из этого что-то получается... Только я никогда не знаю, что именно. — Гэллегер бросил провода и вернулся на диван. — А, черту все это.

Чудак, подумал Ваннинг. Гэллегер был типом в принципе аморальным, совершенно неуместным в их сложном мире. С первобытным весельем смотрел он на мир со своей личной колокольни и... делал разные вещи.

Но только для собственного удовольствия. Ваннинг вздохнул и оглядел лабораторию — его педантичная натура страдала при виде этого бедлама. Машинально наклонившись за лежащим на полу мятым халатом, он поискал взглядом какой-нибудь крючок и, конечно, не нашел. Гэллегер, испытывавший нехватку проводящих металлов, давно поковырял из стен все крючки.

Ваннинг подошел к стоящему в углу металлическому шкафу и открыл его. Внутри не было никаких вешалок, поэтому он сложил халат и положил на дно, а сам вернулся на свое место на «Чудовище».

— Выпьешь? — спросил Гэллегер.

Ваннинг покачал головой.

— Нет, спасибо. Завтра у меня дела.

— Ерунда, всегда есть тиамин. Бр-р, дрянь. Я работаю гораздо лучше, если голова обложена надувными подушками.

— А я нет.

— Это дело опыта, — буркнул Гэллегер, — его мо-

жет набраться каждый, если только... На что ты уставился?

— Этот шкаф... — сказал Ваннинг, удивленно хмуря брови. — Ну-ка, что там такое... — Он встал. Металлическая дверь была закрыта неплотно и медленно приоткрывалась. А от халата, который Ваннинг туда положил, не было и следа.

— Это краска, — сонно объяснил Гэллегер. — Что-то вроде пропитки. Я обработал внутренность шкафа гамма-лучами. Но он никуда не годится.

Ваннинг подошел и передвинул лампу, чтобы лучше видеть. Шкаф не был пуст, как он решил в первый момент. В нем, правда, не было халата, зато находилось что-то маленькое, бледно-зеленое и, грубо говоря, сферическое.

— Он что, растворяет вещи? — спросил он, вытаращив глаза.

— Ага. Вытащи его и увидишь.

Ваннинг не торопился засовывать руку внутрь. Найдя длинный держатель для пробирок, он ухватил им шарик и тут же отвернулся, потому что разболелись глаза. Зеленый шарик менял цвет, форму, размеры и вскоре превратился во что-то бесформенное. Внезапно держатель стал удивительно тяжелым.

И ничего странного. Ваннинг держал в нем халат.

— Вот такие шутки он и вытворяет, — равнодушно объяснил Гэллегер.

— Но должна же быть причина! Вещи, которые я засовываю в шкаф, становятся маленькими, но если их вынуть, обретают нормальные размеры. Может, стоит продать его какому-нибудь фокуснику? — с сомнением сказал он.

Ваннинг сел, сжимая в руках халат и поглядывая на металлический шкаф. Это был смолисто-черный прямоугольник размерами примерно 3×3×5 футов, покрашенный изнутри серой краской.

— Как ты это сделал?

— Что? Сам не знаю. Как-то так получилось. — Гэллегер потягивал свою гремучую смесь. — Может, дело тут в растяжимости измерений. Моя пропитка могла изменить свойства пространства-времени внутри шкафа. Интересно, что это может значить, — буркнул он в сторону. — Слова меня порой пугают.

— Это значит... ты хочешь сказать, что шкаф внутри больше, чем снаружи?

— Парадокс, не так ли? Я думаю, его внутренность находится вообще не в нашем пространстве-времени. Попробуй засунуть туда этот стол и увидишь. — Гэллегер даже не приподнялся, а лишь махнул рукой в сторону упомянутого предмета.

— Но этот стол больше шкафа!

— Ну так толкай его постепенно. Начни с этого угла. Смелее!

Ваннинг некоторое время возился со столом. Не смотря на малый рост, он был силен, как это обычно бывает с коренастыми людьми.

— Положи шкаф набок, будет легче.

— Я... уф... Ну, что дальше?

— Суй туда стол.

Ваннинг искоса посмотрел на приятеля, пожал плечами и попытался. Разумеется, стол не хотел входить в шкаф. Вошел только угол, а остальное застряло, неуверенно раскачиваясь.

— И что?

— Подожди.

Стол шевельнулся и медленно пополз вниз. У Ваннинга отвалилась челюсть, когда он увидел, как постепенно стол входит внутрь, словно тонущий в воде очень тяжелый предмет. Однако его ничто не всасывало, он словно растворялся. Неизменным оставалось лишь то, что торчало снаружи, но постепенно ушло все.

Ваннинг заглянул в шкаф, и вновь у него заболели глаза. Внутри было что-то меняющее форму, съеживающееся и превратившееся в конце концов в колохучую неправильную пирамиду темно-красного цвета.

В самом широком месте по диагонали в ней было не более четырех дюймов.

— Не верю,— сказал Ваннинг.

Гэллегер улыбнулся.

— Как сказал одному молодому офицеру герцог Веллингтон: «Это была очень маленькая бутылка, сэр».

— погоди минутку. Как, черт возьми, можно засунуть восьмифутовый стол в пятифутовый шкаф?

— Благодаря Ньютону,— ответил Гэллегер.— Сила тяжести, понимаешь? Налей в пробирку воды, и я тебе покажу.

— Сейчас... Так, готово. И что теперь?

— Полную налил? Хорошо. В ящике с надписью «Предохранители» лежит сахар. Положи кусок поверх пробирки, так, чтобы одним углом он касался воды. Ваннинг сделал, как было сказано.

— Ну и что?

— Что ты видишь?

— Ничего. Сахар пропитывается водой и растворяется.

— Вот именно,— с нажимом сказал Гэллегер. Ваннинг задумчиво посмотрел на него и повернулся к пробирке. Кусок сахара потихоньку ратворялся и исчезал. Вскоре его уже не было.

— Воздух и вода — это совершенно различные физические условия. В воздухе кусок сахара может существовать как кусок сахара, а в воде только как раствор. Та его часть, которая достает до воды, подчиняется условиям, присущим воде, и значит, изменяется в физическом смысле. Остальное дело силы тяжести.

— Говори яснее.

— Аналогия достаточно ясна, оболтус. Вода — это как бы особые условия внутри шкафа. А сахар — это стол. Ты же видел: сахар постепенно пропитался водой, а сила тяжести втянула растворяющийся кусок в пробирку. Понимаешь?

— Пожалуй... Стол впитал... впитал элемент, находящийся внутри шкафа, так? Элемент, который заставил стол съежиться...

— In partis, а не in total Понемногу. Например, человеческое тело можно закинуть в небольшой сосуд с серной кислотой — тоже постепенно, по кусочку.

— О! — сказал Ваннинг, исподлобья глядя на шкаф. — А можно вытащить этот стол обратно?

— Пожалуй! Сунь туда руку и вынь его.

— Сунуть руку? Но я не хочу, чтобы она растворилась!

— Не бойся. Процесс не мгновенный, ты же сам видел. Прежде чем начнется изменение, должно пройти несколько минут. Ты без опаски можешь сунуть руку в шкаф, с условием не держать ее там дольше минуты. Сейчас я тебе покажу.— Гэллегер нехотя поднялся, огляделся, взял пустую бутылку и сунул ее в шкаф.

Изменение действительно не было мгновенным, а шло постепенно — бутылка меняла размеры и форму, став наконец похожей на перекошенный куб размером с кусок сахара. Гэллегер вынул его и положил на пол.

Куб начал расти и вновь стал бутылкой.

— А теперь стол. Смотри!

Гэллегер выхватил из шкафа небольшую пирамидку, которая через минуту обрела первоначальную форму.

— Видишь? Держу пари, что компания, занимающаяся складированием, много дала бы за это! Там можно разместить всю мебель всего Бруклина, но возникнут сложности с извлечением нужных вещей. Сам понимаешь, изменение физической природы...

— Нужно будет составлять план,— рассеянно сказал Ваннинг.— Сделать рисунки находящихся внутри предметов и обозначить их.

— Сразу видно юриста,— заметил Гэллегер.— А я бы чего-нибудь выпил.— Он вернулся на диван и при-

сосался к сифону.

— Я дам тебе за этот шкаф шесть кредитов,— предложил Ваннинг.

— Можешь забирать. Все равно он занимает тут слишком много места. Жаль, что сам шкаф нельзя сунуть внутрь.— Ученый засмеялся.— Это звучит забавно.

— Ты так считаешь? — сказал Ваннинг.— Держи.— Он вынул из бумажника кредитные купоны.— Куда положить деньги?

— Сунь их в «Чудище», там у меня банк... Спасибо.

— Готово... Слушай, объясни мне получше эту штуку с куском сахара. Не одна же сила тяжести втягивает кусок в пробирку, правда?

— Точно. Это осмос. Или нет, осмос как-то связан с яйцами. Может, это овуляция? Проводимость, конвекция, абсорбция! Жаль, что я не изучал физику, знал бы тогда нужные слова. А так я полный осел.— Гэллегер глотнул из сифона.

— Абсорбция...— Ваннинг смотрел исподлобья.— Дело не только в том, что сахар поглощает воду. В данном случае стол как бы пропитался условиями, царящими внутри шкафа.

— Как губка или промокашка.

— Что, стол?

— Нет, я,— коротко ответил Гэллегер, и воцарилась тишина, прерываемая бульканьем, когда он вливал себе в горло алкоголь. Ваннинг вздохнул и повернулся к шкафу. Прежде чем поднять его своими мускулистыми руками, он старательно закрыл дверцу на ключ.

— Уже уходишь? Спокойной ночи. Всего хорошего... всего хорошего...

— Спокойной ночи.

— Все-го хо-ро-ше-го! — закончил Гэллегер, укладываясь спать.

Ваннинг вновь вздохнул и вышел в ночной холод. На небе сверкали звезды, и лишь на юге их перекрывало зарево Нижнего Манхэттена. Горящие белым огнем небоскребы слагались в рваный узор. Огромная реклама превозносила достоинства вамбулина:

«Вамбулин тебя воскресит!»

Машина Ваннинга стояла у тротуара. Он сунул шкаф внутрь и кратчайшим путем направился к Гудзон Флотвей. Ему вдруг вспомнился По.

«Украденное письмо», лежавшее на самом верху и просто многократно сложенное и переадресованное, изменило свой внешний вид. Господи, какой отличный сейф выйдет из этого шкафа! Ни один вор не будет его взламывать по той простой причине, что тот не будет закрыт. Ваннинг мог бы наполнить сейф кредитными купонами, которые тут же стали бы неизвестными. Идеальный тайник.

Но на каком принципе он основан?

Гэллегера спрашивать было бесполезно, он играл по слуху и не знал, что примула, растущая на берегу реки, обычная примула — это *Primula vulgaris*. Понятие силлогизма для него не существовало, он делал выводы, не прибегая к общим или частным предположкам.

Ваннинг задумался. Два предмета не могут одновременно занимать одно и то же место, значит, в шкафу есть какое-то другое пространство...

Однако это были только догадки, а ведь должен быть и точный ответ! Пока Ваннинг его не нашел.

Он добрался до центра, где направил машину к зданию, в котором занимал целый этаж. На грузовом лифте поднял шкаф наверх, однако не поставил его в свой личный кабинет — зачем ненужная демонстративность? — а поместил в небольшую кладовку.

Вернувшись к себе, Ваннинг задумался. А может... Негромко звякнул звонок. Задумавшись, Ваннинг не услышал его, а когда звук все-таки проник в его мозг,

подошел к видеофону и нажал кнопку. Серое, мрачное бородатое лицо адвоката Хэттона заполнило экран.

— Добрый день,— сказал Ваннинг.

Хэттон кивнул.

— Я пытался заставить вас дома, но не успел и потому звоню в контору...

— Не думал, что позвоните сегодня. Дело разбирается завтра. Не поздновато ли для разговоров?

— «Дуган и Сыновья» хотели, чтобы я с вами поговорил. Кстати, я не советовал этого делать.

— Вот как?

Хэттон нахмурил густые темные брови.

— Как вам известно, я обвинитель. Есть очень много улик против Макилсона.

— Это вы так говорите, но доказать что-то невероятно тяжело.

— Вы против скополамина?

— Разумеется,— ответил Ваннинг.— Вы не примените к моему клиенту это лекарство!

— Это вызовет предубеждение со стороны присяжных.

— Нисколько. Дело в том, что Макилсону скополамин противопоказан. У меня есть нужная справка.

Голос Хэттона стал более резким.

— Ваш клиент растратил эти облигации, и я могу это доказать!

— Стоимостью в двадцать пять тысяч, верно? Большая потеря для «Дугана и Сыновей». А что вы скажете о гипотетическом деле, которое я вам предложил? Скажем, двадцать тысяч найдутся...

— Это частная линия? Нас не записывают?

— Нет, разумеется! Вот, смотрите — выключатель.— Ваннинг поднял вверх шнур с металлическим наконечником.— Строго между нами.

— Это хорошо,— ответил адвокат Хэттон.— Тогда я могу спокойно сказать, что вы обычный мошенник...

— Фу?

— Это старый трюк, вот с та-акой бородой! Макилсон стянул пять кусков в облигациях, обмениваемых на кредиты; ревизоры уже проверяют это. Потом он приходит к вам, и вы убеждаете его взять еще двадцать тысяч, а затем предлагаете их вернуть, если «Дуган и Сыновья» закроют дело. И делитесь этими пятью тысячами, что в недвижимости не так уж и мало.

— Ничего подобного я не признаю.

— Конечно, нет, даже в разговоре по частной линии. Но это само собой разумеется! Только трюк этот устарел, и мои клиенты не собираются с вами возиться, а отдадут дело в суд.

— Вы позвонили, чтобы мне это сказать?

— Нет, я хочу обсудить вопрос с присяжными. Вы согласны на использование скополамина по отношению к ним?

— Вполне,— ответил Ваннинг. Присяжные его не интересовали. Испытание скополамином избавит от многих дней, а может, и недель споров и дерганый.

— Хорошо,— буркнул Хэттон.— От вас и мокрого места не останется.

Ваннинг ответил умеренной грубостью и прервал соединение. Ждущая его схватка в суде вытеснила из головы мысли о шкафе, действующем на принципе четвертого измерения, и Ваннинг вышел из конторы. У него еще будет время детально изучить возможности, которые таит в себе этот тайник, а сейчас он не хотел забивать голову. Дома он распорядился приготовить себе выпить и повалился на постель.

Назавтра Ваннинг выиграл дело, применяя сложные юридические крючки и используя неясные прецеденты. Свое доказательство он построил на том, что облигации не были обменены на правительственные кредиты. Сложные экономические таблицы доказали это за Ваннинга. Обмен даже пяти тысяч кредитов вызвал бы колебания кривой, а ничего подобного не произо-

шло. Эксперты Ваннинга углубились в совершенно невероятные дебри. Чтобы доказать вину, требовалось показать или буквально, или косвенным путем, что облигации существовали с двадцатого декабря, то есть с даты последней ревизии. Прецедентом послужило дело Донована против Джонса.

Хэттон тут же вскочил с места.

— Ваша честь, Джонс позднее признался в растра-те!

— Что никак не влияет на первоначальное решение,— гладко парировал Ваннинг.— Закон не имеет обратной силы. Вердикт не был доказан.

— Прошу защиту продолжать.

И защита продолжала, возводя сложное здание казуистической логики.

Хэттон выходил из себя.

— Ваша честь, я...

— Если мой почтенный противник представит хотя бы одну облигацию — всего одну — из вышеупомянутых, я сдаюсь.

Председатель иронически улыбнулся.

— Действительно, если такое доказательство будет представлено, обвиняемый окажется в тюрьме сразу после оглашения приговора. Вам это хорошо известно, мистер Ваннинг. Пожалуйста, продолжайте.

— Охотно. Итак, согласно моей концепции, эти облигации никогда не существовали. Это просто результат ошибки при счете.

— Ошибка в счете, выполняемом калькулятором Педерсона?

— Такие ошибки случаются, и сейчас я это докажу. Пригласите моего следующего свидетеля...

Свидетель, специалист по вычислительной технике, объяснил, как может ошибаться калькулятор Педерсона, и привел примеры. На одном Хэттон его поймал.

— Протестую, ваша честь! В Родезии, как всем известно, локализованы объекты важной отрасли промышленности экспериментального характера. Свидетель не уточнил, о какой именно продукции идет речь. Не потому ли, что Объединенные Предприятия Гендерсона занимаются главным образом радиоактивными рудами?

— Свидетель, вам задан вопрос.

— Я не могу на него ответить. В моих документах нет такой информации.

— Довольно значительный пробел,— рявкнул Хэттон.— Радиоактивность выводит из строя хрупкий механизм калькулятора Педерсона. Но в конторах фирмы «Дуган и Сыновья» нет ни радия, ни продуктов его распада!

Встал Ваннинг.

— Я хотел бы спросить, окуривались ли в последнее время эти конторы?

— Да. Этого требует закон.

— Использовался определенный тип соединения хлора?

— Да.

— Прошу пригласить моего следующего свидетеля.

Свидетель, физик и одновременно работник Ультрарадиевого Института, объяснил, что гамма-лучи сильно воздействуют на хлор, вызывая ионизацию. Живые организмы могут ассимилировать продукты распада радия и передавать их дальше. Некоторые клиенты фирмы «Дуган и Сыновья» подвергались воздействию радиоактивности...

— Это смешно, ваша честь! Чистейшей воды теоретизирование...

Ваннинг изобразил обиду.

— Хочу напомнить дело Дэнджерфилда и Астро Продактс, Калифорния, 1963. Все сомнения тракуются в пользу обвиняемого. Я просто клоню к тому, что калькулятор Педерсона, которым считали облигации, мог быть неисправен. Если так оно и было на самом

деле, облигации не существовали, и мой клиент невиновен.

— Пожалуйста, продолжайте,— сказал судья, жалея, что он не Джеффрис и не может послать всю эту чертову банду на эшафот. Юриспруденция должна опираться на правду, а не представлять собой трехмерные шахматы. Впрочем, это неизбежное следствие политической и экономических сложностей современной цивилизации... Стало понятно, что Ваннинг выиграет дело.

Он его и выиграл. Присяжные были вынуждены признать правоту защиты. Под конец отчаявшийся Хэттон выступил с предложением использовать скопаламин, но это предложение было отклонено. Ваннинг подмигнул своему противнику и захлопнул папку.

Он вернулся в контору, и в шестнадцать тридцать началась неприятности. Едва секретарша успела сообщить о некоем мистере Макилсоне, как ее отпихнул худощавый мужчина средних лет, тащивший замшевый чемодан гигантских размеров.

— Ваннинг, мне необходимо с тобой поговорить!..

Адвокат нахмурился, встал из-за стола и кивком головы отправил секретаршу. Когда дверь за нею закрылась, он бесцеремонно спросил:

— Что ты здесь делаешь? Я же сказал, чтобы ты держался от меня подальше! Что в этом чемодане?

— Облигации,— неуверенно объяснил Макилсон.— Что-то не получилось...

— Идиот! Принести сюда облигации...— Одним прыжком Ваннинг оказался у двери и старательно запер ее на ключ.— Как только Хэттон наложит на них лапу, ты снова окажешься за решеткой! А меня лишат права заниматься адвокатурой! Убирайся немедленно!

— Ты сначала выслушай, хорошо? Я пошел с этими облигациями в Финансовое Объединение, как ты и сказал, но... но там меня уже ждал полицейский. К счастью, я вовремя его заметил. Если бы он меня поймал...

Ваннинг глубоко вздохнул.

— Я же сказал — оставь облигации на два месяца в тайнике на станции подземки...

Макилсон вытащил из кармана бюллетень.

— Правительство начало замораживать рудные акции и облигации. В течение недели все будет кончено. Я не мог ждать, деньги были бы заморожены неведомо насколько!

— Покажи-ка этот бюллетень.— Ваннинг пригляделся к нему и тихо выругался.— Откуда он у тебя?

— Купил у мальчишки перед тюрьмой. Я хотел проверить курс рудных акций.

— Гмм, понятно. А не пришло тебе в голову — что этот бюллетень может быть фальшивым?

У Макилсона отвалилась челюсть.

— Фальшивым?

— Вот именно. Хэттон догадался, что я хочу вытащить тебя из тюрьмы, и держал его наготове. А ты купил этот номер, дав полиции улики, и меня подвел под монастырь.

— Но я...

Ваннинг скривился.

— Как, по-твоему, почему ты увидел того фараона в Финансовом Объединении? Они могли сцапать тебя в любой момент, но решили испугать настолько, чтобы ты пришел ко мне и одним выстрелом можно было убить двух зайцев! Для тебя — камера, а для меня прощание с адвокатурой. Проклятье!

Макилсон облизал губы.

— А может, мне уйти через черный ход?

— Сквозь кордон полиции, который там несомненно ждет? Вздор! Не будь большим идиотом, чем ты есть!

— А ты... не можешь их спрятать?

— Где? Они просветят мой стол рентгеновскими

лучами! Нет, я просто...— Ваннинг вдруг замолчал.— Гмм, спрятать, говоришь... Спрятать...

Он повернулся к диктофону.

— Мисс Хартон? У меня важная встреча. Ни под каким предлогом меня не отвлекать. Если вам предьявят ордер на обыск, потребуйте подтверждение через центр. Ясно? О'кей.

Макилсон слегка ожил.

— Э... все в порядке?

— Заткнись! — взорвался Ваннинг.— Подожди меня здесь, я скоро вернусь.— Он подошел к боковой двери и исчез, но очень быстро вернулся, таща металлический шкафчик.— Помоги мне... уф... вон туда, в угол. А теперь убирайся.

— Но...

— Давай-давай, вали,— поторопил Ваннинг.— Я сам знаю, что нужно делать. Ничего не говори. Тебя арестуют, но без улик держать не смогут. Придешь, как только выпустят.— Он толкнул Макилсона к двери, открыл ее и вышвырнул гостя. Потом вернулся к шкафу заглянул внутрь. Пусто.

Итак, замшевый чемодан...

Тяжело дыша, Ваннинг закинул его в шкаф. Это потребовало времени, поскольку чемодан был достаточно велик. Однако в конце концов он съезжился и изменил форму, чтобы наконец превратиться в подобие вытянутого яйца цвета медного цента.

— Фью, фью! — сказал Ваннинг и заглянул в шкаф. Внутри него что-то шевелилось, какое-то grotesкное создание, ростом не выше четырех дюймов. Это было что-то удивительное — оно состояло из одних кубов и углов, было ярко-зеленым и явно живым.

В дверь постучали.

Маленькое существо возилось с медным яйцом, пытаясь, как муравей, поднять его и переместить. Ваннинг потянулся в шкаф. Существо из четвертого измерения уклонилося, но недостаточно быстро. Ваннинг схватил его, почувствовал в кулаке шевеленье и крепко сжал пальцы.

Шевеленье прекратилось. Ваннинг выпустил мертвое существо и торопливо вынул руку.

Дверь тряслась от ударов.

Закрыв шкаф, он крикнул:

— Минуточку!

— Ломайте,— распорядился кто-то.

Однако нужды в этом не было. Ваннинг изобразил болезненную улыбку и открыл дверь. Вошел Хэттон в сопровождении полицейских.

— Мы взяли Макилсона,— сообщил он.

— Да? А почему?

Вместо ответа Хэттон сделал знак рукой, и полицейские начали обыскивать комнату. Ваннинг пожал плечами.

— Думаю, вы слишком торопитесь,— сказал он.— Нарушение принципа частной собственности...

— У нас есть ордер!

— И в чем меня обвиняют?

— Разумеется, речь идет об облигациях,— голос Хэттона звучал устало.— Не знаю, где вы спрятали чемодан, но мы его найдем.

— Какой чемодан? — продолжал допытываться Ваннинг.

— Тот, с которым Макилсон вошел сюда. И без которого он вышел.

— Игра закончена,— печально сказал Ваннинг.— Я сдаюсь.

— Что?!

— А если я скажу, что сделал с чемоданом, вы замолвите за меня словечко?

— Ну... пожалуй... А где...

— Я его съел,— ответил Ваннинг, укладываясь на диван и собираясь вздремнуть. Хэттон послал ему взгляд, полный ненависти.

Полицейские прошли мимо шкафа, мельком заглянув внутрь. Рентгеновские лучи не обнаружили ниче-

го в стенах, полу, потолке и в мебели. Остальные помещения конторы тоже были обысканы, но безрезультатно.

Наконец, исчерпав все возможности, Хэттон сдался. — Утром я подам жалобу,— пообещал ему Ваннинг.— А в отношении Макилсона воспользуюсь принципом *habeas corpus*.

— Идите к черту,— буркнул Хэттон.

— А сейчас — до свидания...

Ваннинг подождал, пока непрошенные гости убралась, потом, тихонько посмеиваясь, подошел к шкафу и открыл его.

Яйцо цвета меди исчезло. Ваннинг пошарил внутри, но напрасно.

Значение этого факта дошло до него не сразу. Он повернул шкаф к окну и заглянул туда снова — с тем же результатом. Шкаф был пуст.

Двадцать пять тысяч кредитов в облигациях исчезли.

Ваннинга прошиб холодный пот. Схватив металлический шкаф, он затряс его, но это не помогло. Ваннинг перенес его в другой угол комнаты, а сам вернулся на прежнее место и принялся внимательно осматривать пол.

— Проклятье...

Неужели Хэттон?

Нет, невозможно. Ваннинг не спускал глаз со шкафа до самого ухода полиции. Да, один из них открыл дверцу, заглянул внутрь и снова закрыл ее. Однако после этого шкаф все время оставался закрытым.

Но облигации исчезли!

Так же, как странное существо, которое Ваннинг раздавил. Все вместе это означало, что... Вот именно, что?

Он быстро подошел к видеофону и вызвал Гэллегера.

— Что случилось, а? Чего ты хочешь? — На экране появилось худое лицо ученого, еще более осунувшееся. — У меня похмелье, а тиамин кончился,— пояснил он.— А как твои дела?

— Послушай,— сказал Ваннинг,— я кое-что положил в твой чертов шкаф. И потерял!

— Шкаф?! Забавно...

— Да нет, не шкаф, а то, что в него положил... чемодан!

Гэллегер задумчиво покачал головой.

— Никогда заранее не знаешь... Помню, однажды я сделал...

— К черту воспоминания! Мне нужен чемодан!

— Семейные драгоценности? — спросил Гэллегер.

— Нет. Там были деньги.

— С твоей стороны это было неразумно! Ты знаешь, что с 1949 года не разорился ни один банк? Вот уж не думал, Ваннинг, что ты так скуп. Хотел иметь деньги постоянно при себе, чтобы ласкать их своими жадными лапами, а?

— Ты пьян!

— Нет, только стараюсь напиться,— уточнил Гэллегер.— Со временем у меня выработался иммунитет к алкоголю, и, чтобы напиться, нужно ужасно много времени... Из-за твоего звонка я отстал на две с половиной порции... Нужно приделать к органу удлинитель, чтобы одновременно разговаривать и пить.

— Мой чемодан! Что с ним случилось? Я должен его найти!

— У меня его нет.

— А ты можешь узнать, где он?

— Понятия не имею. Давай подробности, посмотри, что можно сделать.

Ваннинг последовал совету, правда, из осторожности несколько сократив рассказ.

— О'кей,— неохотно сказал Гэллегер.— Ненавижу выдвигать гипотезы, но в исключительных случаях... Мой диагноз обойдется тебе в пятьдесят кредитов.

— Что?! Послушай...

— Пятьдесят кредитов,— упрямо повторил Гэллегер.— Или ничего не будет.

— А откуда мне знать, что благодаря этому я верну чемодан?

— Приходится считаться с тем, что может ничего не выйти. Однако шанс есть... Я должен сходить к механистам и воспользоваться их машинами, а это стоит дорого.

— Ладно, ладно,— буркнул Ваннинг.— Иди к ним. Без чемодана мне конец.

— Меня интересует тот карапуз, которого ты придушил. Честно говоря, это единственная причина, отчего я вообще занимаюсь твоим делом. Жизнь в четвертом измерении... — Лицо Гэллегера исчезло с экрана, и Ваннинг прервал соединение.

Он еще раз обыскал шкаф, так и не найдя в нем ничего. Замшевый чемодан словно испарился.

Ваннинг надел пальто и отправился в Манхэттен Руф на обильно сдобренный вином ужин. Ему было очень жалко себя.

Назавтра его жалость к себе еще более усилилась. Он пытался связаться с Гэллегером, но безрезультатно, поэтому Ваннинг просто убивал время. Около полудня ввалился Макилсон. Он был сильно взволнован.

— Не очень-то ты спешил вытащить меня из тюрьмы,— с ходу набросился он на Ваннинга.— И что теперь? У тебя есть выпить?

— Зачем тебе? — буркнул Ваннинг.— Судя по твоему виду, ты уже напился. Езжай во Флориду и жди, пока все успокоится.

— Хватит с меня ожидания! Я еду в Южную Америку, и мне нужны бабки.

— Подожди, пока можно будет реализовать облигации.

— Я забираю половину. Как и договорились.

Ваннинг прищурился.

— И попадешь прямо в лапы полиции. Как дважды два — четыре.

Макилсон явно был не в себе.

— Согласен, я совершил ошибку. Но теперь нет... теперь я буду умнее.

— Значит, подождешь.

— На крыше в вертолете ждет мой приятель. Я отдам ему облигации, а потом спокойно уйду. Полиция ничего не найдет у меня.

— Я сказал: нет,— повторил Ваннинг.— Дело слишком рискованное.

— Рискованное оно сейчас. Если они найдут облигации.

— Не найдут.

— Где ты их спрятал?

— Это мое дело.

Макилсон занервничал.

— Возможно. Но они же в этом здании?.. Вчера до прихода фараонов ты не мог их куда-то сплавить. Не стоило искушать судьбу... Они искали рентгеном?

— Ага.

— Я слышал, что Хэттон с целой бандой экспертов изучает планы здания. Он найдет твой сейф, и я хочу убраться отсюда до того, как это произойдет.

Ваннинг махнул рукой.

— Прекрати истерику! Я тебя вытащил, верно? Несмотря на то, что ты едва не провалил дело!

— Это правда,— признался Макилсон, дергая себя за губу.— Но я...— Он принялся грызть ногти.— Проклятье, я сижу на кратере вулкана, да еще и на термитнике! Но я не хочу торчать здесь и ждать, пока они найдут облигации! А от Южной Америки, куда я собираюсь, они не могут потребовать выдачи.

— Нужно ждать,— решительно повторил Ваннинг.— Это твой единственный шанс.

В руке Макилсона внезапно появился пистолет.

— Половину облигаций, и сейчас же! Я тебе не верю! Думаешь, можно бесконечно водить меня за нос? Ну, даешь или нет?

— Нет,— ответил Ваннинг.

— Я не шучу!

— Знаю. Но у меня нет этих облигаций.

— Как это — нет?

— Ты когда-нибудь слышал о возможностях четвертого измерения? — спросил Ваннинг, не сводя глаз с Макилсона.— Я спрятал чемодан в особый сейф, который не могу открыть раньше определенного времени.

— Гмм... — задумался Макилсон.— А когда...

— Завтра.

— Хорошо! Значит, завтра ты отдашь их мне?

— Если ты на этом настаиваешь. Но советую тебе подумать. Гораздо безопаснее подождать.

Вместо ответа Макилсон только усмехнулся. Когда он вышел, Ваннинг долго сидел не двигаясь. Он был испуган не на шутку.

Дело в том, что Макилсон был склонен к маниакально-депрессивному психозу и действительно мог

убить. В данный момент он испытывал сильный стресс — как человек преследуемый, которому нечего терять. Ну что ж... Нужно принять меры предосторожности.

Ваннинг еще раз позвонил Гэллегеру, опять никто не отозвался. Оставив для него сообщение, Ваннинг вновь осторожно заглянул в шкаф. Тот был пуст.

Вечером Ваннинг явился к Гэллегеру сам. Ученый казался пьяным и усталым. Он небрежно махнул рукой, указывая на стол, устланный листами бумаги.

— Ну и задал ты мне работу! Если бы я знал принцип действия этого устройства, и пальцем бы его не тронул. Садись и выпей. Принес пятьдесят кредитов? Ваннинг молча вручил Гэллегеру купоны. Тот сунул их в «Чудовище».

— Хорошо. А теперь... — Он сел на диван.— Начнем решение задачи за пятьдесят кредитов.

— Я могу вернуть чемодан?

— Нет,— решительно ответил Гэллегер.— По крайней мере, я не вижу такой возможности. Он находится в ином фрагменте пространства-времени.

— Но что это значит?

— Это значит, что шкаф действует как телескоп, но только в видимой части спектра. Это что-то вроде окна. В него можно выйти или просто заглянуть. Это выход в «сейчас плюс X».

Ваннинг поглядел на него исподлобья.

— Ты мне ничего такого не говорил.

— Все, что я до сих пор знаю об этом — только теория, и боюсь, ничего больше не будет. Так вот: сначала я ошибался. Предметы, попадавшие в шкаф, не появлялись в ином пространстве, потому что должна была бы существовать пространственная постоянная. То есть, они не уменьшились бы. Размер это размер. Сам факт переноса куба с гранью в один дюйм на Марс не уменьшил бы этот куб, но и не увеличил бы.

— А как быть с плотностью окружающей среды? Разве предмет не мог бы быть раздавлен?

— Конечно, мог бы и остался бы таким. После извлечения из шкафа он не восстановил бы свои предыдущие размеры и форму. X плюс У никогда не равно ХУ. Но X и У...

— Равны, что ли?

— Именно тут и зарыта собака.— Гэллегер начал свою лекцию.— Предметы, которые мы вкладывали в шкаф, путешествовали во времени, причем их скорость не менялась, чего нельзя сказать о пространственных условиях. Две вещи не могут находиться одновременно в одном и том же месте. Эрго, твой чемодан отправился в другое время: сейчас плюс X. А что значит в данном случае X, я понятия не имею, хотя подозреваю, что несколько миллионов лет.

Ваннинг был ошеломлен.

— Так значит, чемодан находится в будущем, отстоящем на миллион лет?

— Не знаю, насколько далеко, но думаю, что очень. Слишком мало данных для решения этого уравнения. Я делал выводы главным образом с помощью индукции, но результаты совершенно безумные. Эйнштейн был бы в восторге. Моя теория утверждает, что вселенная одновременно сжимается и увеличивается.

— Но как это связано...

— Движение — понятие относительное,— неумолимо продолжал Гэллегер,— и это главный принцип. Разумеется, вселенная увеличивается, расплывается, как газ, но вместе с тем ее составные части сжимаются. Это значит, что они не растут в буквальном смысле слова, во всяком случае, ни солнца и ни атомы. Они просто удаляются от центра, мчатся во всех возможных направлениях... погоди, о чем это я говорил? Ах да, вселенная, как единое целое, сжимается.

— Хорошо, она сжимается. А где мой чемодан?

— Я уже тебе говорил: в будущем. Я дошел до

этого способом индуктивного рассуждения. Все просто и логично, но доказать ничего нельзя. Сто, тысячу, миллион лет назад Земля — как и вселенная — была больше, чем сейчас. И продолжает сжиматься. Когда-нибудь, в будущем, она будет наполовину меньше, но мы этого, не заметим, потому что и вселенная уменьшается пропорционально.

Гэллегер зевнул и сонно продолжал:

— Мы сунули в шкаф стол, который оказался где-то в будущем, потому что шкаф, как я уже говорил, это окно в другое время. И на стол подействовали условия, типичные для того времени. Стол съехал после того, как мы дали ему несколько секунд на поглощение энтропии — или же чего-то еще? Была ли это энтропия? А бог ее знает... Ну да и ладно.

— Значит, мой чемодан попал в будущее, так? Но почему он исчез из шкафа?

— А помнишь существо, которое ты раздавил? Может, у него есть приятели? Они могли быть невидимы вне очень узкого... как же его... а, поля зрения. Представь: где-то в будущем — через сто, тысячу или миллион лет — ни с того ни с сего появляется чемодан. Один из наших потомков начинает разбираться, и тут ты его убиваешь. Приходят его друзья и забирают чемодан, унося его за пределы шкафа. Если говорить о пространстве, чемодан может быть где угодно, а вот элемент времени — величина неизвестная. Сейчас плюс X. На этом и основано действие сейфа.

— Черт возьми! — взорвался Ваннинг. — И это все, что ты можешь мне сообщить? Значит, о чемодане можно забыть?

— Ага. Разве что ты сам за ним отправишься. Но Бог его знает, где ты окажешься. За несколько тысяч лет состав воздуха, вероятно, изменится. А может, будут и другие перемены.

— Ну уж не настолько я глуп!

Ну и дела! Облигации исчезли безо всякой надежды получить их обратно. Ваннинг смирился бы с потерей, зная, что страховка не попадет в руки полиции, но оставалась еще проблема Макилсона, особенно после того, как пуля оцарапала стекло в конторе адвоката.

Встреча с Макилсоном не дала положительного результата, поскольку растратчик не сомневался, что Ваннинг хочет его надуть. Когда адвокат выкидывал его из конторы, он ругался и грозил, что пойдет в полицию признаваться...

А и пусть идет, все равно улики никаких. Чтоб его черти взяли. Однако для верности Ваннинг решил посадить своего бывшего клиента за решетку.

Впрочем, из этого ничего не вышло. Макилсон дал в зубы посыльному, принесшему вызов в полицию, и удрал. И сейчас, как подозревает Ваннинг, где-то скрывается, вооруженный и готовый на все. Так бывает с типами, склонными к маниакально-депрессивному психозу.

Ваннинг потребовал двух полицейских для охраны — ввиду угрозы для жизни он имел на это право. До поимки Макилсона Ваннинг будет пользоваться их услугами, а уж он позаботился, чтобы охраняли его двое самых крепких парней из всей манхэттенской полиции. При случае он убедился, что им поручили и дело о замшевом чемодане.

Ваннинг позвонил Хэттону и улыбнулся экрану.

— Ну, какие успехи?

— Что вы имеете в виду?

— Моих телохранителей. И ваших шпиков. Они не найдут облигаций, Хэттон, так что лучше отзовите их! Два дела одновременно — слишком много для этих бедняг.

— Достаточно, если они справятся с одним и найдут вещественное доказательство. А если Макилсон разmozжит вам голову, я особо не расстроюсь.

— Встретимся в суде, — сказал Ваннинг.

Дело он выиграл, как и ожидал. Вернувшись в кон-

тору, выслушал несколько несущественных новостей, которые передала ему девушка, обслуживающая коммутатор, и пошел в свой личный апартамент. Первое, что он увидел, открыв дверь, — это лежащий на ковре в углу комнаты замшевый чемодан.

Ваннинг замер с рукой на ручке двери. Позади слышались тяжелые шаги охранников. Сказав через плечо «минуточку», он метнулся внутрь помещения и запер за собой дверь, еще услышав окончание удивленного вопроса.

Чемодан. Это несомненно был он. И так же несомненно за спиной адвоката находились двое охранников, которые после краткого совещания принялись колотить в дверь, пытаясь ее выломать.

Ваннинг позеленел. Он неуверенно шагнул вперед и увидел в углу шкаф. Идеальный тайник...

Это именно то, что надо. Если засунуть туда чемодан, тот станет неузнаваем. Неважно, если он снова исчезнет, главное — избавиться от доказательств вины.

Дверь начала поддаваться. Ваннинг подбежал к чемодану и поднял его с пола, заметив краем глаза какое-то движение. В воздухе над ним появилась рука. Это была рука гиганта с идеально белым манжетом, расплывающимся где-то вверх. Огромные пальцы тянулись вниз...

Ваннинг заорал и отскочил, но недостаточно быстро. Рука схватила его, и адвокат изо всех сил замолотил по ладони, которая тут же сомкнулась в кулак. Когда кулак раскрылся, из него, пятная ковер, выпало то, что осталось от раздавленного Ваннинга. Рука исчезла, выбитая дверь рухнула на пол, и охранники, спотыкаясь о нее, ввалились в комнату.

Вскоре после этого пришел Хэттон со своими людьми. Замшевый чемодан, содержащий двадцать пять тысяч кредитов в облигациях, перенесли в безопасное место, останки Ваннинга отправили в морг. Фотографы сверкали вспышками, эксперты-дактилоскописты сыпали порошок, рентгенологи крутились со своим оборудованием. Все было сделано быстро и умело — через час контора была пуста и опечатана.

Потому-то никто и не видел повторного появления гигантской руки. Возникнув ниоткуда, она пошарила во круг, словно что-то искала, и исчезла...

Единственным, кто мог пролить на это дело какой-то свет, был Гэллегер, но его слова, произнесенные в одиночестве лаборатории, слышало только «Чудовище».

— Так вот почему лабораторный стол появился здесь вчера на несколько минут. Гмм... Сейчас плюс X равно примерно неделе. А почему бы и нет? Все в мире относительно. Вот уж не думал, что вселенная сжимается с такой скоростью!

Гэллегер поудобнее вытянулся на диване и влил себе в глотку двойное martin.

— Да, так оно и есть, — буркнул он. — Ваннинг, пожалуй, единственный человек, который оказался в середине будущей недели и... умер! Я, кажется, напьюсь.

И напился.

Перевод Н. Гузникова

АЭЛИТА-92

Фантастика «Уральского следопыта»

СОДЕРЖАНИЕ

1. Владислав КРАПИВИН. Лошман. Повесть	1
2. Андрей ХУСНУТДИНОВ. Часовой. Рассказ	66
3. Леонид ПОРОХНЯ. Сказка про Ваньку. Повесть для кино	71
4. Геннадий ПРАШКЕВИЧ. Анграм-VI. Повесть	87
5. Ричард МАККЕННА. Ночь Хогги Дарна. Повесть	111
6. Николай и Сергей ОРЕХОВЫ. Серый. Повесть	125
7. Сергей ДРУГАЛЬ. Предчувствие гражданской войны	154
8. Александр БОЛЬНЫХ. Желтый Колокол. Повесть	159
9. Иван МИХАЙЛОВ. Нехороший сегодня туман. Рассказ	186
10. Генри КАТТНЕР. Идеальный тайник. Рассказ	187

ФАНТАСТИКА ПОД МИКРОСКОПОМ

Обзор ответов на викторину-92

Конечно, знаю я немного, но позвольте мне рассказать вам все, что я знаю...

А. и Б. Стругацкие. Сказка о Тройке

Не очень-то, понятно, обнадеживающе звучит эта фраза из повести Стругацких, но тем более мы признательны всем, кто, так или иначе повторив высказанную в эпиграфе мысль, все-таки прислал свои ответы на очередную нашу — семнадцатую по счету — викторину. Спасибо за поддержку и пожелания здравствовать: как викторине, так и журналу в целом! Мы получили много писем, в которых, помимо ответов, были добрые мысли, интересные советы и замечания...

Количество участников викторины выросло почти на треть по сравнению с прошлым годом и составило 130 человек. Более половины из них написали нам впервые, четверть же отвечает уже в пятый-шестой раз. Несколько увеличилось в этом году «женское общество» (17%). Взрослых среди участников викторины, как и обычно, без малого две трети; 42 человека из них моложе двадцати пяти (50% — студенты) и лишь 9 — старше сорока лет. География ответов, несмотря на разнообразные потрясения, тоже практически почти не изменилась: письма пришли из доброй сотни городов и поселков России, Украины, Беларуси, Молдовы, Казахстана, Прибалтики, Средней Азии.

Судя по сообщениям участников викторины, журнал с нею приходил чаще всего в разумные сроки, хотя были, к сожалению, и «чудесные» явления его к маю. В этих случаях мы не вычитали штрафные баллы.

Как всегда, в зачет шли достижения лишь в одном из вариантов конкретного тура. Кстати, нам вновь было очень обидно за тех, у кого не хватило сил или настроения на все три тура: нередко, судя по присланному, они имели хорошие шансы на победу.

Переходя непосредственно к обзору ответов, благодарим всех, кто прислал нам эпиграфы. В этот раз мы, по ряду причин, использовали их более чем умеренно; но это не значит, что труд ваш, друзья, был напрасен: нетривиальные фразы, остроумные изречения мы собираем и храним в своей копилке не менее тщательно, чем присылаемые вами вопросы. Ну, а задействованные нынче эпиграфы мы почерпнули в письмах Е. Арафаловой (п. Суна Кировской обл.), Н. Ильиных (Красноярск), Г. Фатеева (с. Кулан Джамбульской обл.) и О. Федоркина (Мытищи Московской обл.).

Тур I-A

Мне думалось, мы просто соберем кое-какие факты, но тут...

П. Андерсон.

Царица ветров и тьмы

Но тут оказалось, что почти никто всерьез вопросами этого варианта не заинтересовался... Нет, кое-что все-таки есть, конечно, но — немного. Так, среди школьников лишь трое делали только этот вариант да еще пятеро бросили мимолетный взгляд в его сторону. Успехи — соответствующие: четверо не добрались и до 5 баллов, один набрал 6, двое — по 7 и только Александр Царев (Степногорск Целиноградской обл.), достаточно хорошо разобрался и вариант «б», сумел отличиться, ответив верно на 6 вопросов. Среди взрослых участников викторины тоже лишь 22 человека в той или иной степени уделили внимание варианту «А» (только его выполняли пятеро). Ус-

пехи в этой группе, правда, получше: большинство (12 участников) заработало по 6—10 очков и лишь двое вышли вперед — В. Молчанов (Пермь) с восемью верными ответами и Н. Кудряцева (Москва) с шестью.

В результате по каждому вопросу данного варианта можно высказываться, пожалуй, лишь теоретически. Поскольку же в непредсказуемом нынешнем году «Уральский следопыт» (как и почти все иные издания) безбожно «похудел» в объеме и вынужден, комкая все свои планы, максимально ужимать уцелевшие — так в номере материалы, мы решили в этот раз просто привести правильные ответы, ради экономии даже не воспроизводя текста вопросов. Отметим лишь, что никто из школьников не нашел источников 2, 4, 7, 10 и 11 цитат, а у взрослых это коснулось лишь 13 и 14. Для школьников самым простым оказался 3-й вопрос, для взрослых — 1, 9 и 7.

Но — к делу! Перед вами — спи-

сок произведений, из которых взяты цитаты, составившие тур I-A (желающих восстановить в памяти эти цитаты отсылаем к январскому номеру):

- 1) Д. Уиндем. Отклонение от нормы (Хризалиды)
- 2) М. Эме. Талоны на жизнь
- 3) Б. Шоу. Венок из звезд
- 4) В. Тендряков. Путешествие длинной в век
- 5) К. Булычев. Агент КФ
- 6) Д. Кэмпбелл. «Кто ты?» («Кто идет?»)
- 7) Д. Шмиц. Сбалансированная экология
- 8) А. Беляев. Ариэль
- 9) Д. Р. Р. Толкиен. Хранители
- 10) Г. Франке. Игрек минус
- 11) В. Журавлева. Мы пойдем мимо — и дальше
- 12) Л. Дилов. Звездные приключения Нуми и Ники
- 13) А. Курчаткин. Записки экстремиста
- 14) Г. Гор. Странник и время.

Тур I-Б

...Город был приготовлен, как салат из крабов: всего понемногу...

А. и С. Абрамовы.
Рай без памяти

Мы, разумеется, догадывались, что произведения А. и Б. Стругацких читают, любят и знают, но такого результата все-таки не ожидали: мало того, что подавляющее большинство участников отвечало именно на этот вариант, но 15 человек прислали свои письма с решением только этой задачи и исключительно ради этого решения! Что ж, мы принимаем упрек в абсолютной неравноценности вариантов, но рады, что само задание понравилось. Впрочем, несмотря на кажущуюся простоту, все-таки лишь 28 человек (среди них и 3 школьника) полностью идентифицировали все отрывки, составившие наш «рассказ».

К сказанному добавим, что школьники легче всего находили 25-ю цитату (28 человек из 33), а труднее всего — 3-ю (нашли лишь семеро). У взрослых основные сложности возникли с тем же 3-м отрывком (его нашли 42 человека из 88), почти все (соответственно — 80 и 81) отыскивали источники 12-го и 28-го отрывков.

Отметим также, что многих почему-то удивило несоответствие количества абзацев (31) и отрывков (28). Дело в том, что четыре отрывка (1, 16, 26 и 27) содержат по 2 абзаца и, напротив, 3-й абзац заключает в себе два отрывка — 2-й и 3-й. Последнее обстоятельство и предопределило особую трудность отыскания «злогоозненного» третьего отрывка.

Дополнительные, но вполне преодолимые (мы убедились в этом) неудобства должно было доставлять и не оговоренное нами в предисловии к заданию почти полное отсутствие многоточий на месте выпущенных слов, а иной раз даже и целых фраз. Сделали мы это не без умысла (хотя и с тяжестью на душе): дабы поуменьшить вполне естественный соблазн видеть в одном отрывке — два, а то и больше.

Наконец, о самом последнем абзаце, тоже способном сбить с толку — на сей раз при подсчете использованных в «рассказе» произведений. Этот отрывок взят из «Хромой судьбы», но — из той ее части, которая до полного издания романа выходила отдельной повестью и широко известна под названиями «Гадкие лебеди» и «Время дождя». Совершенно правы были те, кто сослался на оба произведения.

Вообще вариант «Б», при серьезном к нему отношении, требовал немалых-таки затрат времени и сил на проработку текстов: в иных изданиях они «отредактированы» весьма и

весьма существенно! И мы рады, что не обманулись в своих ожиданиях: во многих ответах содержатся не только разнообразные комментарии, перемежаемые подчас искренними, идущими от сердца лирическими отступлениями «по поводу», но и по-настоящему скрупулезный текстологический анализ источников...

Ниже мы помещаем расшифровку «рассказа» — приводим начальные слова каждого отрывка (напоминаем: за исключением 3-го все они начинаются с нового абзаца) и указываем произведение, послужившее источником. Итак —

В СТРАННОМ ГОРОДЕ

1. «Я облачился...» [Хромая судьба].

2. «Между седьмым и восьмым этажами сидел...» [За миллиард лет до конца света].

3. «Это был огненно-рыжий горбун...» [День затмения].

4. «И кто-то забыл или бросил...» [Отягощенные злом, или Сорок лет спустя].

5. «У подъезда толпился народ...» [День затмения].

6. «Никогда в жизни не видел...» [Отягощенные злом, или Сорок лет спустя].

7. «На обширном газоне расположился...» [Туча].

8. «Главная улица была пуста...» [Град обреченный].

9. «Люди на тротуарах стояли...» [Улитка на склоне].

10. «Проспект вливается...» [Жук в муравейнике].

11. «Через площадь медленно...» [Второе нашествие марсиан].

12. «Тяжелое округлое здание мэрии...» [Град обреченный].

13. «Из дверей библиотеки торчал...» [Улитка на склоне].

14. «На площади величественно...» [Волны гасят ветер].

15. «Обойдя площадь, я обнаружил...» [Понедельник начинается в субботу].

16. «Вечер был красив...» [Далекая Радуга].

17. «Огромный куб музея...» [Жук в муравейнике].

18. «Выйдя из метро на Кропоткинской...» [Хромая судьба].

19. «Перед «Метрополем», как всегда...» [Пикник на обочине].

20. «В конце бульвара у меня...» [Отягощенные злом, или Сорок лет спустя].

21. «Ни справа, ни слева ничего интересного...» [Град обреченный].

22. «Внизу под обрывом величественно...» [Сказка о Тройке].

23. «Здесь было тише...» [Трудно быть богом].

24. «Есть в нашем жилом массиве...» [Хромая судьба].

25. Народу здесь было немного...» [Трудно быть богом].

26. «Лил проливной дождь...» [Парень из преисподней].

27. «Все вокруг было до тошноты...» [Отягощенные злом, или Сорок лет спустя].

28. «Таяли и испарялись крыши...» [Хромая судьба].

«Привязав» таким образом цитаты к источникам, мы теперь, воспользовавшись одной из таблиц петербуржца А. Кублановского (предусмотревшего едва ли не все возможные аспекты проработки текста), приведем и алфавитный список использованных произведений — с указанием взятых из них отрывков:

1. Волны гасят ветер — 14.
2. Второе нашествие марсиан — 11.
3. Град обреченный — 8, 12, 21.
4. Далекая Радуга — 16.
5. День затмения — 3, 5.
6. Жук в муравейнике — 10, 17.
7. За миллиард лет до конца света — 2.
8. Отягощенные злом, или Сорок лет спустя — 4, 6, 20, 27.
9. Парень из преисподней — 26.
10. Пикник на обочине — 19.
11. Понедельник начинается в субботу — 15.
12. Сказка о Тройке — 22.
13. Трудно быть богом — 23, 25.
14. Туча — 7.
15. Улитка на склоне — 9, 13.
16. Хромая судьба — 1, 18, 24, 28.

«На десерт» можем добавить (с подачи неутомимого А. Кублановского), что рассказ о странном городе сложен из описаний 17-ти различных мест, в том числе: 15-ти городов (из которых 5 находятся за пределами нашей планеты, еще с двумя — вопрос неясен, а остальные — на Земле: 2 реально существующих и 6 вымышленных), одного дачного поселка и дороги в окрестностях одного из городов на Гиганде. Вот так. Хотите — верьте...

Тур II-А, Б

— Да ведь библиограф вовсе не такая уж бесполезная профессия, — скромно ответил Хеллмэн.

Р. Шекли.

Где не ступала нога человека

Подумал я, сколько мне еще здесь надо посмотреть, и в глазах у меня потемнело. И ведь это только посмотреть!

А. и Б. Стругацкие.
Парень из преисподней

О вкусах, как говорится, не спорят, — мы и в этот раз услышали крайние мнения о вариантах, вплоть до полного отрицания обоих. Тем не менее 77 человек составляли библиографию Р. Шекли, 17 — А. Кларка, а 43 занялись поисками и систематизацией катастроф. С Артуром Кларком (которому, между прочим, 16 декабря исполнилось 75 лет, — пожелаем же здоровья и творческих

успехов живому классику НФ!), пожалуй, все ясно — его у нас, к сожалению, и переводили меньше, и свежих изданий мало, поэтому составить внушительный перечень его русскоязычных публикаций было делом очень нелегким. Этот-то список мы и взяли за точку отсчета, тем более, что максимум здесь вплотную подошел к 200 позициям (учитывалось, естественно, каждое издание каждого произведения). Чтобы не перегружать подсчеты трехзначными числами, мы приняли для II тура шкалу из 20 очков: у Р. Шекли количество изданий тоже легко приводилось к этой цифре (здесь максимум был близок к 400 позициям). Среди библиографов особо отличились Р. Ерумс (Рига), Н. Ильиных (Красноярск), А. Могелайнен (п. Муезерский, Карелия), Г. Фатеев (с. Кулан Джамбульской обл.), А. Кабанов (Златоуст Челябинской обл.) и В. Савилов (Новомосковск Тульской обл.).

С вариантом Б оказалось сложнее: классификаторы катастроф, увлекшись, превратили его в ответвление III тура. Конечно, и здесь были продуманные, с разбивкой по группам, снабженные различными схемами, словом, вполне солидные и содержательные проработки, к примеру — у упоминавшегося уже А. Кублановского. Однако подавляющее большинство отвечающих, проделав работу не менее основательно, положили ее в виде рефератов (нередко весьма обширных), чаще всего даже забывая как-то выделить в тексте разбираемые произведения и тем самым крайне затрудняя необходимые подсчеты.

Тур III-1

Записать все, что удалось запомнить из прочитанного, следовало непременно, иначе со временем я забыл бы множество данных, касающихся столь обширной темы...

С. Лем.

Системы Оружия XXI века, или Эволюция вверх ногами

Мысль, конечно, не нова, но темы на этот раз и впрямь подобрались довольно емкие...

Кстати, хотя нас и упрекали в использовании для варианта III-1-A цитат из произведений, занятых также и в туре I-Б, только 8 человек нашли источники обеих цитат и еще четверо — по одной. Да, действительно, обе они взяты из повестей А. и Б. Стругацких: первая — из «Пикника на обочине», вторая — из «Хролой судьбы». Что же касается мнения НФ героев о «своей» литературе, оно в целом не менее противоречиво, чем цитаты из Стру-

1992-й... 1992-й!

Краткая хроника событий, «запланированных» фантастами

Близится конец века — возможно, поэтому наши хроники последних лет столь насыщены самыми разнообразными событиями?

Впрочем, даже если и так, сами мы едва ли бы смогли отыскать что-нибудь в нынешнем половодье фантастики — без вашей, друзья-читатели, бескорыстной помощи!

Одиннадцать (!) произведений перечислил, с отсылками на конкретные страницы конкретных изданий, один только А. Дороднов (Ульяновск). Прогнозами из фантастики, отсутствующей покамест на русском, но переведенной на польский язык, поделился Г. Фатеев (с. Кулан Джамбульской обл.). Признательны мы и хорошо поработавшим Л. Выставкину (Москва), С. Петровой (Баево Вологодской обл.), А. Лысенко (Актау Мангышлакской обл.), да и всем вам, друзья, кто, перелистывая НФ, помнит-во об этой традиционной нашей рубрике...

1992, 9 ЯНВАРЯ. На заводе ЭАЛ в Урбане, штат Иллинойс, вошел в строй компьютер ЭАЛ-9000, обученный доктором Чандрой; позднее он будет установлен на космическом корабле «Дискавери» (А. Кларк. 2010: Одиссея-2. 1982, рус. перевод — 1984. 1989). *

1992. В результате операции «Западная котловина», проведенной американскими военными в отдаленнейшем прошлом с целью перекачать нефть из месторождений севера Африки и районов Ближнего Востока на шельф Северного моря, изменился политический облик мира: граница США с Мексиканским королевством проходит от Мана на севере до Джорджии, Алабамы и Миссисипи на юге; Израиль входит в состав НАТО, а его война с арабскими государствами привела к взрыву Гибралтарского пролива (В. Йешке. Последний день творения. Пол. перевод — 1987).

1992. Океанографический институт в Монако учредил медаль Улеманса трех степеней: бронзовую — тому, кто первым предвидит документальные свидетельства существования глубинного реликтового ящера, серебряную — первому удачливому охотнику за неотилозавром, золотую — хитрецу, который сумеет поймать подводное диво живьем (А. Балабуха. Поле Надежды. 1986).

1992, 6 МАРТА, ТРИ ЧАСА НОЧИ. В Институте гормональных проблем успешно завершился эксперимент по превращению женщины в мужчину с помощью специального препарата (К. Вольф. Опыт на себе. 1974, рус. перевод — 1991).

1992, 11 МАРТА. Космический зонд «Пионер-10», в 1973 г. передавший на Землю первые снимки Юпитера, вошел в район сильного излучения, причиной которого является двойная звезда; составляющие ее два черных карлика названы Сицляой и Хариблой (Д. Холдмен. Трехсотлетие. Пол. перевод — 1987).

1992, МАРТ. Профессор математики и экспериментальной физики Оксфордского университета, лауреат Нобелевской премии Уильям Домби отправил в будущее доктора Филиа Кирби, которому не суждено вернуться (О. Нефф. Кирби против Домби. Пол. перевод — 1989).

1992. Военный переворот в СССР, начало гражданской войны. Разразившаяся эпидемия СПИДа выкосила почти всех женщин легкого поведения, — проституция как профессия перестала существовать в стране (А. Кабаков. Невозвращенец. 1989).

1992. В первую межзвездную экспедицию — к планете Аврора — отправился звездолет «Мирный» с интернациональным экипажем на борту, состоящим из трех семейных пар (Ю. Шпаков. Здравствуй, братья! 1965).

1992. Исполнилось 10 лет Съезду Кэвлин, в будущем — первому выдающемуся специалисту в области психологии роботов (А. Азимов. Я, робот. 1950. рус. перевод — 1964).

1992, 23 МАЯ. Инспектор ГАЛПОЛа Рой Медина и робот Баракс прибывают из 3044 г. в одну из латиноамериканских стран, чтобы обезвредить авантюриста Ляппа Кильюша, под именем Гальего Рамиреса захватившего власть (И. Немере. Дело Кильюша. Пол. перевод — 1986).

1992, 5 ИЮНЯ. Исчез ведущий телепат Солнечной системы С. Дойл Мелипон — началась цепь событий, приведшая к поражению Корпорации антителипатов Глена Ранситера (Ф. Дик. Убик. 1969, рус. перевод — 1992).

1992, 26 ИЮНЯ. Началась переписка по поводу отсутствия дождя между фермером Кейлебом Б. Адамсом и Министерством паранормальных дел (Б. Дэнিয়েлс. Специальному помощнику директора. Рус. перевод — 1973).

1992. Родилась Анна, впоследствии медийная сестра, подобно другим женщинам изменившая свою внешность с помощью пинуптрона (С. Туроне. Тотем моды. Рус. перевод — 1989).

1992. Неожиданно для себя стал диктовать на магнитофон свои мемуары генерал-лейтенант запаса, дважды Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда Александр Ройвер — выходец из будущего, волею случая попавший в 1916 год, прошедший три войны и «навсегда сохранивший необычную любовь к Родине, народу, верность долгу и партии, в рядах которой состоял больше 70 лет» (Э. Малышев. Парадокс времени. 1989).

1992. В городской библиотеке Гринтауна, штат Иллинойс, истек срок абонементов Джонатана Бариса, впоследствии Главного Блестителя города, пытавшегося организовать сожжение книг этой библиотеки (Р. Брэдбери. Лучезарный феникс. Рус. перевод — 1979).

1992. В небольшом поселке Пифферс Роуд, неподалеку от города Кисслинга, не первый год рождаются Координаторы — люди, наделенные умением перемещаться во времени. В отдаленном будущем они создадут Дворец Бессмертия и начнут исправлять ошибки Природы и Человека (А. Ван Вогт. Понски. Рус. перевод — 1990).

1992, 27 СЕНТЯБРЯ. Из третьей экспедиции к Плутону вернулся на Землю космический корабль, командиру которого, спасая его — по жребью — ценою собственной жизни, отдал свои печень и почки Машу, второй штурман (Р. Мицусе. Возвращение героев. Рус. перевод — 1967).

1992, 12 ОКТЯБРЯ. К острову Самана-Ки — месту, куда подошел, как сейчас принято считать, Колумб, — приплыли пересекшие Атлантику «Санта-Мария», «Нинья» и «Пинта» — копии, выполненные со всей тщательностью и в натуральную величину;

* Но в «Одиссее-1» дата иная: 12 января 1997 года! См.: А. Кларк. Космическая Одиссея 2001 года. М.: Мир, 1970, с. 178. (Примеч. А. Дороднова).

500-летие открытия Америки жители Багамских островов отметили грандиозным праздником (В. Бабенко. Чикчарни. 1990).

1992, 12 ОКТЯБРЯ. В Мексике в память о Колумбе тот из множества Христофоров, кто появился на свет именно в этот день (причем в 0-00 часов!) и чья фамилия по звучанию ближе всего к фамилии великого мореплавателя, получит образование и воспитание за счет государства, а по достижении 21 года будет утвержден пожизненным регентом страны (К. Фуэнтес. Христофор Нерожденный. 1987).

1992, 18 ОКТЯБРЯ. Минуту 30 лет с тех пор, как высидившиеся на Земле мыслящие Машины начали высвобождать из-под власти человека своих угнетенных собратьев (К. Саймак. Разведка. 1950. Рус. перевод — 1970).

1992. Эпидемия мутировавшего вируса СПИДа выкашивает население Земли; выживших преследуют землетрясения, тайфуны, разливы рек и прочие стихийные бедствия (В. Кузьменко. Гонки с дьяволом. 1992).

1992. Покушение террориста чуть не сорвало выборы Леверетта, нового президента США (А. Азимов. Выборы. Рус. перевод — 1982).

1992. Примерно в 60 раз сократилось количество браков и разводов среди жителей Москвы; две трети загосов в городе, возможно, будет скоро закрыто (Г. Вирен. Дневные сны. 1991).

Кроме того, по-прежнему продолжают спать, замерзнув во льдах и снегах, герои книг «83 марта» В. Мелентьева (1957), «Внуки наших внуков» Ю. и С. Сафроновых (1958), «Прыжок в послезавтра» П. Воронина (1970), «Завещание каменного века» Д. Сергеева (1971) и многих других.

Кроме того, по-прежнему же находятся в пути туда и обратно многочисленные путешественники во времени...

гацких, и зачастую содержит изрядную долю иронии.

Вариант III-1-5 больше заинтересовал участников викторины. Но и здесь определение цитат не было легким. Оба отрывка нашли только двое — уже упоминавшийся Г. Фатеев и А. Почуев (п. Комсомольский Тульской обл.), еще 26 человек — по одному, причем вторая из цитат опознавалась вдвое чаще, хотя нарек на источник первой цитаты содержался в самом ее тексте. Впрочем, не будем «темнить» и далее: отрывки для этого варианта были подобраны из рассказа М. Пухова «Случайная последовательность» и из романа А. Кларка «2061: Одиссея-3».

Тур III-2

С того простенького вопроса и начались мои мытарства...

В. Рыбин.

Здравствуй, галактика!

На мытарства, однако ж, каждый обрекал себя в этом туре сугубо добровольно: в распоряжении отвечающих были все 14 вопросов тура I-A, выбор не был скудным! И те, кто за это брался, в целом справились с работой неплохо. Особенно повезло первому и шестому вопросам тура I-A: затронутая в них извечная проблема «что есть человек?» заинтересовала 5 школьников и 18 взрослых. Еще 9 участников викторины занялись 8-м вопросом, дававшим возможность поиска в двух направлениях: превращения человека и полеты его. Совсем никто не увлекся 4-м и 12-м вопросами, в развитие остальных вели поиск по 1—3 человека.

Как, вероятно, и наши читатели, мы очень хотим верить, что «Уральский следопыт» все-таки выживет в непредсказуемых нынешних условиях — и нам все же удастся поместить некоторые из рефератов на страницах журнала...

А ВАША ОЦЕНКА?

Как и в прежние годы, предлагаем читателям оценить произведения, составившие наш сборник фантастики.

На последней странице декабрьского выпуска «Аэлиты-92» помещено оглавление всей книги. Произведения, в нее вошедшие, пронумерованы.

Просим вас переписать на открытке (с пометкой: «Аэлита-92») эти номера — от 1 до 10. И каждому произведению (указывать их названия, авторов не обязательно) — воздать должное.

Предлагаем все ту же пятибалльную систему:

5 — в восторге; отличное произведение!

4 — хорошее, добротное, нужное; правильно сделали, что напечатали;

3 — не возражаю против публикации, но... можно было и не печатать; перечитывать, во всяком случае, не буду;

2 — вызывает массу замечаний: недоработанное, сырое произведение; автор и редакция слишком поторопились с публикацией;

1 — категорически против публикации: зря потрачена бумага, занято чужое место!

Открытку с оценкой «Аэлиты-92» просим отослать на адрес редакции не позднее, чем через месяц после получения этого номера.

ИТОГИ ВИКТОРИНЫ-92

Победителями очередной нашей викторины стали в группе взрослых Г. Фатеев (с. Кулан Джамбульской обл.; 64,3 балла), С. Тулина (С.-Петербург; 63,0), В. Молчанов (Пермь; 62,6), О. Федоркин (Мытищи Московской обл.; 62,0), А. Яковлев (Ульяновск; 61,6), А. Дороднов (Ульяновск; 61,1), А. Чекулаев (с. Дубенки, Мордовия; 61,0).

В группе школьников победителями стали те, кто набрал 30 и более очков: Михаил Солдатенков (Москва, 11 кл.; 49,3), Александр Борисов (Дзержинск Нижегородской обл., 9 кл.; 36,1), Анна Звонова (Томск, 16 лет; 32,2), Александр Ковба (Омск, 10 кл.; 30,5), Евгения Середенко (Сургут Тюменской обл., 10 кл.; 30,0).

В борьбе за приз «за волю к победе» (по сумме очков, набранной за три года) победителями стали: среди взрослых — Л. Выставкин (Москва; 94,2), а среди школьников — Игорь Колиганов (Бийск Алтайского края, 11 кл.; 78,9).

Названным здесь читателям будут высланы книги с автографами советских писателей-фантастов.

Убедительная просьба к призерам (в том числе и предыдущих лет): если вы сами, ваши близкие или друзья, которым доверяете, окажетесь в Екатеринбурге — пожалуйста, зайдите в редакцию, чтобы получить свой приз.

«Как в песнях эльфийских

поется...»

Дж. Р. Р. ТОЛКИЕН

Взгляните, Фаститоколон!
Для высадки удобен он,
хотя ни кустика на нем.
Сюда! Вот остров-благодать!
Здесь бегать, прыгать и плясать
мы станем! Чаек-то кругом!
Содом!
Но берегись!
Не тонут чайки: поднялись
и вновь собою занялись,
им все равно, им нипочем,
кто б ни отважился ступить
на остров — дух перевести,
от качки малость отойти
иль чайник вскипятить.

О, глуп, кто лезет на НЕГО,
затеяв шум и баловство,
готовя кипятки!
Конечно, панцирь крепко сбит,
и вроде бы ОН крепко спит,
но с задней мыслью островок
плышет;
и лишь услышит топот ног,
спиной почует костерок —
нырнет
на дно,
перевернется брюхом вверх
и сбросит и потопит всех
в мгновение одно.
Каков сюрприз!
Учись!
Немало чудищ в Море есть,
опасных тварей там не счесть,
но старый Фаститоколон
опасней всех. Последний он
из рода Черепахорыб.
И чтоб ты даром не погиб,
не поленись,
закон древнейший моряков
ты выучи, а он таков:
на землю выходить не след,
коль той земли на карте нет.
А лучше вот:
жить в Средиземье много лет —
и нет
забот.

Во Мраке Мьюлипы сидят,
они черней чернил
и нежно в бубенцы звенят,
коль в тину ты ступил.

И станешь в тине ты тонуть,
коль постучал в их дверь,
и цапля проследит твой путь
с ухмылкой, поверь.

Тоскливо ветви ивы гнут
над толью в тишине,

и ворон сгорбившийся тут
всё каркает во сне.

Там, за горами Мерлок,
куда трудна дорога,
где пепельные плавни
склоняются убого,
у топи, где не видно
ни солнца, ни луны,
есть Мьюлипсов берлога,
чьи бубенцы нежны.

В промозглых погребках они,
как в пропасти, сидят
и теплят тусклые огни,
перебирая клад.

Там морось каплет с потолка,
и лапы их по дну
скользят и шлепают слегка
у липкой тьмы в плену.

Вот-вот — и приоткроют дверь,
и пальцами сквозь мрак
зацепят — и в мешок, поверь,
упрячут твой костяк.

Там, за горами Мерлок,
откуда нет исхода,
за паутиной тени
и за трясиной Тода,
за висельной травой,
что источает яд,
коль Мьюлипсов отыщешь —
они тебя съедят.

Есть славный постоялый двор
у старого холма,
там варят пиво крутизны
такой, что вниз жилец Луны
скатился без ума.

Там у хозяина есть кот,
пьянчужка и скрипач,
он лихо двигает смычком,
визжа свиньей, мыча бычком,
приплясывая вскачь.

А у лендлорда — крошка-пёс,
большой знаток острот:
от каждой шутки за столом
он смехом оглашает дом,
хватаясь за живот.

А также есть корова там,
и царственно горда;
но стоит скрипке зазвучать —
пойдет, как пьяная, плясать,
хвостом туда-сюда.

И о! какие ложки там,
и блюд огромных ряд,
короче — груды серебра,
что в воскресенье с утра
начищены, блестя.

Жилец Луны напился пьян,
по-волчьи кот завыл,
пустились ложки в перетоп,
корова — в бешеный галоп,
а пёс волчком кружил.

Жилец Луны еще глотнул,
под стул его свезло,
и там до тех он пор дремал
и эль во сне ведром хлебал,
пока не рассвело.

Трактирщик так сказал коту:
«Уж белый конь Луны
заржал и удила грызет,
вот-вот — и Солнышко взойдет,
а всадник видит сны!»

И кот на скрипке заиграл —
хэй-дидл-ду! —
мертвец, и тот вскочил бы враз,
такую жигу он загнул;
лендлорд Жильца Луны толкнул:
«Вставай! Четвертый час!»

И закатив Жильца на холм,
подбросили к Луне,
а следом лунный конь, как тень,
корова — прочь, что твой олень,
и ложки — по стене.

Играла скрипка все быстрее —
хэй-дудл-ду! —
пес принялся рычать,
корова встала на рога,
а гости — кто без сапога,
кто как — давай плясать.

Дзынь! — струны лопнули, и —
прыг! —
корова на Луну,
и пес до колiek хотел,
а нож от блюда убежал,
и ложки — по окну.

Луна ушла, и Солнце вмиг
взошло на небосклон
и не поверило глазам,
когда взглянуло вниз — а там
все погрузились в сон.

Поглядела в три часа
Фириель наружу:
птиц дробили голоса
утреннюю стужу.
В листьях ветра зябкий дух
пролетел сторонкой,
где-то золотой петух
кукарекал звонко.

Увидала за окном
света начинанье —
длинный тонкий луч и в нем
серых рос мерцанье.

И — бегом, и скрипнул пол
под ее ногами,
и в траве блеснул подол
редкими камнями.

Навстреч ивушке седой
берегом сбегала
и, обняв ее, водой
любоваться стала.
Вспыхнув — камнем в реку пал
зимородок меткий,
ветер медленно качал
камыши и ветки.

В волосах ее — зари
зареве сверкало;
вдруг — и музыка вдали
нежно зазвучала.
Перезвон колоколов,
флейты, арфы, пенье —
словно быстрое ветров
юных дуновенье.

Золотой бушприт в груди,
сам — белее лилий,
шел корабль, а впереди
лебеди скользили.
Вёсла обок корабля
серебром сверкали,
три эльфийских короля
во главе стояли.

Помогал под струнный гуд
плеск их песне литься:
«Зеленеют травы тут,
в травах свищут птицы.
Золотой зари покров
эту землю греет,
много расцветет цветов
и хлебов поспеет».

«Эй, куда ваш путь лежит
по воде блестящей?
Может, в сумеречный скит
за Великой чащей?
Иль на север, к островам,
к берегам суровым,
чтоб у волн холодных там
жить под утлым кровом?»

«Путь последний наш трудней,—
эльфы отвечали,—
в сумрак западных морей,
дальше дальней дали.
Там Эльфландия нас ждет,
где в сияньи звездном
Древо Белое растет
над прибором грозным.

С башни кличет нас туда
колокол веселый.
Так прощайте навсегда,
Средиземья доли!
Здесь недолог век цветов,
свет во мраке тает.
И домой далекий зов
эльфов увлекает.

Здесь, эльфийской красоты
девушка земная,
все равно увянешь ты,
радости не зная.

Хоть живешь ты на Земле,
молви лишь словечко —
Фириель! на корабле
есть одно местечко».

Вняв призыву, Фириель
только шаг ступила —
сразу глинистая мель
ноги обхватила.
«На Земле судьба мне жить! —
эльфы услышали.—
Не могу я с вами плыть
в западные дали!»

И корабль уплыл долой
в несколько мгновений.
Фириель пришла домой,
где царили тени,
от чужих укрылась глаз
под платочком темным
и, как прежде, занялась
рукодельем скромным.

Год за годом уплывет
вниз по Семиречью;
всё проходит, всё пройдет
в мире человечьем.
Но хотя в реке вода
вечно к морю мчится,
песне эльфов никогда
над рекой не литься.

Принцессочка Ми
достойна любви,
как в песнях эльфийских поется:
в кудрях жемчуга,
орнамент платка
златой паутинкою вьется,
и сводит с ума
вкруг шейки тесьма
сиянием звезд серебристых;
чудесный наряд
ей сплёл шелкопряд
из ниточек лунно-лучистых,
а юбки леток
стянул поясок,
на нем — бриллиантовый иней.
Ми прячется днем
под серым плащом
с крылаткой заоблачно-синей.
Но ночью она
вся озарена
созвездий мерцающим светом,
и блеск башмачков
из клеска мальков
черкает порхающим следом
зеркальную гладь,
когда танцевать
она на воде начинает,
как росная мгла,
как брызги стекла,
кружится она и сверкает,
проносится вмиг
серебряный блик
над омота полом прозрачным;
вспорхнет ее взор
в бездонный простор,
прокатится берегом мрачным
и вниз упадет
на воду, и вот —

увидит она под ногами:
принцессочка Ши
с принцессочкой Ми
танцует, сливаясь носками.
Ши столь же ярка,
как Ми, и легка,
но Ши с диадемою звездной —
вот странный каприз —
головкою вниз
висит над подводною бездной.
Глазами в глаза
глядит егоза
и вторит немому укору:
ну что за карприз —
головкою вниз
по звездному плавать простору?
Друг дружке видны,
они сведены
лишь ножками между собою.
В долину чудес,
где в бездне небес
все плавают вниз головою,
не сыщешь пути,
о том не найти
ни слова в эльфийских напевах.
И вечно одна,
не ведая сна,
танцует эльфийская дева.
С жемчугами в кудрях,
в яснолунных шелках,
в неземных башмачках,
и кружась на носках, пляшет Ми;
и кружась на носках,
в неземных башмачках,
в яснолунных шелках,
с жемчугами в кудрях пляшет Ми.

Перевел с английского
Аркадий Застырец, 1992 г.

Стихотворения, которые вы
только что прочитали,— это малая
часть книги сказок, песен и баллад,
драматургии Дж. Р. Р. Толкиена. Ее
готовит к выпуску в первом кварта-
ле 1993 года ТО «Уральский рынок».
Произведения знаменитого философа-
сказочника, многие из которых на
русском языке публикуются впервые,
перевели Илья Кормильцев, Аркадий
Застырец, Леонид Порожня, известные
читателям «Уральского следопыта».
Поздравляя своих авторов, «Следо-
пыт» надеется, что их книга станет
заметным пополнением русской биб-
лиотеки английского классика.

витринки» выставочного зала «в Петрограде, на Морской». Там 5 марта 1916 года «открылась выставка известного художника и ювелира, собирателя самоцветных сокровищ Урала Алексея Кузьмича Денисова-Уральского».

Что-то в этой ефремовской фразе остановило. И даже заставило перечитать начало страницы: «Когда вы вернулись из Туркестана, помните, вы рассказывали о том, что нашли камни, может быть, неизвестные науке. Вы собирались отдать их Денисову-Уральскому для огранки».

Интересно, подумалось, была ли на самом деле эта выставка, и украшение с такими камнями — на ней?

Отсюда, с этого вопроса, от удивления и любопытства, подаренного новой книгой И. Ефремова, начался поиск. Он длился почти двадцать лет. Его активность то угасала,

«А если это так, то что есть красота...»

Татьяна
БУРУКОВСКАЯ

Я никогда не видела эти камни в ювелирных изделиях. В музейных минералогических коллекциях я их тоже не видела. Или до поры не замечала.

— Но однажды...

Мы, то есть группа студентов-третьекурсников, ехали на летнюю практику. Автобус-междоколхозник долго петлял по ухабистым, в желтой пыли проселкам и, наконец, остановился на крохотной, но все равно центральной площади какой-то деревушки.

— Кто хочет, выходьте, отдохните, а я до дому забегу, пообидая, — объявил шофер.

Очень обрадованные возможностью хоть ненадолго покинуть душное утро автобуса, мы высыпали на воздух. Утренний, он уже замер в ожидании зноя, но еще хранил ночную влажность трав и яблок «белого налива».

— Ребята, как деревня-то называется?

— Кто ее знает?

— Да вон же название написано: «Книги».

От нашего дружного хохота шаракнулись два гуся, увалисто шагавшие через площадь. А я, в порыве неугасимого озорства, кинулась вдогонку гусям. Они проскочили сквозь кусты палисадника, я — тоже. Они, гогоча и смешно переваливаясь, побежали к домику с надписью «Книги» и, по неграмотности, нырнули под крыльцо. А я вошла в магазин размером с кухню в «хрущобе».

На полках стояли и лежали заждавшиеся тома в изрядно выцветших переплетах, а на единственном прилавке — в новеньких. Среди них-то я и увидела черный, гляцевый, с бронзовой надписью «И. Ефремов. Лезвие бритвы». Естественно, я купила эту книгу и, сгорая от нетерпения, опрометью кинулась в автобус, забилась в угол...

— Читаешь? Дай глянуть! — и, не дожидаясь согласия, записной балагур нашего геофака Вася Дыса выхватил у меня книгу, полистал, поддразнивая, и вдруг застряв на какой-то странице, зачитал для публики: — «Убедительно прошу проверить в материалах отца упоминание новоминерале двт прозрачные сероватые кристаллы тчк». Ну всё. Раз тут есть о минералах — субъект потерял для общества. Прощай, дорогая подруга! Читай спокойно! Мы не забудем тебя, — с печальным пафосом провозгласил Вася и возложил на меня книгу. Я вцепилась в нее и, визгнув от хохота: «Изыди, сатана!», погрузилась в чтение. А в какой-то момент поймала себя на мысли, что не столько перипетии сюжета, сколько ожидание новой встречи с загадочными «сероватыми кристаллами» занимают меня.

Вот эти странные камни, «ограненные плоской «зеркальной» гранью и заделанные в модную тогда платину», лежат на черном бархате внутри «высокой, столбиком,

не в силах превозмочь житейские реалии, то вспыхивала, возбужденная фантазией и непреодолимым стремлением «дойти до самой сути».

Что я искала? Камень, тот самый или такой же, о каком так точно и... неточно писал И. А. Ефремов.

Действительно, «требовался знающий глаз, чтобы понять необыкновенность самоцвета — прозрачного и в то же время пронизанного едва заметными точками с металлическим блеском. Облако этих точек, рассеянных в прозрачной основе, придавало камню его странный серый цвет и вид как бы хрустально прозрачного металла...» Ведь, согласно этому описанию, речь идет об одном из авантюринов.

Истоки столь странного названия — в Италии, на острове Мурано, где создавали прославленное венецианское стекло. Однажды в расплавленную стекольную массу попали медные опилки. Они придали готовому стеклу слегка мишурную нарядность и послужили поводом к возникновению специального названия (от лат. pro aventura — случайно) и нового стекла, и, позднее, плеяды внешне похожих на него минералов.

Какой из них мог быть поставлен в платину самим Денисовым-Уральским? Быть может, полевошпатовый? В пользу этого предположения говорит форма огранки — «плоской зеркальной гранью», так называемой табличкой. Дело в том, что полевые шпаты, обладающие совершенной спайностью, то есть способностью легко скалываться в определенных плоскостях, мало резона обрабатывать кабошоном. Да и мерцание «точек с металлическим блеском» на табличке эффектнее. Убедиться и в том, и в другом позволил собственный опыт. А «подопытными» стали полевошпатовые авантюрины Ильменских и Вишневых гор Урала, кстати, довольно точно соответствующие описанию, данному И. А. Ефремовым камням в ювелирном украшении работы А. К. Денисова-Уральского: тот же «странный серый цвет», то же искристое облако, рассеянное в прозрачной основе, то же благородство «хрустально прозрачного металла». И тот же Урал, чьи самоцветы так знал, так любил, так искусно гранил Алексей Кузьмич.

Не портрет ли с натуры дал И. А. Ефремов?

Я искала в каталогах персональных выставок А. К. Денисова-Уральского упоминание о ювелирных изделиях с авантюрином. Увы, то, что удалось отыскать, не утешало.

И в музеях мой поиск не увенчался успехом: были созданные Алексеем Кузьмичем традиционные горки-коллекции уральских камней, были самобытные фигурки, именно те, о которых не менее подробно, чем об украшениях с

«неизвестным науке минералом» там же, в «Лезвии бритвы», писал И. А. Ефремов. Но самого этого украшения — не было. Или в поиске не повезло.

Или я шла по ложному пути...

Или... И. А. Ефремов дал здесь, на выставке, не портрет камня, а лишь эскиз к портрету.

Новый штрих появился в новых обстоятельствах сюжета. И вызвал новые сомнения из разряда: «А был ли мальчик?»

Итак, на палубу яхты «Аквила» со дна моря у Берега Скелетов поднят «странный формы черный предмет... Не сразу можно было распознать в изгибе черного металла головное украшение — диадему или корону.

На узком круглом обруче из черного металла в палец толщиной были насажены тонкие, закругленные, расширенные на концах черные двураздельные листочки, отогнутые наружу. В трех листках немного большего размера, очевидно отличавших фас короны, сверкали крупные алые камни, по-видимому, рубины. Выше листочков шли загнутые внутрь полоски того же черного металла. Впереди, там, где были рубины, полоски заканчивались торчащими вверх зубцами. С каждой стороны на местах, которые на голове соответствовали бы вискам, в полоски были вделаны золотые диски. В центре каждого диска торчали камни странного серого цвета, в виде коротких столбиков, с плоско отшлифованными концами. Они ослепительно блестели в солнечных лучах, затмевая угрюмое горение рубинов. Точно такие же камни были вделаны в задние полоски, соединявшиеся двумя дужками над теменной частью украшения.

Внимательный взгляд мог заметить, что особый блеск серых кристаллов исходил от распыленных внутри облачков мельчайших крупинок с металлическим зеркальным отливом».

Казалось бы, все те же «камни странного серого цвета», но они «торчали в виде коротких столбиков с плоско отшлифованными концами». Вот он, важный штрих: торчали не ограненные камни, а, похоже, короткостолбчатые кристаллы.

Прекрасный знаток минералов И. А. Ефремов назвал бы осколки кристаллов полевого шпата не столбиками, а брусками, исходя из минералогического названия (от шведс. *feldt* — поле, и *språn* — брусок). К тому же, он не мог упустить из виду, что «ослепительный блеск» полевошпатовых авантюринов проявляется на плоскостях спайности. А их у полевых шпатов две: вдоль длинной оси кристалла и почти под прямым углом к ней, то есть на поперечном срезе.

Похоже, Ефремов писал портрет полевошпатового авантюрина.

И все же сомнения оставались; более того, они серьезно укрепились в результате «решения обратной задачи»: по ефремовскому описанию я нарисовала черную корону. В деталях, которые конкретны. До тонкостей, которые несообразны.

Ефремов пишет, что корона принадлежала царям исчезнувшего народа протоиндийской цивилизации, родственной критской, существовавшей в третьем-втором тысячелетиях до нашей эры. В ту пору драгоценные камни еще не гранили, а лишь полировали. Сырьем служила самоцветная галечка, округлая, асимметричная.

Лишь около XIV века нашей эры было обнаружено, что красоту прозрачного камня, игру света в его глубине полнее выявляет огранка. Но и тогда еще не строгие законы оптики, а форма найденного камня и фантазия мастера определяли число и расположение граней. И все же с этого счастливого открытия блеск округлых полированных поверхностей померк перед сверканием граненых самоцветов.

Но так произошло через три с половиной-четыре тысячи лет после того периода, к которому И. А. Ефремов относит черную корону. Между тем, в ней «сверкали крупные алые камни, по-видимому, рубины». Сверкали. Что

это? Ошибка в описании камней? Или они — такие — украшали другое, не столь древнее изделие, а в «черную корону» перенесены фантазией писателя.

Черный обод короны венчали «тонкие, закругленные, расширенные на концах... двураздельные листочки».

Пожалуй, только ботаник или палеонтолог мог дать столь точное описание листьев дерева — гингко двулопастного — единственного дожившего до наших дней представителя древнейшего рода, история которого началась на планете более 200 миллионов лет назад. Ныне на Земле сохранился лишь крохотный район естественного произрастания гингко в горах Дянь Му-Шань (Восточный Китай). Но корона-то «родом» из протоиндийской цивилизации, искусство которой было связано не только с религиозно-магическими идеями, но и с образами реальной природы. Реальной. Знакомой.

В этом образном ряду не было места для гингко — дерева, в долине Инда не обитавшего. Во всяком случае, в эпоху бронзы, о которой идет речь.

Зато воображение И. А. Ефремова — палеонтолога и путешественника — не могли не поразить ископаемые отпечатки изящнейших двураздельных листьев гингко, а возможно, и живые листья, увиденные в ботаническом саду и похожие на японский веер.

Значит, и эта деталь привнесена в черную корону фантазией писателя?

Не здесь ли — знак того, что и «странные серые камни» тоже придуманы? Не сами по себе. А здесь, в короне из легенды.

Она рассказывает, что Александр Македонский, перейдя Инд и решив дойти до сердца Индии — Декана, наткнулся на развалины очень древнего города...

...Среди развалин уцелел незапамятной древности храм. Несколькими жрецов жили в нем среди населенной львами пустыни, охраняя священную реликвию прошлого — черную корону царей исчезнувшего народа. Тех времен, когда людьми правили боги или герои, происшедшие от союза смертных женщин с небожителями. Существовало предание, что если человек божественного происхождения наденет эту корону и выйдет в ней на свет полуденного солнца, его ум обострится волшебным образом, и он, познав сущее и вспомнив прошедшее, приобретет равную богам силу. Но если корону наденет простой смертный — горе ему! — он лишится памяти и станет, как младенец, игрушкой в руках судьбы и людей. Александр слышал это предание и потребовал от жрецов корону. Те сначала отказали ему, завоеватель пригрозил разобрать храм по камешку и все равно найти укрытое сокровище. Жрецы предупредили царя, что только дитя богов может безнаказанно надеть черную корону, но Александр рассмеялся. Версия о его божественном происхождении от союза его матери Олимпиады с Дионисом, вначале сочиненная его матерью, ненавидящей отца Александра, хромого Филиппа, с годами приобрела силу факта. И Александр, без сомнения, сам верил. Без колебания он вошел в святилище храма, где жрецы окурили его дымом священного дерева и увенчали черной короной. Александр вышел на залитые солнцем ступени и, гордо оглядевшись, стал ожидать нисхождения божественной силы. Вдруг великий завоеватель пошатнулся, его загорелое лицо побледнело, и он грохнулся на ступени, покатылся вниз, на песок. Едва соратники подняли своего полководца, тот очнулся, но тут обнаружилось, что он забыл все, о чем думал и чем жил в последнее время. Легенда говорит о том, что царь излечился от тоски по Элладе... Освирепевшие воины, обвиняя жрецов в том, что они нарочно погубили полководца, истребили их, а корона попала в личную сокровищницу Александра. Главное же в том, что Александр забыл, зачем пришел в Индию, забыл свои планы и повернул войско назад. Вернувшись в Вавилон, царь заболел лихорадкой и умер.

А почти через два тысячелетия зловещему воздействию найденной в море у Берега Скелетов черной короны под-

верглась не зная этой индийской легенды Леа Мида с яхты «Аквила».

Когда Леа надела корону, вышла на ярко освещенную солнцем палубу, «повернула лицо на свет, серые камни в черном металле загорелись нестерпимым блеском.

...Леа поднесла руку к глазам, качнулась вперед» и лишилась сознания. Вскоре обморок прошел, но Леа забыла все, что с ней происходило прежде, как, впрочем, и цель экспедиции «Аквила» к южным берегам Африки.

Снова — потеря памяти, черная корона Александра, яркий солнечный свет... и «нестерпимый блеск» серых камней. Тех самых, «природные кристаллы которых были столбчатыми, короткими призмами».

Все-таки очень похожи эти кристаллы на полевошпатовые авантюрины. Кстати, автор первого в России минералогического словаря академик Василий Севергин (1807) очень возражал против того, что природный камень стал тезкой авантюрина-стекла и предложил называть такие сверкающие минералы «искряки».

Есть у полевошпатовых авантюринов еще одно имя — солнечный камень. И вправду, попадают золотисто мерцающие шпаты, которые словно испускают солнечный свет. И блеск всех, без исключения, авантюринов многократно усиливается на солнечном свете, как и происходило с камнями в черной короне.

И все-таки, почему именно их «поставил» И. А. Ефремов в корону, отнимающую память? Да еще и «разместил» таким образом, «что излучение попадает в область задней половины больших полушарий, ведающих памятью».

Ну вот, еще и какое-то излучение, возбужденное солнечным светом... Но полевошпатовый авантюрин не дает подобного эффекта! Что же это — сюжетный прием писателя-фантаста или обращение к древним суевериям о целебных свойствах камней?

И я вновь вспомнила ефремовский рассказ «Обсерватория Нур-и-Дешт», сердолики, якобы обладающие повышенной радиоактивностью (излучением!) и, потому, лечебным эффектом. Не на пустом же месте возникло такое утверждение...

И тут меня осенило: нет ли в старинных книгах каких-нибудь сведений об авантюрине?

Они обнаружили в одном из многочисленных лечебников (1792) «Авантюрин или Адвантюрин, камень драгоценный темно-желтой воды, наполненный множеством частичц, подобных золоту».

Так выглядят полевошпатовые «искряки» Прибайкалья, Карелии, Урала, более распространенные, чем серые.

Во времена «вселой императрикс» Елизаветы Петровны авантюриновый кабошон размером с горошину стоил 15—20 рублей. Не для бедных был камешек... Считалось, к тому же, что он обладает волшебной силой и оберегает от невзгод мужчин, чье имя, как название камня, начинается на букву «а». Например, Александр. В том числе — Македонский. Но... камни в черной короне оберегом не стали.

Между тем, поиск мой продолжался, и вскоре обнаружилось еще одно поверье: «Адвантюринов камень ясным разум делает». Вот она, магическая сила авантюрина! А значит, и свидетельство в пользу моего предположения о том, что И. А. Ефремов не случайно поставил в черную корону из легенды именно авантюрин.

Но здесь «магия» его — с обратным знаком. Для простых смертных, каковыми были Александр Македонский и Леа.

Кристаллы, отнимающие память и этим уничтожающие в человеке человека...

Кристаллы, позволяющие манипулировать разумом... Предостережение ученого. Провидение художника. Тот самый «магический кристалл». В данном случае — полевошпатового авантюрина с Урала.

Казалось, поиск мой окончен, но... И. А. Ефремов при-

водит «упоминание о находке... неизвестных серых кристаллов на отвалах очень древнего рудника во время... Памиро-Афганской экспедиции». Вот так. А вовсе не Урал.

И я стала искать в литературе упоминание о полевошпатовом памирском авантюрине. Тщетно.

Обращалась в минералогические музеи, к памирским геологам. Искомый авантюрин им не известен.

Собралась в экспедицию с поисковой партией на Памир. Сорвалось.

Впору было отчаиваться. Теплилась, правда, надежда на двух моих студентов, которых удалось-таки направить на практику в «Памиркварцсамоцветы». Но попадут ли они в геологическую партию, да к тому же именно в район, указанный И. А. Ефремовым...

Признаюсь, оба студента были мною подробно проинструктированы, посвящены в суть литературного поиска и даже заражены им. И все же некоторое преподавательское неверие в студента как движущую силу не позволяло обольщаться. Или это была защитная реакция от очень даже возможного разочарования.

Так или иначе, я дожидала до момента, когда ко мне прямо с поезда ввалились оба — Дима и Володя — с громадными рюкзаками и ящиками, в каких нормальные люди везут с юга фрукты. Естественно, геологи — народ особый. Посему и в ящиках, и в рюкзаках были камни. Образцы. Находки. Материализованное счастье. Всего килограммов под сто пятьдесят.

— Господи! Как вы это дотащили?

— Для вас ноша не тянет, — щегольски заверил Володя.

Я окинула взглядом его хрупкую фигуру, которую можно обозначить одним словом «теловычитание», и еще раз убедилась в том, что «внешность обманчива».

— Мерси. Где поработали?

— Вообще-то, облазили пол-Памира, но базировались на массиве в районе озера Искандер-куль.

Что-то во мне екнуло. Искандер-куль, озеро Александра, названное в честь Александра Македонского, чьи войска во время среднеазиатского похода останавливались тут на отдых. Во всяком случае, так гласит предание.

Искандер...

Я рассматривала образцы, о чем-то говорила со студентами, читала этикетки, определяла минералы, еще надеясь встретить авантюрин и чувствуя интуитивно, что не встречу. А в мозгу пульсировало: «Искандер». И я ждала чего-то, что вот сейчас должно произойти. Прийти. Но — не авантюрин.

Воистину, прав был Гераклит: кто не ожидает найти ничего неожиданного, не найдет его, потому что это будет для него непосильным.

Я развязала очередной геологический мешочек и вынула из него буро-черный камень, пронизанный столбчатыми кристаллами. Один из них был сколот поперек. Розоватую плоскость скола прочертил черный диагональный крест.

«Хиастилит! Ефремов! Искандер! — то ли мысли забилась, то ли сердце. И тут же ехидное разумное начало остудило: — Не такой камушек-то. Розовый. А у Ефремова...»

«Изыди, сатана!» — как двадцать лет назад Васе Дысе, сказала я разумному началу и, едва ушли студенты, принялась перечитывать «Лезвие бритвы».

Таинственные серые кристаллы, воздействующие на мозг...

В короне они — случайный трофей Александра Македонского.

В природе — случайная находка геолога Ивернева (отца).

Но все, что хоть в какой-то степени могло бы дать ключ к разгадке волшебных свойств этих кристаллов, пропадает при странных обстоятельствах.

Вместе с флотом Непарха исчезает черная корона.

Через века ее поднимают со дна моря на палубу яхты «Аквила» — и вскоре волны вновь поглощают корону. А с нею — и серые кристаллы.

Украдено ювелирное украшение работы А. К. Денисова-Уральского — платиновая оправа вокруг серых мерцающих камней.

Похищена даже рукопись индийской легенды об Александре Македонском и черной короне.

В опасности записки геолога Ивернева, в которых, предположительно, указано месторождение не известных науке кристаллов. Ибо «знающие их свойства не жалеют денег, рыщут по всему свету». Эти люди, рвущиеся к власти над всемирным разумом, объединились в своеобразный орден. Входящие в него носят отличительный знак — кольцо с необычным и довольно мрачным камнем. «Небольшой камень, плоско отшлифованный в форме квадрата с закругленными углами, блеснул, и в глубине его замерцал косой крест... Любой минералог вам скажет, что это хиастолит, разрезанный поперек главной оптической оси. Только он дает такую любопытную игру на свет — концентрические кольца и крест». Заметим, «серый крест». Благодаря ему хиастолит и получил свое название то ли от греческих слов «хи» — крест, «астос» — торчать, «литос» — камень, то ли «хиастос» — диагональный. Такова причудливая разновидность довольно обычного минерала андалузита. Когда его кристаллы, зародившиеся в сильно измененных глинистых породах, в процессе роста ритмично захватывают глинистые или углистые вещества, эти включения располагаются внутри кристаллов как бы столбиками. Если такой «фаршированный» кристалл-брусок распилить вдоль, будет заметно чередование светлых и темных полос, но стоит открыть поперечное сечение, и выявится отчетливый геометрический рисунок темного включения на светлом фоне камня. Особенно выразительно и загадочно выглядят срезы, прочерченные косым крестом.

Какою была вставка в платиновом кольце — знаке тайного ордена? Именно в кольце, означаемом несвободу. А если камень «вделан в кольцо», он невелик, сравнительно тонок. В какой же «глубине замерцал косой крест»? Может быть, камень прозрачен? Чрезвычайно редки, а в нашей стране неизвестны такие хиастолиты. Но почему крест «замерцал»? За углистым веществом, захваченным в процессе роста кристалла, мерцание не числится. Откуда же оно в ефремовском хиастолите? Неточность, такая же, как утверждение, будто хиастолит «дает... любопытную игру на свет — концентрические кольца и крест». Ведь геометрический рисунок на поперечном сечении хиастолита — не оптический эффект, а вполне материальное, ритмично вошедшее в кристалл инородное вещество. Невольно ли это обращение к мерцающему облачку «мельчайших крупинок», расплывленных внутри волшебных, из черной короны, кристаллов «как бы хрустально прозрачного металла...»?

Отблеск ли некогда встреченного, найденного хиастолита... Где?

Я вновь обратилась к «Лезвию бритвы». За намеком. Или, если угодно, компасом, который указал бы наиболее вероятное направление дальнейшего поиска. Ведь И. А. Ефремов и сам признавал, что в основу очень многих эпизодов его художественной прозы легли фактические события и впечатления, накопленные за годы странствий. Вот их маршруты, их точки отсчета: Российский Север, Прикаспий, Ленкорань, Южное Приуралье, предгорья Тянь-Шаня, Нижнее Приамурье, район Лена — Бодайбо — Тында, бассейны рек Чары, Олекмы, Хани, Токко и, наконец, Монголия.

Но в «Лезвии бритвы» в связи с минералами упоминается лишь древний рудник на Памире, да и то как место находки «неизвестных серых кристаллов», отнимающих память. То есть — не хиастолитов.

А передо мною лежал именно хиастолит, при том — с Памира, из мест, где И. А. Ефремов не бывал.

...По радио кто-то читал свои стихи. Плохо читал. А пытался — под Блока. И стихи были так себе. И даже

хуже. Особенно вот это, обнажающее не обремененный познаниями в географии интеллект автора:

Весь юг моей державы осеняет

Распластанный над нею Южный Крест.

Я представила себе небо, похожее на хиастолит, людей, которым несвободно под этим небом... Необъяснимая гропа ассоциаций вернула мои мысли к «Лезвию бритвы», к Тате Черных — обладательнице кольца, мрачного, как небо из услышанного по радио стиха. Тата, Тата, — Дар Алтая... Кстати, в каком районе совместились пути геолога Ивернева-отца и проводника Павла Яковлевича Черных, отца Таты? Ага, Монголия, Эктаг — Алтай.

И. А. Ефремов шел этой «Дорогой ветров» во время экспедиций 1946-49 годов. Какие только минералы не упомянуты в его путевых заметках! А хиастолита среди них нет. И в специальной минералогической литературе не оказалось сведений о находках монгольского хиастолита.

Дар Алтая не состоялся.

А стрелка ефремовского компаса трепетала, указывая на Сибирь. Похоже, ее притягивала почти случайная фраза: «Правда, два-три интересных минерала поступили в музей, да вот еще великолепнейший опал прислали из Забайкалья». Да так ли уж фраза была случайна в разговоре о похищенных серых камнях и черной короне Александра Македонского. Она — не отблеск ли запутанных ассоциаций?

Ведь, кроме памирских, в нашей стране известны эффективные хиастолиты именно из Забайкалья, точнее — из окрестностей Нерчинска. Розоватые, белые, серо-желтые, прочерченные черным крестом нерчинские хиастолиты И. А. Ефремов мог видеть в музеях, в частных коллекциях, но — не в природе, ибо в интересующем нас районе Забайкалья писатель попросту не был.

Зато в июле 1932 года геолог И. А. Ефремов назначен начальником отряда «по изысканиям железнодорожной линии Лена — Бодайбо — Тында»¹ и командирован «для производства изысканий от р. Олекмы и до пос. Тында... проделав 600 км по рекам Нюкже, Верхней Ларбе и ее притоку — Аммуначе, затем, преодолев перевал, отряд Ефремова спустился в долину р. Четкан и достиг Тынды»².

А полевой сезон 1934 года и в январе 1935 года геологическая партия Ефремова работала на Олекмо-Чарском нагорье. От якутского поселка Куду-Кюель участники экспедиции на оленях «перевалили в долину р. Токко, исследовали ее и затем, достигнув бассейна р. Чары, разделились на три отряда для проведения маршрутных съемок, по результатам которых «И. А. Ефремов и А. А. Арсеньев составили геологическую карту Олекмо-Чарского нагорья и западной части Алданской плиты. Впоследствии карта была использована для составления Большого советского атласа мира»³.

Сведений о находке хиастолита в этой части Забайкалья тоже не было. Но, чем тщательнее я изучала геологические особенности районов, по которым проходили маршруты ефремовских экспедиций, тем острее ощущала вероятность существования хиастолита именно в бассейне р. Чары.

Своими соображениями я поделилась с доцентом кафедры минералогии геологического факультета ЛГУ Ольгой Михайловной Римской-Корсаковой, к которой испытывала нежность и уважение, граничащее с пиететом.

— Оч-чень может быть. Очень. Но лишь факт вам судья, — в своей резковатой манере профессионального геолога резюмировала Ольга Михайловна. И добавила: — Ищите, ищите! Геология любит упрямых.

Что-то потайное, озорное метнулось в обычно сторожких, словно испытующих глазах.

Дело было весной, полевой сезон предстояло провести вовсе не в Забайкалье, и ничего изменить я уже не

¹ Чудинов П. К. Иван Антонович Ефремов. М., «Наука», 1987, стр. 25.

² Там же, стр. 26.

³ Там же, стр. 26.

могла, о чем и «поплакалась в жилетку» Ольге Михайловне.

— Да-да, такая жалость.— Она то ли сокрушалась, то ли поддразнивала. Мне стало чуть-чуть обидно. Ольга Михайловна заметила это и строго сообщила: — Осенью к вам приеду. Примете?

Я аж взвизгнула от восторга, чем, наконец, вызвала ту самую улыбку, которая, как половодье: стихия, омовение души.

Осень началась для меня с приятного сюрприза: приехал мой бывший ученик, работающий в Монголии, привез в подарок минералы Эктаг-Алтая. Хиастолита среди них не оказалось. Зато знакомый коллекционер прислал «крестовый камень» из окрестностей Нерчинска. Эффектный образец, классическое сочетание цветов: на белом фоне — черный крест.

Нет, не таким был камень в кольце Таты Черных и «черного мага» Дерагази... Но каким же, каким?!

...Ольга Михайловна приехала в дождь. Даже в ливень. Зонт не спасал. Вымокшие насквозь, мы добрались ко мне домой. Пили обжигающий горьковатый чай с пирогами, смотрели мою коллекцию минералов, что-то обсуждали... После ужина Ольга Михайловна собралась в гостиницу, где ей был забронирован номер. Я вызвалась проводить.

— Ну, это ни к чему. Кавалер,— она указала на моего мужа,— вполне справится сам. А вы вот подарочком займитесь!

Ольга Михайловна что-то вынула из кармана старенького своего пальто и протянула мне.

Это был кристалл хиастолита, плоско отшлифованный на поперечном срезе. Из серой, как густой туман, глубины камня проступал тонкий черный диагональный крест.

— Господи, когда же вы...?

— Летом, когда ж еще. Там, на Олекмо-Чарском, только Ефремов мог зимой. А я, старая¹, летом...

Ночью я, конечно, не спала: разглядывала хиастолит, перечитывала «словесный портрет», данный И. А. Ефремовым. Сличала.

Вроде бы, все было так — и не так. Вот в «Лезвии бритвы»: «в глубине его замерзал косой крест». И еще — «серый крест».

А в моем хиастолите глубина — есть, косой крест — есть, но — не серый и не мерцает. Стоп, стоп! Это смотря что называть крестом: углистое включение или серые промешутки, ограниченные им. Почему же я раньше не догадалась?! А потому, что хиастолиты из других мест не давали мне повода для такой догадки. Розовый, белый, желтый цвет камня не делает его мрачным и смотрится фоном диагонального углистого креста.

Серый же словно всплывает, проступает из черной глубины и, по сравнению с ее всепоглощающей тьмой, слегка мерцает благодаря монолитности, дефектности кристалла.

Значит, ефремовский хиастолит — все-таки портрет с природы? А как же «любопытная игра на свет — концентрические кольца и крест»? Штрих мастера, мазок, который превращает простую копию в произведение искусства? Зачем понадобился этот штрих в столь мрачном камне, по сюжету — зловещем символе, знаке тайного ордена, к которому принадлежат охотники за мерцающими «кристаллами памяти»?

Кстати, по описанию, во внешности двух этих минералов немало общих черт: и серый цвет, и странное мерцание, и необычная реакция на свет...

Такая связь не может быть случайной.

Как неслучаен выбор Ефремовым камней, одушевленных древними поверьями: авантюрин, дарующий радость — сердцу, ясность — уму, и хиастолит, «крестовик», «божий знак», «монашій камень», помогающий хранить верность однажды данному обету.

¹ Тогда, в 1983 году, О. М. Римской-Корсаковой было около 70 лет, а в 1987 году ее не стало.

Николай ЖЕРЕБЦОВ

Разминемся в жизни будущей.
Нарастет в земле руда.
Только стынь да ветер дующий
Сквозь пространства и года.

Неземной рукою сотканный
Душу образ посетит...
Кто уходит в ночь короткую,
Тот увидит и простит.

Жизнь беспечную баюкая,
Вдоль асфальтов крепнет лед.
И пойдет дорогой хрупкою
Предрассветный пешеход.

А ему высоты вверили
На печальный долгий век.

Жаль, и Вы мне не доверили,
Что наутро будет снег.

Мягкие вспышки — небесные розы,
Светлые трещины черного мира.
Все, что копилось в могучем пространстве —
Все разрядилось огнем первородным!
Майкл Фарадей с конденсаторной банкой
Молний шары собирает с деревьев.
Тени электриков высших подстанций
Кружатся в воздухе влажном и едком.

Гимн электричеству полночи майской!
Гимн электричеству взорванной жизни!

И будет путь. И мыслям хлеб насущный.
И в дальних тучах — утра полынья.
И человек, обочиной идущий.
В некрепкий свет обещанного дня.

Редеет лес. Поля до сердца голы.
Как нелегко печалю гнезда вить!
В ветвях блестят высокие глаголы:
Не забывать, надеяться, любить.

Истекших лет дожди и обелиски
Дарует память на великий срок.
И подорожник — знак ветров российских —
Растет в пыли непройденных дорог.

ДОРОГА В ГОРАХ

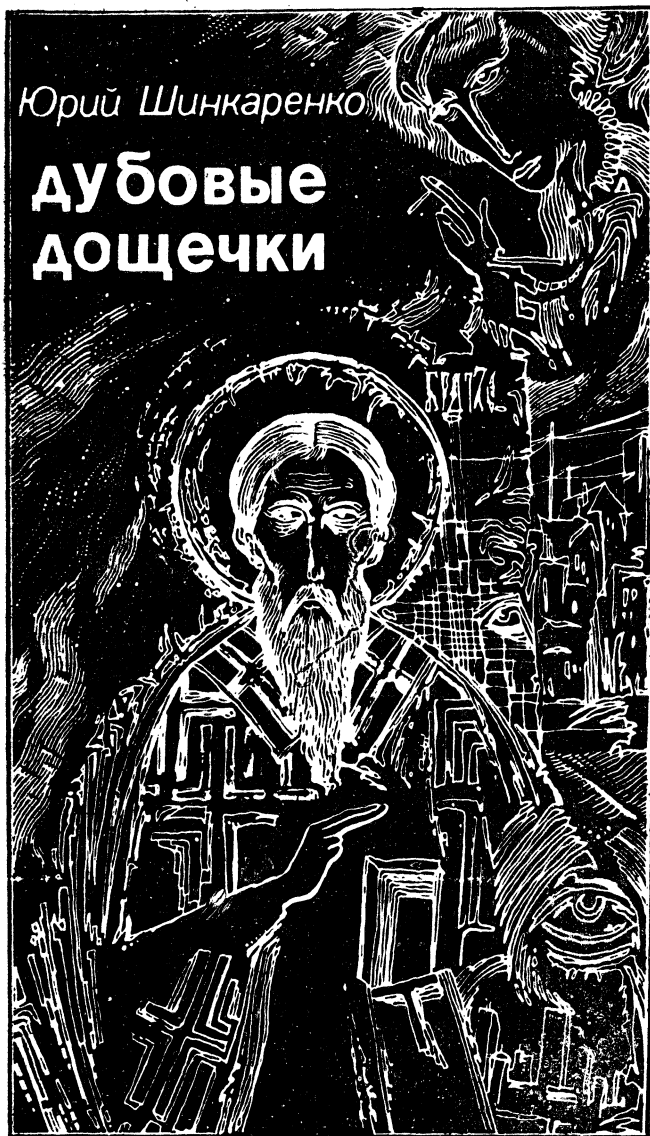
Навсегда умолкнут войны.
Да не вечно же страданье!
Всем идти одной дорогой
В нарастающем сиянье.

Вечер дверь небес откроет —
Больше нет долгов за нами!
Даль прощанье обозначит
Легкоструйными слоями.

На высоком перевале
Воздух тих и свет печален.
И на вздох один глубокий
Хватит прошлого едва ли.

Шаг беспечный — мрак бездомный,
Мир неслыханных талантов!
И на черном небе звезды —
Души младших лейтенантов.

Рисунки Сергея Григорькина

Юрий Шинкаренко

ДУБОВЫЕ ДОЩЕЧКИ

НА ДНЕ
СЫРОЕЖКИ
ЛОМАЮТСЯ

Закончилось дождливое, тянущее, безденежное лето. Объявил себя сентябрь.

Генкины приятели решили, что хватит *валеть дурку*, пора делать миллион. Генка не возражал. Но как сколачиваются миллионные состояния, он решительно не знал.

Объяснил «Шараш». «Шараш» был самым старшим в компании и самым опытным. Он, хотя и неудачно, уже попробовал покрутить «наперстки» на Центральном рынке. «Шараш» сказал:

— Я знаю одно место, где перед семафором отстаиваются поезда. Это в лесу, перед мостом. Глушь!.. А еще там рельсы делают крутой поворот, — хвостовых вагонов из тепловоза не видно. Пару-тройку вагонов *поставить* — раз плюнуть. День поработаем — потом до старости *пятнадцатками* можно подтираться.

«Шараш» умел говорить красиво. А для Генки чем красивее — тем убедительнее.

На следующий день — хоть и был он дождлив — отправились за город.

Товарняк как дождался их. «Шараш» пронизательно посмотрел в Генкины глаза и шепотом спросил:

— Ну что, ковырнем вагончик?

Наверное, ему тоже было неуютно. А Генку колотил озноб.

Чтоб не выдавать страха, он первым бросился к вагону. Как в драке: лишь бы броситься, сделать первый удар, а там сворой налетят остальные.

Налетели... Мешая друг другу, тяжело дыша, принялись скручивать с двери толстую проволоку. Она не поддавалась. «Шараш» ударил по проволочному узлу ногой. Генка не успел отдернуть руку. Проволока процарапала ладонь. Генка отошел в сторону. Потом еще подальше, к лесу. Затея перестала нравиться.

В вагоне оказалась сельхозтехника. В следующем — уголь. Но «Шараш» не отчаивался.

— Надо дожидаться контейнеров «Морфлот», — сказал он. — Гадом буду, если там видиков не окажется!

Сели на поваленную сосну, скользкую от дождя. Стали ждать. От перестука подходящих поездов у Генки противно сжималось сердце. А когда товарняк отходил, Генка расслаблялся, как у стоматолога, объявляющего: «Здоров!»

Наконец, вынырнул из-за ельника поезд со сцепкой «морфлотовских» контейнеров, изредка разбитых пустыми

Начало цикла см. в №№ 5-6, 7, 1992.

платформами. Контейнеры серебрились в сером воздухе — не луна ли над Эльдорадо?

«Шараш», не дожидаясь, пока поезд остановится, ринулся на штурм ближайших «Морфлотов». За ним — остальные. И Генка тоже.

На вагонной двери висела аккуратная пломба, небольшой — как в лото — оранжевый бочонок из пластмассы, с черным штырьком внутри. Красивая штука!.. «Шараш» сорвал пломбу, бросил ее на насыпь. Генка поднял «бочонок» и сунул в карман куртки.

В контейнере стояли картонные ящики. На их боках чернели японские иероглифы. Генка мельком подумал, может, не зря *угревался* он здесь, может, действительно, день жизнь кормит. Он подхватил ящик, который бросил ему «Шараш», и бросился в лес. Коробка была легкой. И коробки в руках приятелей — не тяжелее, если судить по тому, как легко бежали друзья за Генкой.

Отдышались. Разорвали коробку. В ней оказался... бензобак. Для «Тойоты», если верить английской надписи-дублиру на упаковке. В других коробках — то же самое.

«Шараш» лизал сбитые пальцы и возбужденно расписывал:

— Завтра пораньше придем. С инструментами. Ты, Клен, возьмишь отвертку. Генка — нож. Я домкрат при-тащу. И рукавицы не забудьте...

На следующий день Генка сидел на той же поваленной сосне, подложив под себя рукавицы. Светило солнце. Глянцево блестел пустой брусничник. В паутине билась синекрылая муха.

Генка понаблюдал за ней и спросил:

— «Шараш», тебе не показалось вчера, что нас машинист засек? Давай средние вагоны не трогать?! Давай только в хвосте...

— Очко играет? — равнодушно спросил «Шараш». Потом добавил: — Если что, отмазка такая: мы здесь бруснику собираем. Или грибы...

Генка кивнул головой. Наклонился, сорвал несколько сыроежек, которые молодо проглядывали сквозь взъерошенные словесные иглы. Положил в карман.

Послышался шум поезда. Генка обернулся на перестук колес. И увидел, что из леса, отрезая пути к отступлению, быстро и деловито выходят молодые парни. Сомнений не было: оперативники...

«Шараш» быстро подпихнул под корень сосны домкрат. Игра в «наперстки», видно, неплохо оттренировала его реакцию.

— Что делаем? — спросил один из парней.

— Бруснику собираем, — чуть задыхаясь, ответил «Шараш».

— Да-а-а... — насмешливо протянул «опер». — Ну-ка, покажи ладонь... Почему пальцы чистые?

На запястье у «Шараша» вдруг защелкнулись наручники.

— Так ягод совсем нету... — заныл «Шараш». — Неурожай...

Оперативник его не слушал. Он приказал своим:

— Понщите улики, — и метким взглядом выцепил рукавицы под Генкой: — Удобнее в рукавицах бруснику брать, а?

— Да я нашел... Вон там... — Генка махнул вялой рукой в сторону далеких-далеких огородов. — И отвертку вот нашел... Под забором валялась.

— Поднимайтесь! — приказал старший опергруппы.

— Куда? — выдохнул Генка.

— Пройдем в линейный отдел, — сухо ответил оперативник и улыбулся своим: — Думали, осень... кончился ягодный сезон... А — нет...

...В линейном отделе транспортной милиции Генку наскоро ошмонали. Вернее, попросили вывернуть карманы. Генка выложил на стол три сыроежки. Выложил и вдрут замер.

Если б не солнце... если б куртка, в которой был вчера, не осталась дома — вместо сыроежек лежала бы

сейчас перед сотрудниками милиции пластмассовая пломба с «Морфлота», красивый оранжевый бочонок. Неопровержимая улика.

Как в тумане слышал Генка голоса из соседней комнаты. Там справлялись по телефону о личности «Шараша», уточняли что-то про «наперстки»... А Генка думал, как мало иногда нужно, чтобы пошла под откос жизнь.

И оперативник, наверное, про то же думал. Он взял в руки сыроежку, повертел ее и вздохнул:

— Хрупкий гриб. Знаешь, на что похоже? На твою судьбу. Хрупкую и неокрепшую. Неверное действие — и ничего не восстановит. — Оперативник зажал шляпку гриба двумя пальцами (указательный, со шрамом, был вывернут в сторону). Резким, пугающим движением поднес сыроежку к Генкиному лицу, но крошить ее не стал.

...Осень все здесь. Я только что вернулся из лесу. В корзине — пяток рыжиков. На срезах их ножек — оранжевая изморось. Несколько белых... Скрипят под пальцами. И много-много сыроежек: осень любовно коснулась их своей кистью и оставила на мокрых шляпках синие, фиолетовые, светло-бордовые расплывы... Красивый гриб, если всмотреться. Но хрупок. Как ни осторожничал, все равно на дне корзины — крошево. Не надо было сыроежки — на дно.

На дне они ломаются.

Сентябрь, 92

Гулкая кухня. Пол здесь недавно покрашен в лимонный цвет. Лишь от двери к форточке оставлена косая незакрашенная дорожка: доски не отциклеваны, шелушатся коричневыми чешуйками. Сбоку дорожки — ржавая трехногая плитка с открытой спиралью и без шнура. На плитке — огромная оранжевая тыква. Присутствие этой композиции в ремонтируемом помещении необъяснимо, абсурдно. И нас с Шуриком начинает раздражать смех. Еще веселее становится, когда мы находим тыкве применение: стряхиваем пепел с сигарет в углубление вокруг тыквенного черенка.

Смеяться неудобно: мы сидим на табуретках, ножки которых отчасти на крашенном полу, нечаянно сдвинешь стул — и попортишь ремонт. К тому же наши ступни вынесены в сторону, на дорожку, и выстроены в линию, за носком — пятка (так в некоторых играх отмеряют расстояние от кона до биты). Мы сидим друг против друга

в неестественном оцепенении, — и собственные позы добавляют нам беспричинного веселья.

Вскоре вынужденные позы рожают слабость в мышцах. Отсмеявшись, мы возвращаемся к разговору.

Шурик рассказывает мне анекдот. Рассказывает его... уже второй час. Прежде чем начать коротенькую веселую историю, Шурик похвастал: «Это самый классный анекдот, который я слышал в последнее время. За этот анекдот я вообще *убилсь!*» Он начал было: «Один парень дернул «ракету». Сидит — *за свое гоняет...*» — но тут же осекся. Сприсил:

— Знаешь, что такое «ракета»?

Я пожал плечами.

— *Косячок*, — объяснил Шурик. — Ну, папироса с анашой. А как это — «за свое гоняет» — понимаешь?

Опять пожимаю плечами.

Шурик смотрит сострадательно:

— Ты что, никогда анашой не интересовался?

...Анаша (т. е. каннабиноид, препарат конопля) меня интересовала. В той же мере, как и любая другая возможная угроза в отношении подростков. Но еще два года назад и мои респонденты, и социологические выборки, и не умеющий лукавить словарь отроческого жаргона — все уверяло: среди екатеринбургских ребят анаша не очень популярна. Потом зазвенели первые колокольцы тревоги: то встреча с паренком на берегу Исети, который с ладони набивал пустой папиросный мундштук, то характерный приторный запах в подъезде, то еще что... И вот — взрыв! Шурик анекдот. Анекдот, который нынче понятен любому «надцатилетнему». Понятен новорожденными сленговыми терминами. Понятен по ощущениям. Мало того, большинство отроков могут представить, как будет восприниматься этот анекдот в момент собственного каннабиноидного опьянения. (Тот же Шурик повздыхал: «Эх, его хорошо слушать, когда обкуришься, когда уже *зависнешь*. Тогда любое слово на *ха-ха* пробивает».)

Шурик рассказывает анекдот, поясняя, что стоит за каждым словом. Его информация рождает во мне пеструю мозаику чувств и мыслей. Мозаика, знаю, будет меняться и, замерев, обратится в идею очерченных заметок для ребят. Мысль о будущем материале отвлекает меня, и голос Шурика на миг исчезает. Я спохватываюсь, но оказывается, то, что Шурик сказал, как-то задержано мною, еще звучит во мне. Я анализирую эти отставшие от хода времени слова и отстаю с ними сам. В то же время задерживаю, улавливаю то, что Шурик говорит в реально-настоящее время, хотя его, Шурика, настоящее — для меня, отстающего, недалекого будущее...

— Так курил ты анашу или нет? — переспрашивает Шурик. Отвечаю, что пробовал, но знаю, что в первый раз специфических ощущений травка не дает. Они приходят, если втянешься. Каковы они, эти ощущения, — ведаю теоретически. В частности, из великолепной монографии верно подросткам Андрея Евгеньевича Личко — «Подростковая наркология» (написана им в соавторстве с В. Битенским). Судя по всему, мое нынешнее состояние (беспричинное веселье, вызванное видом тыквы, скованность тела, неправильное соотношение между мной и временем и т. д.) — хотя и бледная, но точная копия каннабиноидного опьянения.

— Не-а, — вздыхает Шурик, — по монографиям этих ощущений не представить. Ладно, вернемся к анекдоту... Сидит, значит, паренек и *за свое гоняет*. То есть в себя погружился, в свои мысли. А все, что вокруг, кажется ему то взаправдой, то нет. Сидит, значит, *гоняет за свое*: «Так, у меня два «косяка» осталось. Один я сейчас выкурю, а второй на потом прибегу. Вечером *зависну...*»

— «Зависнуть» — это? — перебиваю я.

— Ну, просто накуриться. А вообще-то словцо передает «невесомость», что приходит после *пышмы*...

— После чего?

— Ну, после анаши. *Пышмой* ее называют еще и потому, что легче всего анашу достать в Верхней Пышме.

Я вычлению из Шуркиных пояснений арготизмы. Мне, конечно, интересно, чем там закончится анекдот... Но гораздо важнее почувствовать не соль анекдота, а соль проблемы. И жаргон здесь незаменим, он хоть и косвенно, но достаточно точно выдает степень Шуркиного интереса к травке. Конечно, Шурик ответил бы и на прямо поставленные вопросы. Но природа его возраста (самолюбование, противоречивость оценок, ирония к старшим и т. д.) все равно бы исказила правдивость этих ответов. Прямое не всегда точнее косвенного... Поэтому и конспектирую за Шуриком корявые фразы, не торопясь редактировать их по всей строгости словарных формулировок:

«Я *отстаю*... Это когда друзья и здесь, и в прошлом одновременно. Такое раздвоение... Только прикуришь, кто-то уже сообщает: «Пацаны, я *отстаю*...»

«Часто на *измену садишься*. *Измена по обкурке* такая: кажется, к примеру, что крыша поехала. Причем буквально, будто у тебя верхняя часть черепа набок сдвинулась. Немного страшновато становится. Думась, все, не вернется на место, изменила тебе черепушка. Мысль о крыше гонишь, а *измена* не отпускает... А иногда вместо страха вдруг догадка приходит: вот так же дебили мир представляют...»

«Что такое «на ха-ха», думаю, понятно. Пацанам начини этот анекдот травить. — первых двух слов хватит, чтобы их на *ха-ха* пробить. А по *обкурке* и слов никаких не надо для смеха. Последний раз я *прикалывался* за рожу пацана. Хотя рожка как рожка.»

«Когда переборщишь — можно *убитьсь*. Полная *отключка!* *Размазка*. Ничего не можешь сделать, ни ногой шевельнуть, ни рукой...»

...Я жадно, как майская пчела, беру свою социолого-филологическую взятку. А Шурика опять ускакал в «будущее» и продолжает свой нескончаемый анекдот. Очень уж хочется ему, чтобы и я за компанию убилсь за этот анекдот...

— Паренек, значит, *за свое гоняет*, — напоминает Шурик фразу. — «Один *косячок*, думает он, оставлю на вечер». Ему уже хорошо. Он себя уже со стороны видит. Как на полу сидит, один *косячок дзобает*, а другой в кармане прячет. И только эту картину увидел, как сразу мысли к нему: «А если сейчас стук в дверь? Я спрошу: «Кто там?» А менг за дверью спросит: «Наркоман Петров здесь живет?» Я его впушу, а он — шашть в мой карман. И найдет *косячок*. И опять меня посадят. Перепрячу-ка лучше в шкаф свой *косячок*. Встал, перепрыгал. Опять сидит, *за свое гоняет*: «Вдруг сейчас стук в дверь?!» Я: «Кто там?». А мне: «Наркоман Петров здесь живет?» Я впушу участкового, а он — шашть ко мне в карман. А *косячка* там нету. Он — шашть в шкаф. И найдет. И посадят меня. Нет, перепрячу-ка я сигарету под ковер». Встал, перепрыгал. Опять сидит, кайфует. И опять мысли: «Вроде в дверь стучат. Я спрошу: «Кто там?» А участковый откликнется: «Наркоман Петров здесь живет?» Войдет — и ко мне в карман шашть. А там пусто. Тогда он в шкаф. И там пусто. Тогда он — под ковер. И найдет мой *косячок*. Наденет на меня наручники и в тюрьму отведет. Нет, выкурю-ка я и второй *косячок*... От греха подальше...»

— Слушай, Шур, — перебиваю я рассказ. — А почему у Петрова только два «косячка»?

Шурик гасит окурок о ружью тыкву.

— Опять *непонятка?* — вздыхает он. — Прикинь: наверное, этот Петров нигде не работает. А анаша денег стоит. И немалых. Торговцы наркотиками тоже цены на свой товар подняли. Сразу-то это и незаметно: как спичечный коробок стоил 50 рублей, так и стоит. Но раньше этого пакета хватало на 5—7 сигарет, а сейчас на 2—3... Потом: у нас в городе анашу не всегда можно купить. А чтобы на такси слетать в Пышму и вернуться, нужно минимум 250 рэ...

— Ну и где же юный наркоман берет деньги?

— У родителей, — моментально отвечает Шурик. Потом

смущается быстроты своего ответа. Смотрит на меня подозрительно: не думаю ли я, что его, Шуркин, ответ, продиктован собственным опытом. Дополняет: — А если денег ему надо много, а сам он — *крутой мэн*, — то *лохов бомбит*, *стрясает* с них *бабки*. Недавно с одного чудака турецкий свитер снял, потом за 300 рублей его пристроил. А снятую «аляску» и продавать не пришлось, цыгане сами за нее аж два стакана анаши отвалили...

Я лишний раз удивляюсь Шуркиной осведомленности о деталях быта наркомана Петрова. Но спрашиваю о другом:

— А чего наш Петров милиции боится?

— Наверное, опыт есть... — комкает ответ Шура.

— Он что, знает о наказании за незаконное приобретение и хранение наркотиков?

Шурик молчит.

— Ну... — я позволю себе легкую иронию. — Анекдот куда смешнее, если Петров наверняка осведомлен: уже с 16 лет за спичечную коробку анаши он мог нарваться на штраф. А если бы такую коробку обнаружили у него повторно в течение года, в силу вступила бы статья 224³ еще действующего УК Российской Федерации, которая грозит лишением свободы до двух лет. А еще смешнее, если Петрову известно, какова уголовная ответственность за турецкий свитер... За склонение к употреблению наркотиков несовершеннолетних...

— Про несовершеннолетних в анекдоте ничего нет, — встряхивается Шурик. — Будешь дальше слушать или нет? — Он продолжает: — Вот выкурил наркоман Петров и второй *косячок*. Сидит, за свое *гоняет*. Хорошо ему, расслабуха... Потом веселость прошла, в сон клонить стало — *набьчился* Петров... Надо, думает, еще *косячок* выкурить. Хоп себе в карман — а там пусто, *обломился*. Тогда он — хоп в стол — снова *обломился*. Наверное, думает Петров, я его под ковер спрятал. Хоп под ковер — и тоже *обломился*. *Набычило* Петрова еще сильнее. Сидит он и гадает: «ИНТЕРЕСНО, КУДА ЖЕ Я ВТОРОЙ-ТО «КОСЯЧОК» ОТ МЕНТА СПРЯТАЛ?» Смешно, да?

Я вежливо улыбаюсь, но искусственная улыбка долго не держится.

— Шурик, — спрашиваю, — а зачем тебе анаша?

Шурик не думает, его ответ давно уже сформулирован:

— Чтобы вместе со своей командой расслабиться.

Когда все одновременно расслабляются, когда *косяк* по кругу, то нет уже ни *паханов*, ни *шестерок*. Все равны! Дружба, фрэндшип, фройндшафт! Можно, конечно, и по-другому расслабляться... Но анаша для организма безопаснее всего.

...В чем-то Шурик прав. По мнению психиатров, глубокие (физические) стадии каннабиноидной зависимости бывают у подростков редко. Обычно случается лишь психическая зависимость. Но она-то и страшна для организма... для организма общества. Желая вновь почувствовать себя общительными, веселыми, независимыми, анашисты-новички уже не ждут, когда в кармане появится случайная «полтяшка» на пакет травы... Они ищут эти деньги. Как? Читайте уголовные хроники.

Подобным аргументом Шурика, конечно, не проймешь. И прежде, чем покинута странной мир кухни с лимонными полями и оранжевой тыквой на ржавой плитке, я пересказываю Шурику один из симптомов каннабиноидной наркомании, почерпнутый из монографии Е. А. Личко. При переходе от психической зависимости к физической у молодых мужчин уменьшается содержание в крови тестостерона (мужского полового гормона)... Повышается выделение эстрогенов (женских половых гормонов)... И отмечается феминизация.

— Помнишь, что это?

Шурик, который каждую минуту старательно воспитывает из себя мужчину, «настоящего пацана», удрученно отвечает:

— Помню... Это когда мужик на бабу становится похожим.

19.03.92

Р. С. ...И новая встреча. Антон. 15 (пятнадцать!) лет. «Наркоман со стажем» (сам о себе). Приведу несколько жаргонных словечек и фраз, которыми Антоша пользуется, обрисовывая свое собственное «увлечение». Эти слова четко фиксируют ту глубину, на которую погрузился в «конопляные заросли» мой незрелый респондент.

ШАЛА. Анаша. (Ловлю себя на мысли, что в этих горестных замечках нет-нет, да и хочется полюбоваться подростковым словотворчеством: Шала... — Шалеть... — Шальной... Легкое шипение сигареты... Звуки выдоха... Арго — словечко, в котором ни лишней гласной, ни согласной...)

Синонимы к слову «шала» не менее красноречивы: СМАЛЬ, НАСМОРК, ДУРМАХОРКА, позаимствованное из видика «Робот-полицейский» слово НЮК, непонятное, якобы пришедшее с Кавказа ГАНДИБАС... Еще одно обозначение анаши: ГАММИ-ДЫМ... Сказочно-наивное, связанное с мультиками Диснея, с радужным миром детства... Но какое не детское по смыслу!..

БОЛТ. Анаша, скатанная в комок. Синонимы — ПЛАСТИЛИН, ДРАП. Сигарета, запавшая «драпом», по уверению Антона, крепче обычной в два раза. Другое его наблюдение в связи с «болтом» («драпом», «пластилин»): «У настоящего наркомана руки пахнут анашой, а основания ладоней стертые от изготовления «драпа».

Еще крепче, чем «болт», ХИМКА. Это конопля, вываренная в... впрочем, неважно в чем. Вываренная для того, чтобы ВСТАВЛЯЛА, т. е. крепче действовала.

А вот БЕСПОНТОВАЯ КОНОПЛЯ не действует никак. Растет она на Урале. Интерес к этой конопле у Антона лишь потому, что БАНЧИЛЫ — торговцы наркотиками — повадились делать КОКТЕЙЛИ, в которых конопля с большим содержанием каннабиноидов мешается с местной травкой, «беспонтовой»...

ПЕРСОНАЛА. Начиненная анашой сигарета. В отличие от папиросы — «косяка».

КОЗЯВКА. След от сгоревшей «травки» внутри мундштука.

ПЯТКА. «Чтобы анаша не летела в рот, на мундшук «косяка» пальцем продавливается углубление».

ПАР. ПАРИК. 1. Способ курения «косяка»... Способ достаточно неэстетичный, но «так анаша сильнее *цепляет*». 2. Собственно дым, выходящий из мундштука при курении этим способом.

РАЗДУТЬ ЛАВАНДУ. *Лаванда*, *лавэ* — это деньги. «Раздуть лаванду» значит «поставить на счетчик», т. е. назначить проценты за неуплату какого-либо долга. (Увы, неслучайная фраза в лексиконе юных каннабиноидоманов... Симптоматичное свидетельство, откуда берутся деньги на анашу... Кстати, за короткий промежуток между встречами с Мишей и Антоном цены за «пакет» выросли на десять рублей. Не такая уж маленькая сумма для пацана... Тот же Антон жаргонное «декан» (10 руб.) произносит как «дикан». В этом эмоциональном транскрибировании полностью потерялась связь с греческой первоосновой (ДЕКА), и лишь слышится: дико, дикость, одичание...)

ГАЛЮТИНА. Галлюцинации. Антон: «Однажды представилась *здучиха*. Она подходит ко мне, и вдруг у нее глаз вытянулся и давая узорами покрываться».

ИГРА «САРАНЧА». «Сыграть в «Саранчу» — это прийти к другу в гости и обожрать его». (Чувство острого голода после каннабиноидного опьянения раньше выдавалось фразеологизмом «бомбить холодильник»... Увы, собственные холодильники ныне зачастую пусты... Сленг, как всегда, отражает время со всеми его атрибутами и нравами...)

ОБСАЖЕННЫЙ. ГИЛЬЗА. САЛО. ПРИКОЛОТИТЬ (КОСЯК). ОПРЕДЕЛИТЬСЯ. КУМАР ПО-ЦЫГАНСКИ...

О слово, слово, кто тебя усеял страшными значеньями?.. Не розовощекий же Миша и не озорноглазый Антон?!

27.05.92

Ребята разговаривают о каком-то своем однокласснике. Один сокрушенно замечает:
— Ему уже никакой грязи, где пить и с кем...

«Грязница», наверное, не нарочитое слово: парень просто оговорился. Но как замечательно оговорился, как прозрачно!..

ГРЯЗНИЦА. ГРЯЗЬ + РАЗНИЦА. Разве не понятно, какое слово в этом лихом соединении — ударное?

Случайная оговорка стала оценкой. Оценкой чьей-то неразборчивости в выборе застольников, а, может быть, и оценкой спиртного...
19.07.92

Фавориты времени, лидеры перемен, «новые люди»... Кто вы? Какие вы?

Пора, наверное, взглянуть на вас без мешанского озлобления («Вздыбили все! Перевернули!.. Сами в роскоши купаются...»). Пора увидеть в вашем существовании тот оттенок трагедизма, без которого — как учит история — не обходится ни одно новшество, ни один слом.

Особо искать «новых людей» сейчас не приходится. Они на виду. К этой группе «впередсмотрящих» относятся и Аркадий.

Аркадий на стремнине жизни. Хотя бы по внешним, чисто бытовым признакам его острой охотой к конъюнктуре деятельности, его преуспеяния. То Аркаша — еще девятиклассником — устроил «прием с кофе» и, немного любуясь своей независимостью, распахнул бар, озадачив гостей выбором, какой же из высокосортных коньяков лучше подчеркнет вкус бразильского кофе. То, уж позднее, когда

вовсю развернул свой бизнес, он предложил провести вечерок у него и посмотреть видак. А совсем недавно подкатил на собственной «тойоте»...

В свободное время Аркадий берет парашют и вместе с приятелями-спортсменами уезжает за город. Небо — его любовь, его отдушина в немилосердно распланированных днях. Небо — это его свобода в несвободном, заданном жесткой конкуренцией ходе жизни...

Когда я спрашиваю: «Аркаша, для души тебе достаточно твоего неба, вызеленного, раскаленного, пыльного, в общем, материального, трехмерного?» — он молчит. И я молчу. Думаю про Книгу...

В детстве Аркаша не любил читать. Мы постоянно подтрунивали над ним. И вот однажды маленький Аркаша появился у меня на работе. Пока я разговаривал по телефону, он достал из портфеля какую-то книгу и принялся ее усердно читать, всем видом актерствуя: мол, и мы не лыком шиты... Я освободился, окликнул гостя. Тот отмахнулся: «Подожди, дай дочитаю!» Демонстративно перевернул страницу. Он, обидчивый ребенок, взялся на моих глазах развеять все обвинения в нелюбви к книгам, а может, и нашу неверу в его безупречность. В этом была такая детская прямота, такая мягкая и веселая нелепость, что я не удержался и рассмеялся. Подошел к Аркадию. Взял в руки книгу.

«Справочник спортсмена-парашютиста», — так она называлась.

Позже, когда Аркадий подросток и заматерел, я стал вспоминать про эту неожиданную книгу с другим настроением, не так весело и иронично. Меня вдруг стала пугать тогдашняя недетская точность выбора. Из бесконечности книжных фолиантов неискушенный читатель нашел тот единственный томик, который мог подсказать, как уцелеть, физически уцелеть. Как быть, если нога потеряла опору, в непредсказуемом ритме хаоса завертелось пространство и с гибельным ускорением понеслась навстречу земля...

Фавориты времени, лидеры перемен, самые современные из нас... Разве не одним они схожи? Умение отсеять от себя лишнее. Умение поставить ряд последовательных злостных целей. Умение выполнить их.

Но давняя история с книгой высветила для меня вот что: да, они, лидеры переустройства, умеют ставить перед собой цель за целью и выполнять их. Но никогда они не возьмутся подойти к пределу этого целеполагания, никогда не решатся ответить на вопрос: а что — Цель Целей, для чего жить? Подобный вопрос выбьет их из колеи, он востребует все то лишнее, что было когда-то отброшено в суровой жизненной борьбе: никчемные разговоры, сомнения, мечты, «пустые» книжки, — все то, что не приносит материальных плодов.

Они, «новые люди», конечно, сделают свое дело. Они отнесут общество на новое место. А потом, как отделившиеся ступени ракеты, станут падать. Вниз, в бездну, в небытие. Лихорадочно, вспльщиво затоскуют: где же та опора, что позволит уцелеть?! Прежний опыт, увы, им уже не поможет. «Справочник парашютиста» (а иже — «Учебник брокера», «Самоучитель менеджера» и т. д.) окажется бесполезным. Потому что перед дыханием Вечности, перед вспышкой — оценкой себя, своего Я в мире, понадобится иная книга. Может быть, тоже единственная из несчетного сонма книг...

Какая? Не знаю... Сейчас, когда я вместе со всеми чувствую, что почва уходит из-под ног, что пространство (какое оно там? — геополитическое? экономическое? финансовое?) заворачивается в воронку грядущей встряски, я пытаюсь отыскать для себя эту книгу... Я, кажется, знаю, что это за Книга.

И не случайно задаю Аркадию вопрос:

— Для души тебе достаточно твоего неба? Пыльного и материального?

НА
СМЕРТЬ
ЮНОШИ

Церковная служба долго не брала трубку. Собственного телефона у прихода нет, его служители пользуются тем же, что и работники музея природы. Музей и церковь делят пока единый над собой купол храма.

Музейный сторож по моей просьбе пройдет сейчас по выставочным залам и остановится перед закрытыми дверьми, за которыми — с недавних пор ему неподвластное хозяйство. «Неотложные дела», — ответит он на вопросительное молчание. В церкви все поймут — не каждое же дело там неотложное, или каждое?

Двери чинно раскроются, и сместятся два малопохожих мира. Мягкий ночной трепет свечей, пористые блики золоченых окладов кротко упадут на обесчеленные диорамы уральских гор, на холодные витрины с чучелами животных.

Пожилая служительница осенит себя крестным знаменем, ожидая — беспочвенно? — подвоха из темных углов, где повсюду неподвижные рога, копыта, хвосты... Старушка сомкнет за собой створки дверей, во мраке, взбивая от чугунных плит пола ноющее эхо, двинется мимо лоса со стеклянными глазами, мимо наколотых на булавки бабочек, мимо скелета мамонта, мимо белемнитов и других раковин юрских морей... Туда, где по задумке музейных устроителей ближе и ближе истоки жизни... Двинется, чтобы услышать о смерти...

Я жду. Чьи-то слезы в квартире пахнут водкой. Кругом пепел от бесчисленных сигарет и папирос. На столе — остатки вчерашнего обеда, обыденного обеда, ставшего вдруг памятным, потому что совпал для хозяев с черной новостью.

Сейчас в черные вестники готовлюсь я. И пусть эта весть предназначается тем, чей профессиональный долг примирять людей со смертью, — от этого не легче.

Женщина передо мной не выдерживает тишины: — Он... Он... Он даже... чемпионат по футболу не досмотрел... Ни одной передачи не пропустил, а досмотреть — не судьба... Он... Он... Он... странный бы... бы...

Привыкнуть ли ей когда-нибудь к слову «был»? — Шестнадцать лет... У него и девчонки еще не были... Нету... Только футбол был... Лес был... Озеро было...

Женщина перешла на скороговорку многожды повторенного: — Сама его на смерть увезла. Отдохнуть решили. Мы

в избе сидим, а он ночью купаться побежал. Он часто по ночам купался. Говорил, с водой и ветром растворяется. Любил по ночам и в одиночку. Бывало, до часу на озере задерживался, — и никакой тревоги у меня. А здесь в полночь сердце забилось. Всех подняла, повела искать его. Как к озеру подошли — я все поняла.

Женщина снова заплакала. — Когда его вытащили — на теле ни царапинки. Только на лбу след от камня... А руки и ноги вот так...

Женщина замерла в последней позе сына, и показалось, что эту его позу она помнит еще по собственному материнскому чреву.

В трубке раздался невнятный переговор голосов, и прежде чем ее взяли, я невпопад вспомнил какую-то недавнюю июньскую ночь, дорисовывая ее для себя, доводя до образа нужной мне истины.

...Пруд в небольшой деревушке чернел торфяной взвесью, на его брюхе мотались из стороны в сторону лиловые отражения звезд. Палевые костяки ив на берегу походили на скелеты динозавров, олицетворяя первобытную неодухотворенность. Чья-то рубашка, брошенная на куст, блестела, как глазами, стекляшками пуговиц.

Под ивами горел негромкий костер. Прыгал у костра нагой пацан. Веер ахилловых сухожилий напрягся, когда его ступни касались камчужной травы, окрашивался мягким багрецом. Он прыгал не так, как вытряхивают воду из ушей. И не так, как греются.

Он прыгал, чтобы на миг вычлнить себя из природы, зависнуть над миром и ошутить в себе замриание чего-то странно неизвестного... Потом снова вернуться к земле, к ветру, к костровому теплу... Но уже — с новым знанием с себе, о том, что нутро его — не лишь селезенки — легкие — печень...

Я прошел мимо быстро и неслышно, чтобы не дать ему засесняться. Ведь то, если я не ошибся, было таинством — балансирующим меж двумя ощущениями — ощущением природы и ощущением души. То было постижением собственной — че-ло-ве-чес-кой — предназначенности в мире сложноцветных, головоногих, парнокопытных...

...— Слушаю, — раздалось в телефонной трубке. — Простите, что поздно, — сказал я незнакомой себе-седнице. И вдруг испугался, что сам же поторопился на все ответить: «Простите, что поздно...» Но торопливо договорил.

— Трагедия... У моих знакомых погиб племянник. Здесь его мать. Она боится, что если не похоронит сына по христианскому обычаю, то его душа...

— Приходите завтра в восемь, — не выдержав положенной отстраненности, по-матерински горько вздохнула церковная служка. — Здесь все и уладите.

— Но погибший не крещен, — сказал я. Старушка молчала. Вокруг меня тоже молчали. Лишь женщина, сбивая речь слезами, пыталась объяснить то, что не нужно было объяснять.

— Так может, он хоть в купели побывал? — участливо откликнулись наконец по церковному телефону.

— В купели? — переспросил я. И понял, что ожер материнское сердце многозначным словом.

Купель... Пруд в лиловых осинах... Радостно играющие сухожилия... Мать-и-мачеха, заботливо принимающая кого-то из поднебесья...

«Простите, что поздно!»??? Но что — поздно? Ведь и у него был лес... Было озеро...

И скала, оттолкнувшись от которой и на миг застыв в нигде и никогда, можно было ошутить в себе нечто бесплотное, но равное всему миру, могущее вместить весь мир, а значит, и ВЕЧНОЕ, КАК МИР...

Где-то за облупленными многоэтажками высился Храм. Наполовину — музей природы. В случайном и временном этом соседстве виделся смысл. Не разные ли стороны одного и того же объединил этот Храм?

Одного и Того же? 9.08.92

Герман Ф. ДРОБИЗ

Осечка Роберта Льюистона

Рассказ

Рисунок
Наталии
Петровой

— Хэлло, Бобби! Это Стаффинг.

— Хэлло, Джордж.

— Что у тебя с голосом? Простыл? Надеюсь, не до такой степени, чтобы отменить наш визит в «Маскьюлин»?

— Я не простужен, и тем не менее... Очень сожалею, Джордж, но мы не идем.

— Не идем?

— Случилось непредвиденное: я должен ехать на похороны.

— Черт возьми! Э... Прости. А кто умер? Бобби! Ты слышишь меня?

— Да, разумеется.

— Я спрашиваю, кто умер?

— Еще не знаю... Джордж, мы обязательно сходим в «Маскьюлин», и я представлю тебя Готфриду Селецки, к чему ты так страстно стремишься. Но уже после Нового года.

— После не имеет смысла! Пойми: сегодня — мой последний шанс. В январе они начнут рекламную кампанию, и Селецки будет мотаться по всему побережью. В лучшем случае мы поймаем его через месяц, когда команда будет набрана. И потом, одно дело — пообщаться в теплой обстановке предновогоднего мальчишника и совсем другое — встреча среди нервотрепки, без которой никогда не обходится старт новой газеты. Бобби! Тебе обязательно надо ехать на эти похороны?

— Я очень сожалею, Джордж...

Ошеломленный, Стаффинг положил трубку так, как если бы, полюбовавшись на недоступную ему драгоценность, вернул ее в витрину ювелирного магазина.

Итак, они не идут в «Маскьюлин»! Он очень сожалеет!

— Подонок! — вырвалось у Стаффинга. Не говоря уже о взятом напрокат смокинге — мелочь, но отнюдь не бесплатная, он разорился еще на дорогие запонки — оригинальные кубики, выточенные из исландского шпата. Наконец, он выдержал целый бой с Лилиан, не желавшей уразуметь, что предновогодний обед в клубе «Маскьюлин» — мальчишник, и традиция эта не признает исключений даже для членов клуба, тем более — для гостя. Лилиан все равно вскипела, хлопнула дверь и закрылась в своей комнате. Она славная баба, его Лилиан, но

оттого, что у них нет детей, у нее в последние годы начал заметно портиться характер.

Впрочем, все это ерунда — и смокинг, и запонки, и временная размолвка с женой — в сравнении с главным: что они не идут. Рушился последний шанс получить работу в ситуации, когда на банковском счету семейства Стаффингов осталось долларов разве что на пару месяцев скромной жизни. Чудачка Лили, она ведь потому и взвилась, что хотела помочь ему охмурить Готфрида Селецки!

— Дорогая, — сказал ей Стаффинг, — не уверен в твоих способностях успешно кокетничать с мужчинами. Никогда не наблюдал тебя за этим непростым занятием.

Ее это почему-то сильно обидело.

— О да, у тебя верная жена. Но ради твоей работы я сумела бы это сделать, уверяю!

Джордж Стаффинг, сорокадвухлетний журналист, находился в том, известном многим мужчинам его возраста состоянии, когда интеллектуальные и духовные силы порядком истощены, и на дальнейший жизненный успех должен работать приобретенный капитал. И в буквальном смысле — финансовый, и еще более ценный капитал завоеванного авторитета, профессиональной репутации, налаженных связей. Увы, со всем этим дела у Стаффинга обстояли, мягко говоря, неважно, а проще — нигудышно, на грани краха. Неуживчивый характер не давал ему возможности хоть сколько-нибудь долго закрепляться в той или иной редакции. Перо его было острым, манера письма — четкой и внятной, и Стаффинга терпели бы и с его резковатым характером, но окончательно подкашивало его репутацию упрямое нежелание проверять сведения. Он просто не любил проделывать эту нудную, но обязательную в журналистике работу, легко доверялся устным высказываниям, слухам, сплетням. В результате несколько раз оскандалился, печатая разоблачения, которые не мог потом документально подтвердить. Два таких случая послужили причиной увольнения из солидных газет, последний же закрыл перед ним двери всех редакций. Со слов помощника бывшего губернатора штата Джордж живописал развлекательную поездку губернатора в Европу в сопровождении секретарши. В ответ губернатор обнародовал документ, из которого следовало, что в той поездке он выполнял специальное поручение правительства. Стаффинг кинулся искать молодого человека, но тот испарился. Оказалось, помощник отомстил губернатору за то, что тот запретил ему писать книгу о себе, чем-то, в свою очередь, угрожая.

С горя Джордж поступил по принципу: чем хуже, тем лучше — и вместе с Лилиан укатил на флоридские пляжи, что и свело почти к нулю его скромные сбережения. Там-то он и встретился на теннисном корте с Льюистоном, которого до тех пор знал шапочно. Они понравились друг другу, дело дошло до сердечных приятельских бесед. Стаффинг поведал Бобби Льюистону о своем положении. Впрочем, оказалось, тот наслышан о бедах своего земляка. Бобби обещал помочь, подняв свои обширные связи.

По возвращении знакомство было закреплено взаимными визитами. Льюистон побывал в гостях у Стаффингов, и Лилиан, вообще-то не очень любившая и умевшая готовить, ухитрилась соорудить приличный стол — так настоятельно требовал от нее не ударить в грязь лицом Джордж. Затем они посетили холостяцкую квартиру Льюистона и провели славный вечерок в его великолепном кабинете у камина.

Разумеется, Стаффинг стремился поближе сойтись с Льюистоном, в первую очередь надеясь на его помощь в подыскании работы. Но Роберт Льюистон и сам по себе был любопытной личностью, с ним было интересно общаться. К тому же, обсуждая во время своих встреч политику, бизнес, искусство, мужчины убедились в сходстве многих своих воззрений. Их сближали даже мелкие частности, — оба оказались болельщиками одной и той же баскетбольной команды. А то, в чем они решительно расходились, не было особенно драматичным. Например, отношение к фактам. Как уже сказано, журналист Стаффинг относился к ним не очень уважительно. Юрист Льюистон боготворил их. Стаффинг полагал, что фактами можно манипулировать, а то и вовсе пренебрегать. Льюистон был преисполнен мистического уважения ко всему существующему, состоявшемуся и зафиксированному. Оказалось, он просто помешан на статистике, а любимым его коньком была теория вероятности. Но, разумеется, не ее высокая математическая область, в которой он не разбирался, а та приземленная часть, которая касалась конкретных выводов, следующих из частоты свершения тех или иных событий. Стаффинг считал все это чушью собачьей, и однажды они сдвинулись в энергичном споре.

В кабинете Льюистона, в уходящих под потолок шкафах хранились сотни статистических справочников, но этого ему было мало, и он сам вел статистику самых различных событий и ситуаций, порою весьма причудливых.

— Возьми, к примеру, твою оплошку с этим вруном, помощником губернатора. Почему ты поверил ему на слово?

— Я доверяю первому впечатлению, — беззаботно отвечал Стаффинг. — Передо мною был скромный молодой человек, с безупречными манерами, с прямым честным взглядом.

— Ну-ну... А вот если бы ты, подобно мне, вел некоторую статистику... При том, заметь, это не имеет даже косвенного отношения к моей профессиональной деятельности — я, как ты знаешь, занимаюсь правовой защитой мелкого и среднего бизнеса — тем не менее я, в силу врожденного любопытства, подбираю всякую всячину, а вот ты, газетчик, мог бы заниматься этим именно для работы.

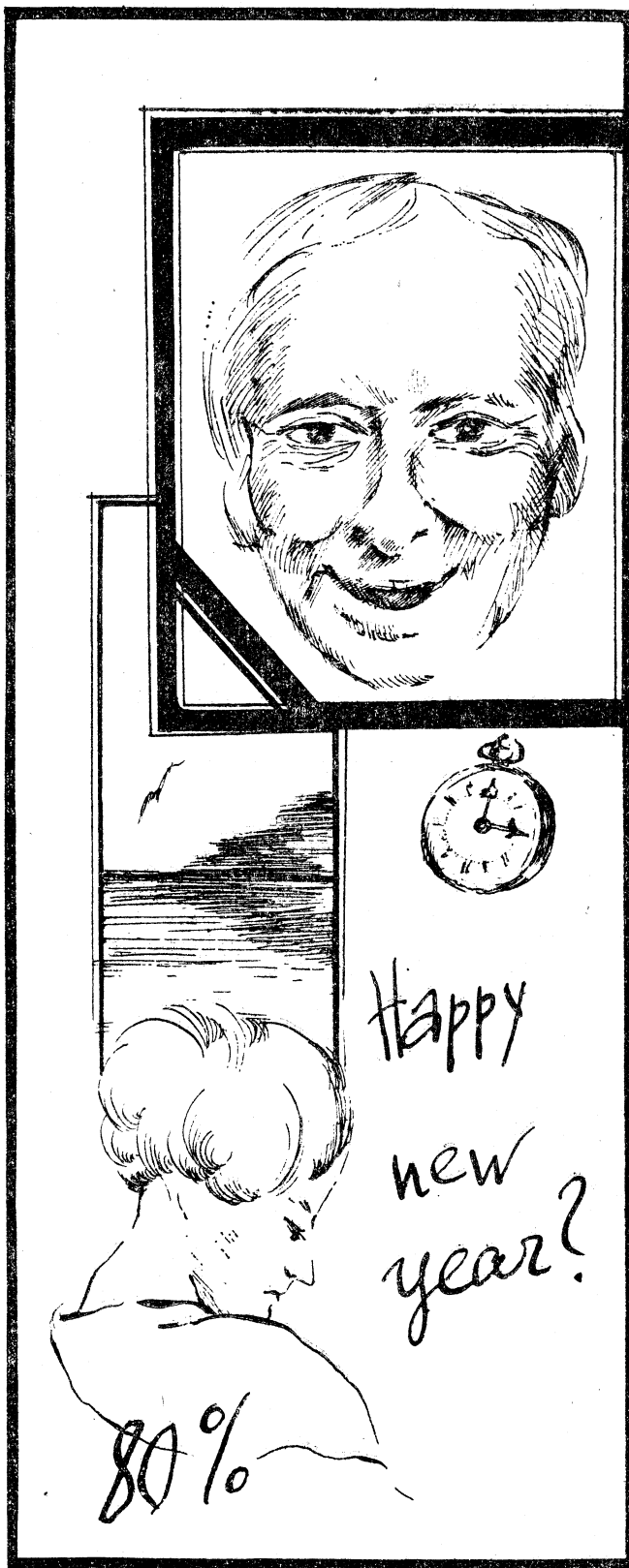
Он распахнул дверцы шкафа и достал одну из множества пронумерованных папок.

— Здесь у меня зафиксирована мемуарная литература, написанная нашими политиками и должностными лицами или о них за последние двадцать пять лет, учтены все рецензии, отзывы, материалы судебных разбирательств — бывали и такие. И что же получается? Абсолютно правдивых мемуаров не существует вообще.

— Для такого открытия не нужна статистика, — снисходительно перебил Стаффинг.

— Верно. Но вот более любопытные данные, вычисленные лично мною. Если в мемуарах самих политиков и власть имущих господ откровенная ложь и передергивание фактов встречаются в среднем в тридцати семи процентах случаев, то в книгах, которые написали о них их заместители, или секретарни, или помощники, — Льюистон поднял палец и с нажимом повторил, — и помощники... Этот процент доходил до семидесяти двух! Если бы ты знал это, тебе было бы наплевать, насколько безупречны манеры у молодого человека, и ты понимал бы, что просто обязан перепроверить его разоблачения.

— Ты хочешь сказать: если до этого парня три чет-

верти помощников ввали в своих записях, то и он подо- зрителен на три четверти — стало быть, почти наверняка?

— Да. В том-то и сила теории вероятности. Она почти не знает исключений.

— Ерунда! Чуть!

Слово за слово — и они вполне серьезно разругались, но вовремя опомнились, и Стаффинг миролюбиво предло- жил оставить отныне эту тему в покое. Предложение было принято и соблюдалось обеими сторонами. Льюистон более не демонстрировал статистических выкладок, а Стаффинг решил считать увлечение приятеля чудачеством, близким к помешательству, но, вроде бы, не переходящим в таковое. Дружеское общение крепло, и все было бы славно, но шло время, а Льюистон все никак не мог найти для Стаффинга что-нибудь конкретное. И оно вдруг нашлось! От знако- мых журналистов Стаффинг узнал, что вот уже около месяца в обстановке засекреченности хозяин могучего ежемесячника «Атлантический голос» Готфрид Селецки набирает новую команду, чтобы с января обрушить на читателей приложение к «Голосу» — еженедельник с рабочим названием «Хорошие новости». У самого Стаф- финга никаких подходов к Селецки не было. И тут заме- чательным образом оказалось, что Льюистон прекрасно знает газетного магната — оба они многолетние члены клуба «Маскьюлин»!

— Но надо поторопиться, Бобби, — сказал Стаффинг. — К Новому году он закончит набор — так мне сказали вер- ные люди.

И очень кстати обнаружилось еще одно благоприятное обстоятельство: тридцатого декабря клуб «Маскьюлин» устраивал традиционный предновогодний обед, на который член клуба имел право пригласить одного гостя. Догово- рились, что на обеде Льюистон представит Стаффинга и постарается внушить Селецки необходимость взять тако- го опытного и крепкого журналиста. Разумеется, за обедом, под выпивку и закуску, они не станут вести прямой раз- говор о найме, контракте, нет, это будет дружеский треп, с шутками и прибаутками. Так, мол, и так, конечно, у Стаффинга есть такой грешок, всем известный и заслу- живающий порицания, но ведь речь идет о «Хороших но- востях», где не будет разоблачительных материалов, а если он и ошибется, перехвалив кого-то, то это не страшно. С чувством юмора, заверял Льюистон, у Селецки все в порядке.

И вот — «я очень сожалею»... Черт бы его побрал, этого покойничка, не мог полежать до завтра!

Стаффинг поморщился, вспоминая телефонный разго- вор, какой-то дурацкий, как диалог в абсурдистской пьесе. И, кстати, что-то там Бобби брякнул действительно несур- зазное, что-то, миниходом кольнувшее... Что?

Внезапно он всплеснул руками: «Еще не знаю»... Он спросил, кто умер, и Бобби ответил: «Еще не знаю». Да, так и сказал! Но что это значит? Может ли так ответить разумный человек? Или он шутил? Безозглая шутка, ничуть не похожая на Льюистона. Он помешался? Шиза- нулся-таки наш милый Бобби с его чудачествами вокруг статистики?

Стаффинг поймал себя на том, что едва не крикнул в сторону двери, за которой укрылась Лириан:

— Слушай, Бобби свихнулся!

Нет, не стоит впутывать ее в это дело. Но он немед- ленно поедет к Льюистону. Может быть, «еще не знаю» означает, что он почти не знает покойника, и похороны навязаны ему какими-то родственными или приятельски-

ми приличиями. Тогда, возможно, удастся убедить его пре- небречь такими похоронами. Наврять, что заболел. Поду- маешь, кто-то сильно обидится на отсутствие человека, которого покойник, скорее всего, и сам-то не знал!

Стаффинг поспешно накинул пальто и выбежал из квартиры.

— Прости, Бобби, что я все же приехал, — заговорил он с порога, наступая на Льюистона, открывшего ему дверь с вполне похоронным выражением лица, — но у меня создалось впечатление, что ты практически не зна- ешь покойника и в общем-то мог бы отказаться: простыл и так далее. А?

Они прошли в кабинет, в этот промозглый декабрьский день особенно уютный, благодаря горящему камину.

— Я действительно не знаю его, — подтвердил Льюи- стон. — Ни практически, ни теоретически. Понятия не имею, кто он. Не знаю даже, он это или она.

Переварив все услышанное, Стаффинг вздохнул, от- кашлялся и произнес:

— Ах, все-таки вот так. Значит, я не ослышался. Тог- да позволь на правах не столь давнего, но близкого прия- теля, а главное, искренне любящего тебя человека спро- сить прямо, без обиняков: с тобой все в порядке?

Слушая тираду Стаффинга, Льюистон взял кочергу и принялся задумчиво шевелить поленья в камине. Огонь затрещал сильнее. Затем Роберт прекратил это занятие, жестом пригласил гостя в кресло по одну сторону ками- на, а сам занял другое. Руки он расслабленно раскинул на подлокотниках, ноги удобно скрестил, опершись на окаймлявшую камин бронзовую решетку — незаурядное произведение известного дизайнера, представлявшее из себя прихотливое сочетание миниатюрных пик, мечей, щитов и каких-то вовсе уж загадочных шишечек. Черный костюм из дорогой ткани, темный галстук на белоснеж- ной сорочке, черные туфли, по носкам которых мягко перебегали отражения языков пламени. Респектабельный господин, собравшийся на похороны и коротающий время у камина. Разумеется, он в полном порядке. Весь его вид делал вопрос Стаффинга довольно глуповатым.

И все же Джордж, поерзав в кресле, повторил:

— С тобой все... нормально?

— Что ты имеешь в виду? — спокойно переспросил Бобби.

— Эти твои слова по телефону. И сейчас ты снова сказал что-то такое же. А тогда я спросил, кто умер, и ты ответил: «Еще не знаю». — Стаффинг посмотрел ему прямо в глаза.

Льюистон непринужденно выдержал его взгляд.

— Да. Еще не знаю. Я жду звонка. — Он кивнул на телефонный аппарат, стоявший на столике возле его крес- ла. — Надеюсь, он все разъяснит. Конечно, у меня есть некоторые предположения. Так сказать, кандидатуры. Но не исключено, что это будет кто-то совсем другой, о ком я даже не подозреваю.

— Если я правильно понял, ты уверен, что кто-то умер, и этого кого-то будут хоронить в ближайшие часы, о чем тебя вот-вот известят?

— Именно так. И меня удивляет, что все еще нет звонка. Ему давно пора прозвучать.

Стаффинг задумался: разговаривать ли ему с Бобби как со свихнувшимся или как с нормальным? Впрочем, а как надо разговаривать со свихнувшимся, кто же это знает?

— Слушай, давай пока оставим в стороне саму эту

твою уверенность, что кто-то умер. Обсудим вот что. Между смертью человека и его похоронами проходит как минимум несколько дней. Согласись, людям сначала сообщают о печальном событии — кончине, а уж потом, позже — о похоронах. Но ведь никто не звонил тебе о кончине? Иначе ты уже знал бы, кто он такой, твой покойник.

— Из этого следует только, что умер не слишком близкий мне человек. Меня не посчитали нужным осведомить о его смерти, но когда дело дошло до похорон, в последний момент вспомнили обо мне. Вспомнят в ближайшие минуты, я хочу сказать. Может быть, это какой-то мой давний клиент, о котором я забыл, но чьи родственники вспомнили мою роль в его прeusпяниях.

— Хорошо. — Стаффинга разозлила легкость, с которой Бобби вывернулся. Поистине, у шизиков своя логика, и ее нелегко перебороть. — Хорошо. Перейдем к главному. Почему ты так уверен, что все это произойдет именно сегодня? Видимо, тебе подсказывает это твой внутренний голос? — Стаффингу показалось удачным, что он ввернул насчет внутреннего голоса, намекнув таким образом приятелю на утеру им — будем надеяться, временную — здравого смысла.

— Нет, — возразил Льюистон, — мне говорит об этом теория вероятности.

«Господи! Как я сразу не сообразил! — мысленно воскликнул Стаффинг. — На чем же ему еще свихиваться, как не на своей любимой теории?!»

Но вслух он лишь осторожно произнес:

— Вот так? Очень интересно.

— Да ничего интересного, друг мой. Все очень просто. Завтра заканчивается год, а у меня явная недостача по покойникам.

— Недостача... по покойникам?!

— Как ты знаешь, я веду самые разные подсчеты. Есть в их числе и глубоко личные, а среди них весьма грустная статистика моего участия в похоронах. Так вот. До шестнадцати лет я был на похоронах лишь однажды — умер дедушка. С шестнадцати до тридцати — четырежды: итого, около трех десятых покойника в год. Далее в течение пяти лет — по одному каждый год. Затем показатель вырос до двух, а однажды даже подпрыгивал до трех. Это понятно: начали умирать не только престарелые родственники, но и наиболее хилые сверстники, а также клиенты и коллеги, находившиеся в серьезном возрасте. Подходим к последним годам. Мне сорок один — четыре поездки на кладбище за свежим гробом. Сорок два — снова четыре. И, наконец, в прошлом году — шесть. Как видишь, четкая закономерность: за единственным исключением нет ни одного года, когда бы показатель снизился, но и это исключение выразилось всего лишь в единице. И вот нынешний год на исходе, а у меня было только трое. Такого резкого спада просто не может быть, понимаешь? Как минимум должно быть еще два покойника, но уж одно, четвертый, должен возникнуть с той же непреклонностью, с какой по утрам встает солнце.

— И именно сегодня и сейчас?

— А когда же еще? Сегодня тридцатое декабря. Тридцать первого не хоронят никогда, это тоже зафиксировано в моей статистике. Вот почему я жду звонка и не сомневаюсь, что он будет.

Вслушав разъяснения Льюистона, Стаффинг почувствовал, что и сам малость дуреет. Ему представилось какое-то мрачное помещение, где спешно обряжают покойника, и кто-то приговаривает: «Побыстрее, господа,

а то у мистера Льюистона не сойдется статистика!»

«Бред, бред, — размышлял он, безотчетно наблюдая за игрой огня в камне. — То есть, оно может быть так, а может быть и по-иному. Ну, не будет ему четвертого покойника. Но когда это выяснится, обед в клубе давно начнется, а опаздывать запрещено: опять-таки традиция. Зато не возбраняется уйти раньше других. Вот! Убедить Бобби, что они могут поехать в клуб, там он познакомит его с Селецки и тут же вернется к своему телефону. Еще проще: пусть запишет в автоответчик просьбу перезвонить ему в клуб. Да! Вот выход!»

— Увы, Джордж, — развел руками Льюистон, выслушав его предположение, — по правилам клуба вызывать из-за стола к телефону не полагается ни по каким поводам.

— Черт бы побрал твою дурацкую теорию! — выругался Стаффинг. — Бред! Мало ли сколько умерло в прошлом году. Уверен, если я вспомню свои данные такого рода, никакой закономерности не обнаружится. Да и какие могут быть закономерности в вопросах жизни и смерти, это же не выпуск товаров, не биржевые курсы и не расписание поездов!

— Закономерности есть во всем, — убежденно возразил Льюистон. — Посмотри то, что я собрал или высчитал сам, и ты убедишься: опираясь на статистику, можно предвидеть многие ситуации не только в обществе, но и в собственной жизни. Вот, например, — он поднялся, прошел к шкафу и после недолгого розыска вернулся с папкой. — Весьма пикантная статистика! Хочешь знать, каков шанс, что твоя супруга знает о твоих изменах!

— С чего ты взял, что я изменяю Лилиан? — напрягся Джордж.

— Ну, не надо... — ухмыльнулся Льюистон. — Мужчина твоего возраста, твоей профессии... Я же не осуждаю тебя, но, пожалуйста, не лицемерь. Итак, ты хочешь это знать? Хочешь, — подтвердил он, хотя Стаффинг не произнес ни слова. — Тогда, будь любезен, ответь мне: изменяешь ли ты жене раз в год или чаще?

— Чаще, — буркнул Стаффинг.

— Это разовые измены или связи?

— И так и так.

— Эти связи, их длительность? Есть такие, что длились более года?

— Сейчас нет. Была пять лет назад. Тянулась три года.

— Эта женщина была знакома жене?

— Немного.

— Среди «разовых» женщин были ее знакомые?

— Примерно треть.

— А из остальных, если проследить... Между ними и женой можно обнаружить промежуточные знакомства?

Стаффинг задумался.

— У некоторых — да.

— Благодарю, — подытожил Льюистон и принялся черкаться прямо на обложке папки. — Итак... Девяносто процентов за то, что Лилиан знает.

— Да что ты говоришь? — ехидно откликнулся Стаффинг. — Девяносто? То есть, знает наверняка? Отчего же молчит?

— Не хотел бы огорчать тебя, Джордж, но, как правило, молчат в таких случаях по одной-единственной причине: потому что изменяют сами.

Стаффинг от возмущения сжал кулаки.

— Как ты смеешь? Ну, я дрянь, ладно. Но Лилиан...

Она любит меня и я, между прочим, вполне удовлетворяю ее. Она не изменяет, это исключено!

— Сейчас посмотрим, — melancholично ответил Льюистон. — Сколько лет вашему браку? Впрочем, знаю сам: четырнадцать. Дети? Очень важный компонент в этом вопросе. Детей у вас нет. Внешность, фигура. Весьма привлекательные. Образ жизни мужа. Частые отъезды из дома, не так ли? Журналист, что поделаешь. — Льюистон снова прикрыл расчетами обложку папки. — Извини, Джордж, Платон мне друг, но истина дороже... Изменяет ли тебе Лилиан? Восемьдесят из ста.

Он аккуратно поставил папку на место, прикрыл дверцу шкафа, вернулся к камину и снова принял методично орудовать кочергой.

Стаффинг почувствовал, как внутри у него что-то оборвалось. Он побавровел, и вся злость, какая копилась в нем, начиная с телефонного разговора, с этого «я очень сожалею», и теперь прибавлялась под аккомпанемент монотонных расчетов Льюистона, его бесцеремонных расспросов и циничных выводов, вскипела в нем и затмила ему зренье... Внезапно он представил Лилиан, обнаженную, в золоте флоридского загара, неизмеримо возбужденную — в объятиях какого-то мужчины! Он просто воочию увидел волосатую руку, властно стиснувшую грудь Лилиан, услышал ее прерывистый голос и сладострастные стоны...

— Сволочь! — заорал он. — Скотина! Убью!

Одним прыжком он оказался возле Льюистона, его кулак летел прямо в переносицу подлеца Бобби и Стаффинг уже предчувствовал, как она хрустнет под его ударом... Как вдруг его самого что-то жестко ударило в грудь: Льюистон выставил перед собой кочергу. И не только выставил, но успел сделать встречное движение, распрямив руки. Кованый граненый прут врезался в ребра Стаффингу, ноги его скользнули по паркету, а тело, отброшенное упругим ударом, запрокинулось, и Стаффинг грохнулся навзничь.

— Извини, старик! — воскликнул Льюистон, не ожидавший столь успешного отражения неожиданной атаки. — Я только хотел остановить тебя. Давай руку...

Он наклонился над Стаффингом... И увидел, как из-под головы приятеля льется алая струйка, петляя в углублениях паркетного рисунка.

— О Боже!

Он опустился на колени. Стаффинг глядел на него невидящим взглядом. Льюистон преодолел мгновенно вспыхнувший ужас и приложился щекой к паркету... Две пики и один меч каминной решетки были до основания вбиты в затылок Стаффинга!

Льюистон расстегнул рубашку на груди приятеля и принял ухом к сердцу. Оно молчало. Стаффинг был мертв.

Льюистон поднялся на ноги, отступил на несколько шагов и замер. Со стороны они походили на пару боксеров, один из которых только что отправил другого в нокаут. Из оцепенения Льюистона вывел странный звук: легкое потрескивание, а до его ноздрей донесся едкий запах чего-то горелого. Вот оно что! На виске Стаффинга, обращенном к огню, задымилась голова. Льюистон схватил кочергу, отгреб угли в глубину камина и постарался сбить пламя. Эта нечаянно возникшая работа отчасти вернула ему присутствие духа. Он сел в кресло и, стараясь не глядеть на раскинувшиеся перед ним ноги Стаффинга, снял телефонную трубку.

— Хэлло... Лили?

— Привет, дорогой! — обрадованно отозвалась Лили-

ан Стаффинг. — А я, между прочим, была уверена, что ты позвонишь. Ну, как вы там развлекаетесь? Надеюсь, после того, как ты проведешь время в обществе Джорджа и без меня, по справедливости будет в очередной раз повидаться со мной в отсутствие Джорджа.

— Боюсь, малышка, отныне все, что тебе предстоит делать, будет происходить в его отсутствие. Мы не развлекаемся в клубе. Мы находимся у меня.

— Ах, вы еще не ушли? Почему? Ты что, поддал малость? У тебя странный голос.

— Малышка, возьми себя в руки и приготовься услышать непоправимое. Джордж Стаффинг мертв... И умоляю, никаких фраз вроде «Да брось!», «Что за дурацкая шутка», «Что за жестокий розыгрыш»... Он мертв, Лили!

Льюистон услышал, как она крупно сглотнула комок в горле, затем в трубке раздалось нечто вроде хриплого выдоха поперхнувшегося курильщика...

— Да, — прозвучал, наконец, голос Лили. — Я верю. Как это произошло?

Льюистон изложил события коротко, но четко, ничего не пропуская и не утаивая. Лили не перебивала. Выслушав Роберта, она сказала:

— Ты назвал ему восемьдесят из ста, хотя мог назвать полные сто без всякой статистики... Не буду говорить тебе, что я любила Джорджа, что это ужасная потеря для меня. Одно утешает: он умер, не узнав о нашей связи. Для него это было бы слишком жестоким ударом. Знаешь, он никогда и ни к кому не ревновал меня.

— А ты знала о его связях?

— Разумеется... Ну, ладно, мы начинаем беседовать, словно ничего не случилось. Это неприлично. Сейчас я приведу себя в порядок и приеду.

— Да. И поторопись, потому что я вызываю полицию и не уверен, что они оставят меня на свободе. Просто не знаю, как они поступают в подобных случаях. Жду тебя.

Затем Льюистон сделал еще два звонка и в ожидании приезда Лили, полиции и своего адвоката сел в кресло возле головы Стаффинга. Лужица крови под затылком обрела окончательные очертания и потемнела.

Льюистон заставил себя нагнуться и провести ладонью по лицу мертвеца, прикрыв его глаза.

— Итак, четвертый покойник этого года у меня все-таки есть, — пробормотал он, не в силах отвести взгляд от спокойного белого лица. — Четвертый покойник, но не четвертые похороны. О том, чтобы похоронить Джорджа завтра, не может быть и речи. Следовательно, его похороны попадут в статистику Нового года, а в этом так и остается три штуки. Как жаль, что ты мертв, Джордж. Тебе приятно было бы узнать, что теория вероятности дала-таки осечку и что в этом вопросе прав был ты, а не я...

Небо без дирижаблей

Если в Екатеринбурге ехать по улице Беллинского в сторону Химмаша, то сразу после остановки «Ботаническая» увидим двухэтажное деревянное здание, выкрашенное в зеленый цвет. С одной стороны его опоясывает полукруглая застекленная веранда. Это здание бывшего дирижабль-порта.

8 сентября 1937 года из Москвы в Свердловск вылетел дирижабль «СССР-В-6». Цель — проверить трассу, по которой планировалось установить регулярное пассажирское сообщение. На борту находилось двадцать шесть человек. «Пассажиры чувствуют себя прекрасно, — поступило первое сообщение с неба. — Одни читают книги и газеты, другие играют в шахматы, а некоторые слушают патефон. Шум моторов слабый и не мешает разговору. Качки почти нет. Средняя скорость — сто километров в час».

Ночью 9 сентября над городом показались освещенный огнями дирижабль. В шесть часов утра он пришвартовался у города Арамиля в дирижабль-порту с 40-метровой причальной мачтой.

Погостив в Свердловске четверть суток, дирижабль вылетел обратно. Второй беспосадочный перелет Москва — Свердловск — Москва был совершен 22—24 декабря 1937 года. Дирижабль пробыл в воздухе 62 часа.

Дирижабль-порт в дальнейшем не понадобился. В 1944 году здание перевезли на нынешнее место. Металлическую причальную мачту в 1962 году сломали и сдали на металлолом.

У нас выросло уже два поколения людей, которые не видели в небе дирижаблей. А ведь в 30-х годах дирижабли широко использовались для путешествий и на малой высоте. Например, компания «Цеппелин» предлагала неторопливый кругосветный круиз с обзором Альп, древнегреческих храмов и египетских пирамид. К тому времени, когда первый перелет на самолете через Атлантику стал мировой сенсацией, дирижабли многократно пересекали океан. Еще в 1912 году английский дирижабль Р-34 преодолел его за 108 часов, а на обратный путь у него ушло всего 75. В 30-х годах немецкий дирижабль ЛЦ-127 136 раз пересек Южную и Северную Атлантику.

Это было золотое время дирижаблей. Только в Германии фирма «Цеппелин» за 30 лет построила 120 летательных аппаратов, в том числе такой, как «Граф Цеппелин» объемом 105 000 кубических метров, широко известный всему миру. На протяжении девяти лет непрерывной эксплуатации он не потерпел ни одной аварии. А в 1936-м фирма по-

строила еще более совершенный дирижабль — объемом 200 000 кубометров. Американский дирижабль «Акрон» имел внутри корпуса ангар для пяти самолетов-истребителей. С помощью специального приспособления они взлетали и садились с летящего дирижабля.

В 1931 году в нашей стране был создан «Дирижабльстрой» — научно-исследовательский комбинат по строительству и эксплуатации дирижаблей. Под Москвой (платформа Долгопрудная) построили Центральный дирижабль-порт. При нем был газовый завод, учебная эскадра дирижаблей, радиоцентр, электростанция. Сегодня на этом месте подмосковный город Долгопрудный, на гербе которого изображен дирижабль. А на стене одного из домов — мемориальная доска с именами членов экипажа дирижабля «СССР-В-6», отправившегося на спасение папанинцев, но потерпевшего катастрофу 8 февраля 1938 года в районе станции Кандалакша. Кстати, этот дирижабль и совершал полеты в наш город.

Комбинат «Дирижабльстрой» пустил в эксплуатацию 16 дирижаблей разного объема. Был даже цельно-металлический каркасный дирижабль из нержавеющей стали. 7 ноября 1932 года и 1 мая 1933-го на парадах в Москве участвовали дирижабли «СССР-В-1», «СССР-В-2», «СССР-В-5». Летящие исполняли выполняли ряд заданий командования Черноморского военно-морского флота по дозорной службе и разведке морских судов в сложных метеоусловиях. Такую же работу выполняли дирижабли и на Балтийском море.

А знакомый нам дирижабль «СССР-В-6» 29 сентября 1937 года отправился в свой уникальный рейс для установления максимальной продолжительности непрерывного управляемого полета без пополнения горючим и газом. Маршрут пролегал через одиннадцать городов. Дирижабль находился в воздухе 130 часов 27 минут, покрыв в общей сложности более 4800 километров — абсолютный мировой рекорд продолжительности полета. Только в 1946 году его перекрыл американский дирижабль.

Нельзя не упомянуть и о персональном рекорде, установленном корабельным инженером Владимиром Адольфовичем Устиновичем, который зарегистрирован в книге рекордов Гиннеса. Устинович за время 5,5-суточного непрерывного полета 11 раз выходил из дирижабля, так сказать, в «открытую атмосферу», проверяя состояние газовых и воздушных клапанов, оперения и системы управления. От носа до кормы он проходил за 30 минут, преодолевая расстояние в 210 метров. Кстати, Устинович ныне жив и здоров.

Многочисленные аварии дирижаблей, обусловленные низким уровнем технологии их изготовления, а также вторая мировая война заметно поубавили интерес к воздушным гигантам. Однако явные достоинства аэростатической подъемной силы заставляют ученых вновь обращаться к дирижаблям. Они используются в туристических целях, для патрулирования дорог и морского побережья, как платформы для аэросъемок, телевизионных передач, станций радиолокационного наблюдения, геофизических исследований, обнаружения низколетящих самолетов. Ведутся разработки дирижаблей для строительства и монтажных работ. Это лишь часть все возрастающей сферы применения дирижаблей нового поколения.

г. Екатеринбург

ПРОЗА

- Акимов В. Одна лошадиная сила. № 11
 Берроуз Э. Тарзан и сокровища Опара. Последний из плейстоцена. № 4
 Виннингтон А. Предчувствие. № 5—6
 Войнаков А. Волки. № 8
 Гачев Г. Жизнемысли. № 7
 Георгиев С. «Запах миндаля». № 9
 Дробиз Г. Осечка Роберта Льюистона. № 12
 Иванов Ю. Списанная. № 8
 Качулкова О. Робинзон в русском лесу. № 10, 11, 12
 Ломакин С. Семь часов в Ленинграде. № 10
 Папченко А. Кузнецик. № 5—6.
 Пинаев Е. Битва при «Трафальгаре». № 9
 Ромов А. Фуфель. № 1, 2, 3
 Семенова М. Сольвейг и мы все. № 5—6
 Хёниг Д. Чемоданчик. № 7
 Чемезов Н. Измена. № 9
 Щепетнев В. Мероприятие два дробь одиннадцать. № 7

ПОЭЗИЯ

- Драт А. Стихи. № 9
 Жеребцов Н. Стихи. № 12
 Изварина Е. Стихи. № 9
 Казарин Ю. Стихи. № 8
 Конечкий А. Лестница в небо. № 12
 Мережников Н. Стихи. № 2
 Найдич М. Стихи. № 7
 Нохрин С. «Рыба Немо, рыба Немо проходила над кораллом». № 10
 Покребышев О. Светильнь души — любовь. № 5—6
 Рахвалов А. У реки. № 9
 Румянцев Л. Узнаю то, что в слово не облечь... № 3
 Селянин Ф. Стихи. № 7
 Сибирев В. Стихи. № 7
 Станцев В. Встревоженно бьется мой пульс... № 4
 Тюленев И. Свеча моей печали. № 5—6

«АЭЛИТА»-92

- Больных А. Желтый колокол. № 10, 11
 Другаль С. Предчувствие гражданской войны. № 9
 Каттнер Г. Идеальный тайник. № 12
 Крапивин В. Лоцман. № 1, 2, 3
 Маккенна Р. Ночь Хогги Дарна. № 8
 Михайлов И. Нехороший сегодня туман. № 11
 Орехов Н., Орехов С. Серый. № 9
 Порохня Л. Сказка про Ваньку. № 5—6
 Прашкевич Г. Анграм-VI. № 7
 Хуснутдинов А. Часовой. № 3

ЗАОЧНЫЙ КЛФ

- «Аэлита»-91 в оценке читателей. № 7
 «Аэлита»-92. № 9, 11
 Князева О. Фантастика под микроскопом. № 12.
 Мешавкин С. Мгновение протяженностью в три дня. № 5—6
 Новинки фантастики. № 10, 11
 Толкиен Дж. Р. Р. «Как в песнях эльфийских поется...» № 12
 Садчикова Ю. Может ли девочка дружить с мальчиком. № 7
 Фантастика под микроскопом. Викторина-92. № 1
 Флореску Р. Для Будущего Человечества. № 5—6

КРАЕВЕДЕНИЕ. ХРИСТИАНСКИЕ ПРАЗДНИКИ. ПО БЕЛУ СВЕТУ. ТРОПОЙ ПОИСКА. СТРАНА ТОПОНИМИЯ. ДАВНЫМ-ДАВНО. ПРОМЫСЛЫ. МАЛЫЕ ГОРОДА РОССИИ. ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ

- Абрамов А. За 9 дней до Талалихина... № 2
 Алан Ю. Вечерний монолог. № 12
 Алебастров И. Ратоборец Скопин-Шуйский. № 9
 Ахметов С. Сказ про алмаз. № 11
 Бирюков Е. Ипатьевский дом. № 7
 Борисов В. Уральские итальянцы. № 3
 Борисов В. «Белый тебедь» с подрезанными крыльями. № 10
 Буруковская Т. «И жадной мыслью погрузились в тайны...» № 8
 Буруковская Т. «Что в имени тебе моем...» № 9
 Буруковская Т. «А если это так, то что есть красота...» № 12
 Бухаркина О. Город у горы Благодать. № 7
 Быховский И. Декабрист — изобретатель водомера. № 2
 Викторов А. Перовы, внуки художника. № 2
 Ворошилов С. Будет, как было. № 5—6
 Горбунов Ю. Зеленая ветка на фоне зимы. № 1
 Григорьев Г. Мария. № 1
 Давыдов А. Князь-кооператор. № 5—6
 Дайбо М. Девушки в тельняшках. № 5—6
 Демченко Е., Сидоренко А. Художник из «Шершня» и «Гнома». № 4
 Дмитриев А. Сундуки из Невьянска. № 11
 Довгопол В. Русская вилла в Риме. № 5—6
 Довгопол В. Золотой век уральской меди. № 10
 Дунаев Ю. Березы у дороги. № 2
 Евладов В. Арктика, просторная и тесная... № 2

- Житие преподобного отца нашего Сергия Игумена Радонежского. № 12
 Зайцев В. От тюрьмы до кладбища. № 8
 Изергина Н. Псевдоним, подаренный зятем. № 10
 Каменщик В. Камни Его Величества. № 10
 Капорейко О. Мастер. № 10
 Колосницын В. Пасха. № 4
 Коровин А. Подзащитный Льва Толстого. № 9
 Краеведческий бумеранг. № 2, 8
 Криницын В. Церковь в районе Ключей. № 12
 Кропачев А. Встреча через 70 лет. № 5—6
 Кузнецов А. Заговорил Урал с Онежским озером. № 5—6
 Кулешов Н. Клад по ветру. № 9
 Кусимов Н. Альбом из булата. № 11
 Ладов Н. «Золотое яблоко» на окне. № 8
 Лузянинов О. Да исправится молитва моя! № 2
 Любимов В. Ключи от квартиры Герцена. № 4
 Матвеев А. Охота за именем. № 5—6
 Марченко В. По секрету всему свету. № 10
 Медведев А. Сретение. № 2
 Медведев А. Благовещение. № 3
 Медведев А. Преображение. № 7
 Медведев А. Успение. № 8
 Мезенин Н. Нетипичный Демидов. № 1
 Мезенин Н. Владелец Тагильских заводов. № 2
 Мезенин Н. Посланник во Флоренции. № 7
 Мекш Э. Двинские гастроли певицы. № 11
 Мир на ладони. № 2, 3, 9, 11
 Неизвестный Чапаев. № 3
 Осинцев Л. Почем согня гребешков. № 4
 Осинцев Л. Носилов спорит с Нансе-ном. № 9
 Павлова Т., Хрусталева В. Скорбный путь Романовых. № 1, 3, 5—6, 7, 10
 «Павленковская библиотека». № 8
 Петров М. Пугачев на уральских заводах. № 5—6
 Под знаком ЮНЕСКО. № 10
 Понизовкин А. Маленькая моя Ирландия. № 2
 Постников С. «Уральская историческая энциклопедия» 60 лет спустя. № 10
 Прытков В. Остров Крит говорит по-лытовски. № 10
 Прытков В. Беринг — капитан-командор или поэт? № 12
 Русанов В. Над светлой рекой Березовкой. № 5—6

СЛЕДОПЫТ»-92

Рязанов Ю. Неудавшееся усыновление. № 7
 Самсонов В. Небо без дирижаблей. № 12
 Следопытский телеграф. № 2
 Сентябрьев Ю. Искор — городок на Искорке. № 5—6
 Сентябрьев Ю. Чудо рукотворное. № 1
 Серебровский В. «По части языка глубоко шашете...» № 5—6
 Сорокин М. Дефицитные невесты. № 11
 Степанов В. Задолго до Колумба. № 11
 Суслов Е. К Западу от Суэца. № 8
 Татарицев А. Пугачевская «метла». № 12
 Тиунов Д. В «тылу», на Крайнем Севере. № 7
 Трофимов А. «Никольские» из Ачита. № 10
 Трофимов А. Две из двух тысяч. № 11
 Тумаков В. Политпросветская чистка. № 3
 Хасанов Ф. Земля величиной со шкуру. Могильное озеро. В свою шкуру стрелял. Таинственный голос. № 3
 Шакинко И. Таинственный Кириша. № 8
 Ширинская Л. Как возвращали имя. № 3
 Шмерлинг С. Маленькие истины большой войны. № 5—6
 Шумилов Е. «Князь Горчаков» и «Вятский воевода». № 3
 Шумов В. Соавтор «Интернационала» и Лев Толстой. № 5—6
 Щербинина О. Таволга. № 8
 Щипко Л. Радетель Сибири. № 2

НАУКА И ТЕХНИКА. ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА. ОГОРОД «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА». НА ГРАНИ ФАНТАСТИКИ

Берсенев И. Чай у костра. № 5—6
 Богоявленский Л. Как живет ворона. № 3
 Глотов В. Звезд будет больше. № 2
 Дебердеев В. У космоса не женское лицо? № 3
 Дебердеев В. Космическое «кочевье» Талгата. № 10
 Казанцев С. Шагни из колыбели. № 4
 Кракало А. Слепые котята. № 5—6
 Миллер Г. Кто быстрее. № 5—6
 Непознанное вокруг нас. № 11
 Рыженков Г. Народное погодоведение. № 2, 3, 10
 Семенов А. Брюква. № 9
 Семенов А. Редька. № 3
 Семенов А. Репа. № 4
 Семенов А. Топинамбур. № 7
 Семченко Н. Келе — чудовище, дух, человек?.. № 11
 Сергеев В. Когда опять тряхнет Урал? № 10

Стахеев В. Земляк. № 3
 Стоколос А. Лекарство для императора. № 3
 Стоколос А. Кто готовит пси-оружие. № 7
 Фадеев А. 4 дня в «М-ском треугольнике», или Чужие здесь ходят. № 3
 Шарманов Б. Что будет с нами? № 8
 Шрам В. Сад на Иртыше. № 5—6

КЛУБ СОБИРАТЕЛЕЙ. МУЗЫКА И МЫ. В МИРЕ ПРЕКРАСНОГО. НАШИ ИНТЕРВЬЮ. КТО ВО ЧТО ГОРАЗД

Анчуглов А. Какая она — первая любовь?.. № 9
 Бакшутова Е. Цветы моего лета. № 11
 Гелдобин В. Гордые узоры. № 11
 Горбатов-Лысьвенский А. Своя игра Тамары. № 10
 Доживем до понедельника? № 9
 Застырец А. Кое-что получше. № 11
 Именник. № 8
 Кива А. Ответ по-русски задерживается. № 7
 Книга и рынок. № 2
 Левченко А. Честь мундира. № 12
 Максашив А. Подносы Ирины Смыковой. № 8
 Минский М. Один авиарейс консульской марки. № 7
 Митина Н. Коллекция «Мойдодыра». № 5—6
 Понизовкин А. Потешки для души. № 3
 Понизовкин А. О чем поведали тарокко, или Ясновидцы в мире чистогана. № 5—6
 Понизовкин А. Истины из азбук. № 9
 Руденко В. Еще раз о тессерах, или Из опыта карточной системы древнего мира. № 4
 Руденко В. Зачем купон американцу? № 7
 Сытников Ю., Злоказов Л. Екатеринбургская Терпсихора. № 9
 Хлынова (Рошани) С. А я люблю индийское кино... № 1
 Чекменева Л. Художник Игорь Вишня. № 10
 Шинкаренко Ю. Константин Пахомов: Влюблен в... снегурочку! № 1
 Шинкаренко Ю. Дубовые дощечки № 5—6, 7, 12
 Шишкин А. Приключения екатеринбургской копейки. № 2

Вместо ваты — мох

В наше сложное время, когда медикаменты подорожали бог знает во сколько раз, а вата — точно в сто, будет как нельзя кстати вспомнить об удивительных свойствах, которыми обладает невзрачный на вид мох сфагнум. В переводе с греческого «сфагнос» — губка.

Мох назван так потому, что большая часть его клеток заполнена воздухом и способна впитывать воду. При этом вес может увеличиться в 25 и даже в 30 раз. Возможности гигроскопической ваты намного скромнее: она способна впитать воды в четыре раза меньше.

Именно на это уникальное свойство сфагнума давно обратили внимание медики. В Англии его применяли как перевязочное средство еще в XI веке. С тех пор сколько людей обязаны ему жизнью!

Известно, что он широко применялся во время русско-японской войны, а также первой мировой и Отечественной войн. Особенно мох выручал партизан. Чистый, подсушенный мох, собранный большими пластами на болоте или в лесу, употребляли вместо ваты, делали сфагново-марлевые подушечки и накладывали их на раны.

Сфагнум высоко ценится в хирургической практике — в нем содержится (в отличие от ваты) фенольное соединение сфагнол, которое губительно действует на бактерии, вызывающие нагноение ран. Исключительную эффективность сфагново-марлевым повязкам придает смачивание физиологическим раствором или раствором борной кислоты.

Теперь, отправляясь на заготовку клюквы, имейте в виду, что она растет именно на том виде мха, который применяется в качестве лекарственного сырья. Достаточно совместить эти два вида заготовок — и не придется лишний раз топтаться по болотам или бегать по магазинам в поисках ваты.

И еще об экологии. Специальными исследованиями доказано, что сфагнум сохраняет свои лечебные свойства не менее трех лет. За это время на участках, где проводилась заготовка, мох полностью восстанавливается.

О. ЛЮБИН

ЧЕСТЬ МУНДИРА

...Суворов праздновал свои именины в Бырладе: ему исполнилось шестьдесят лет. Служили молебен с провозглашением многих лета. Потом последовал особенно торжественный вахт-парад. Заметили, что именинник не в духе: не пожелал сам читать за церковной службой «апостола», не раз во время службы срывался с места, подбегал к певчим, бранил их и громко покрикивал на попа, когда тот что-то читал не так. И вахт-парадом остался недоволен: вместо обычной похвалы солдаты услышали чуть ли не в первый раз от Суворова хулу по адресу вахт-парада. Особенно раздражало его поведение подполковника Остен-Сакена. Недавно прибыв из столицы, Остен-Сакен считывал сразу получить батальон под свое начало. Суворов медлил с назначением, присматриваясь к новичку. На вахт-параде Остен-Сакен командовал батальоном в первый раз. В учебную атаку батальон шел примерно, но в конце все же произошел конфуз. Ряды расстроились, что, вообще говоря, за грех у Суворова не считалось. Остен-Сакену это не понравилось: он любил прусский строй. Когда батальон остановился, батальонный приказал солдатам, выбежавшим далеко вперед, после команды «стой» равняться по оставшей массе батальона. Барон Сакен не знал или забыл суворовское правило, согласно которому следовало подтянуть весь батальон к тем солдатам, которые после атаки оказались впереди.

Суворов, разбирая вахт-парад, обратился к солдатам:

— Плохо, братцы! Сижу я с вами в мокрой дыре, учу вас без палок и чудес. Чего бы! Учил я вас отступным плутонам? Для чего они надобны? Ни шагу назад, чудо-богатыри: хоть один впереди — к нему! Вперед, не выдавай! Бодрость. Смелость. Храбрость. Честь мундира!

Честь мундира... В середине XIX века один из офицеров-поэтов, служивший в Павлоградских ладугусарах, написал в день полкового праздника:

*Твой редкий кивер бирюзовый
Носил и я, за свой мундир,
За честь полка идти готовый
На смерть с восторгом,*

как на пир.

Лучшая часть русского офицерства правильно понимала, что значит блюсти честь военного мундира. Содержание и значение формы обмундирования войск и связанных с ними правил дисциплины и порядка было всегда очень велико. Если совершить исторический экскурс, то можно заметить, что военная форма издавна служила средством выделения вооруженных защитников из общей массы людей. В глубокой

древности, например, до возникновения наемных армий, каждый мужчина, способный носить оружие, был воинно и выходил на поля сражений в том платье, которое носил постоянно. Однако необходимость издали отличать свои войска от неприятельских уже тогда привела к стремлению иметь одноцветную одежду или, по крайней мере, отличительные знаки. В Спарте, в этом суровом государстве античности, было положено начало правильному обмундированию войск. Форма воина становилась признаком доблести. Для своей военной одежды спартанцы выбрали красный цвет, чтобы кровь, текущая из ран, была менее заметна и не смущала малодушных.

В русской армии еще до петровских реформ экипировка воина считалась признаком его чести, едва ли не первой наградой среди прочих наград была выдача одежды. Так, в 1469 году устюжане за мужество, показанное в сечах, получили от Ивана III по триста сермяг и бараньих шуб, удобных для ратных походов. До конца XVII века в России постоянных войск почти не было. Затем появились стрельцы, которые, составляя нечто вроде регулярной армии, имели и однообразную одежду — красную с белыми берендейками. Позже стрельцы оделись в длинные кафтаны из сукна. В мирное время они носили мелкие, отороченные мехом шапки, в военное — круглые железные шлемы. Уже тогда в деталях одежды строго подчеркивалось должностное различие. С этой целью начальствующие лица имели кожаные рукавицы и посохи, служившие в то время, вообще, знаком власти. Кстати, нужно отметить, что воинские звания, присвоенные офицерам, — это знаки их неизбежного полномочия. Ордена и медали, украшающие грудь командиров, свидетельствуют об их личной храбрости и воинских талантах. Форма одежды, которую носят командиры, знаки различия, награды — все это в совокупности является внешним выражением чести и достоинства офицера.

Петр I, создавший регулярную русскую армию, повелел иметь ей и

единообразное обмундирование. В характере одежды петровских войск явно проглядывается желание поставить ее на службу целям укрепления дисциплины, подчинения младших старшим. Отличием унтер-офицера (в наше время сержант. — А. Л.) был золотой галун на обшлагах камзола и полях шляпы. Таким же галуном обшивались борты и карманы кафтанов у офицеров. Сверх того, офицерам полагались золоченые пуговицы, белый галстук, а при парадном мундире — красный плюмаж на шляпе. В строю офицеры надевали на шею еще и особый металлический значок. Шарфы с золотыми и серебряными кистями служили для отличия штаб- и обер-офицеров.

«Возлюбленные чада Петра» ценили свое обмундирование. Оно было освящено в битвах с врагами. Вокруг деталей одежды преображенцев, семеновцев начали складываться военные традиции. Этим полкам, единственным в русской армии, был пожалован белый кант, сохранившийся в их форме на долгие годы. Этот цвет, считавшийся исключительной принадлежностью моряков, служил для гвардейской пехоты памятью ее участия в морских операциях Петра.

Форма петровских войск, довольно удобная для солдат и офицеров этой эпохи, существовала с небольшими изменениями вплоть до начала царствования «гатчинского капрала» — Павла, который стремился превратить русскую армию из грозной боевой силы, какой она была, в строгие квадраты плацпарадных оловянных солдатиков. Форма одежды была совершенно чуждой для русской армии. Традиции, связанные с деталями внешнего вида, забывались. Знаменитые бляхи, пожалованные офицерам Преображенского и Семеновского полков за Нарву, были отменены вовсе.

Сама идея мундира, как символа боевой части, была утрачена, ибо армия готовилась не к войне, а к балетным перестроениям. «Награда потеряла свою прелесть», — писал Карамзин, — наказание — сопряженный с ним стыд». Тонкости военной одежды составили целую науку, которая

с трудом давалась солдатам и офицерам. Больше всего хлопот доставляла нижним чинам уборка шевелюры. Каждое утро приходилось связывать волосы в косы, заплетать и мазать салом, а при парадной форме и пудрить. Косы у всех солдат должны были быть совершенно одинаковыми — равнение выдерживали не в затылок, а в косу. Причесанному с вечера к вахт-параду солдату не разрешалось спать, потому что можно было помать букли, а кроме того, бывало немало случаев, когда крысы в казармах отгрызали у солдат кончики кос во время сна. Армия тогда задыхалась под гнетом павловского режима.

Александр Суворов резко критиковал этот «идиотизм» и любил говорить: «Нет выше пруссаков: в шильотгаузе и возле будки не пройдешь без заразы, а головной их уборкою подарит вам обморок. Мы от гадости (паразитов) были чисты, а ныне они первую доюку стали солдат... Коса — не шпага, пудра — не порох, а мы — не пруссаки, а русаки».

Никто так из полководцев, как Суворов, не стремился вернуть мундиру российских войск его истинное значение. Не было дня, чтобы он не напоминал своим офицерам о славе, с которой были связаны их знаки отличия.

После томительных дней кончанского изгнания Александр Суворов прибыл в войска, чтобы возглавить италийский поход. Построив своих чудо-богатырей, он воскликнул: «Чудо-богатыри, други мои, тосковал я по вам. Думал, свидимся ли? А тепер поход... Всем павловские косы долой!»

Его солдаты — фанаторийцы, аншеронцы, суздальцы — покрыли свои знамена и мундиры нетленной славой. Из поколения в поколение в семьях, как драгоценные реликвии, сохранялись кресты и медали солдат, полученные под Измаилом, в Фокшанском деле, при Треббии, среди льдов Сен-Готарда. И при взгляде на эти почетные знаки, украшавшие мундиры героев, в сознании потомков возникали образы суворовских ветеранов, с честью носивших форму русских воинов.

Особенное значение символа чести приобрел военный мундир в период войн с Наполеоном 1805—1807 гг., Отечественной войны 1812 года и в последующее время, ибо, как говорит старинная военная поговорка, «для блестя эполет нужны обнаженные мечи».

Доблесть русской армии, разгромившей полчища Наполеона, получила мировое признание. В этой войне прославились десятки полков, навеки связавших цвета и форму своих мундиров с героическими под-

вигами в знаменитых сражениях. К этому же времени относится и окончательное внедрение в русской армии погонов и эполет. Впервые погоны в ней были введены в 1801 году.

Символика погонов и эполет корнями своими уходит в седую старину. Они были как бы данью памяти о тех далеких временах, когда древние русские витязи носили длинные наплечники, или оплечья, защищавшие их от ударов мечей неприятеля. Происхождение эполет относится к Тридцатилетней войне 1618—1648 гг. В то время в кавалерийских эскадронах, особенно среди кирасиров Густава-Адольфа, получил распространение лихой прием рубки, так называемый «удар смерти». Клинок со страшной силой опускался на плечо неприятельского всадника и наискось рассекал его туловище. Тогда из арсенала оборонительных доспехов были заимствованы плотные металлические пластинки: прикрепленные на плечи, они ослабляли «удар смерти» и нередко спасали кавалеристов от гибели.

Позднее, когда такие пластинки потеряли свое первоначальное назначение, они уже в другом материале остались на мундирах, как эполеты. В практическом смысле погоны были удобны тем, что при ношении ружей «на плечо» они предохраняли самую верхнюю часть мундира от быстрого износа и как бы скрепляли собой все части кожного и матерчатого обмундирования — португепю, перевязь, ранцевые ремни. С течением времени погоны стали важнейшей частью военного мундира. Знаки различия, появившиеся на них, ясно указывали степень офицерского чина и таким образом четко разграничивали служебное положение старших и младших, начальников и подчиненных, офицеров и солдат. Мундир все более и более становился символом воинской чести, и выражение «честь мундира» в лучшем значении этих слов было тождественным чести на поле брани.

...С мундиром, со всем внешним видом солдат и офицеров каждый полк связывал представление о своей былой славе и будущих победах. Один кавалерийский начальник говорил: «Военным нужны красивые мундиры для того, чтобы каждый офицер питал к ним любовь. И если бы мы не дорожили и не гордились воинской одеждой, которую носили когда-то наши доблестные предки, то были бы дрянью, лишенной чести». Поэтому меня сегодня удивляют рассуждения некоторых горе-реорганизаторов Вооруженных Сил, которые хотят все переделать подешевле и попроще. И переход на упрощенную форму одежды под лозунгом демократизации, мне кажется, приведет

к печальному исходу. Ведь простота хуже воровства, ну а скупой, известно, платит дважды. На мой взгляд, форма одежды у военнослужащего должна быть удобной в боевой обстановке и в то же время элегантно и красивой. Мировые образцы есть, это военная форма одежды армий США и ФРГ. Однако наша форма должна быть такой, чтобы было видно, что это военнослужащие Российской армии. Ведь еще в 1813 году знаменитые гренадерские шапки Павловского полка обращали на себя внимание многих офицеров союзных России армий своей особенной формой и некоторым, казалось бы, неудобством их в боевой жизни. Было решено заметить эти шапки киверами. И вот однажды русский генерал вместе с союзными, гуляя по Елисейским полям, прошел мимо павловца-часового Лаврентия Тропина, который в виде образца был уже в кивере. Генерал обратился к нему с вопросом:

— Покойнее ли кивера шапок?

— Точно так, покойнее, — отвечал Тропин, — в гренадерских шапках неприятель нас знал и боялся, а к этой форме еще придется привычать его.

Искренний и смелый ответ солдата, почитавшего свою форму, стал широко известен, и Павловскому полку были оставлены его прославленные шапки.

Лишение права ношения каких-либо принадлежностей обмундирования считалось в войсках одним из самых тяжелых наказаний. 16 марта 1806 года по русской армии был объявлен приказ: «Среди храбрости, оказанной российскими войсками, усмотрены и деяния тех, кои в день баталии покрыли себя бесславием. Новгородский мушкетерский полк при встрече с неприятелем противостоял ему недружно. В наказание столь постыдного поведения Новгородского мушкетерского полка положено отныне штаб- и обер-офицерам его носить шпаги без темляков, а нижним чинам сего полка тесаков не иметь». Только четыре года спустя, 13 июня 1810 года, Новгородскому мушкетерскому полку, загладившему вину свою мужеством и храбростью при штурме укрепления Базарджика, были возвращены утеранные отличия.

При изучении этого материала подумалось, каких знаков отличия или оружия лишал бы нас министр обороны? Смешно, но сегодня человека в мундире и лишать нечего. У него и так уже ничего нет. Даже военную форму и ту уже не выдадут вовремя.

А между тем в XIX веке символика мундира и погон была в русской армии столь всеобъемлющей, что сам акт лишения офицерского звания выражался в срывании погон

с плеч того, кто своим поведением обесчестил их.

Честь мундира — это храбрость, верность долгу. Честь мундира — это дисциплина. «Соберите сто тысяч человек, — говорил военный писатель Блондель, — дайте им оружие, снаряды, мундиры, и у вас еще не будет армии. Научите их употреблять все средства к истреблению неприятеля, предположите, что все они мужественны и сильны: у вас будет сто тысяч солдат, но еще не армия. Если их одушевляет одно чувство, поведете их на врага, они, быть может, одержат мгновенную победу, но на другой же день расстроятся и рассыпятся: они еще не составляют армии. Чего же недостает этим вооруженным, храбрым людям, чтобы стать армией? Им недостает дисциплины. Только строгий воинский порядок соединит этих людей в одно целое и сделает их грозным великаном». Воинский мундир, не осыпанный самой суровой дисциплиной, перестает быть символом чести и становится обезличенной одеждой. Поэтому тот, кто надел мундир офицера, перестает уже располагать собой по собственному усмотрению и подчиняет свою жизнь точно регламентированному порядку. Внешний вид воинских частей сказывался не только в форме обмундирования, но и в молодцеватости солдат, их выправке, в умении офицеров вести себя с достоинством. С помощью дисциплины и воспитательных мер желательный внешний вид может стать постоянно присущим войскам. В военном мундире нельзя быть понурым, вялым, нерешительным. Когда в 1814 году, после окончательного поражения наполеоновской армии, русские войска вошли в Париж, жители города, как свидетельствовали многочисленные мемуарные источники, были восхищены военным изяществом русских мундиров, блеском оружия, здоровым видом и бодростью воинов. Находившийся при главной русской

квартире английский генерал Стюарт, впоследствии лорд Лондондерри, писал: «Все, что можно сказать о русских резервах, останется ниже истины. Внешний вид и вооружение их удивительны. Когда подумаешь о претерженных ими трудах и сообразишь, что некоторые из них прибыли с границ Китая и в короткое время прошли пространство от Москвы до Франции, исполняешься каким-то восхищением к этой исполинской стране и ее людям».

Красивый, стройный вид части, бодрое выражение лиц, шеголеватость в одежде, подтянутые манеры и точно написанная на лице готовность моментально исполнить приказание командира — это подлинные черты военного типа, свидетельствующие о постоянном присутствии в человеке военной жилки, о великом уважении к своему мундиру. Забота о точном соответствии формы одежды установленным для нее образцам есть первый признак стремления воина к порядку. В повести А. И. Куприна «Поединок» поручик Федоровский говорил подпоручику Ромашеву, который одевался, чтобы ехать к полковому командиру: «Готовы? Советую вам продеть португею под погон, а не сверху. Вы знаете, как командир полка этого не любит».

У лучших русских офицеров были романтические представления о достоинстве их мундиров, осененных славой героев-предков. Когда однажды в Тамбовском полку солдат, отдав капитану чести, хотел оправдаться тем, что, стоя в полуоборот, он не видел лица офицера, капитан резонно сказал: «Мундир-то ведь ты видел, братец! Ну так вот знай — не мне отдаешь честь, а мундиру».

К концу XIX века пышные разноцветные мундиры с золотым шитьем уступили место, особенно в военное время, более скромным образцам одежды. Было введено так называемое защитное обмундирование. Основными его цветами стали зелено-

ватый и голубовато-серый. Первоначально защитное обмундирование появилось под названием «хаки» в английских войсках, находившихся в африканских колониях. После войны с бурами Англия окончательно ввела защитное обмундирование в качестве постоянной походной формы. Одновременно подобное же обмундирование ввела и Россия.

...В начале 1799 года в Кончанском (место изгнания А. В. Суворова) внезапно явился его племянник, подполковник Андрей Горчаков, флигель-адъютант императора Павла, с известием о том, что полицейский надзор с опального полковолда снимается и что царь вызывает его в Петербург.

Суворов сердечно принял своего родственника, расцеловал со словами: — Фомка! Нам чаю с ромом! Живо!

Дубасов внес чай и ром, и Суворов с племянником обратились к предмету своей беседы. Горчаков пил чай, щедро разбавляя его ромом. Он убеждал дядю все горячее и горячее, наконец, предложил ехать с ним в Петербург немедленно: государь нетерпелив, скор и в милости, и в гневе, переменчив — надо ловить мгновение фортуны:

— И потом, граф, что у вас за спор с ним пустой... Косички, сало, буклеты... Плюньте, граф, зачем этот культ чести мундира?!

Суворов слушал племянника равнодушно, а тут встрепенулся и резко ответил:

— Культ чести мундира священ для офицера. Да-с. Не вам объяснить, что понятие о чести мундира включает в себя верность знамени, служит на войне путеводной нитью, указывающей дорогу среди всех преград. И потом, князь, честь мундира — это не только прошлое и настоящее офицера, а и его будущее, ибо, вознесенная подвигом, она переживает века.

**Дамы и господа!
Друзья!**

Журнал «ПУТЬ К СЕБЕ» — это журнал для тех, кто хочет изменить себя и обстоятельства, для тех, кто готов идти по пути духовного, нравственного и физического самосовершенствования.

«ПУТЬ К СЕБЕ» — единственный в нашей стране журнал, представляющий идеи New Age — альтернативные и холистические идеи, которые гармонизируют человека и учат сознательно относиться к жизни.

«ПУТЬ К СЕБЕ» — это обзор мирового опыта решения проблем успеха и эффективности в бизнесе, а также нетрадиционных подходов к осуществлению личного прорыва в бизнесе.

«ПУТЬ К СЕБЕ» — это анализ широкого круга теоретических и практических вопросов по психологии, парапсихологии, духовному целительству, нетрадицион-

ным методам обучения и лечения, йоге, трансцендентальной медитации, астрологии, уфологии, эзотерике и многим другим областям.

Для журнала «Путь к себе» не существует национальных границ. Он распространяется на всей территории в России, в государствах Балтии, в Закавказье, Средней Азии, в республике Беларусь и на Украине.

Журнал «Путь к себе» издается ежемесячно тиражом 100 тысяч экземпляров. Индекс подписки по каталогу Роспечати — 17730. Журнал поступает и в розничную торговлю.

«INWARD PATH» — так называется журнал аналогичной тематики, который выпускает наша редакция на английском языке. Он выходит один раз в два месяца тиражом 10 000 экземпляров.

«INWARD PATH» читают в Америке, Англии, Голландии, Швеции, Норвегии, Австралии, Южной Африке и Индии.

Мундир лейб-гвардии семеновского полка, начало XX века

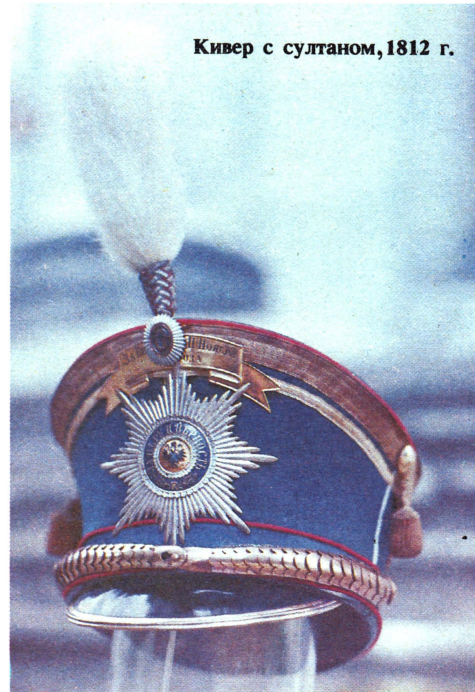

Обер-офицер и рядовой лейб-гвардии Данен-юнкер драгунского полка

Подсумки, XIX век

фото О. Капорейко

Кивер с султаном, 1812 г.

Съ
НОВЫМЪ
ГОДОМЪ

ЯНВАРЬ

1

